

Журнал по культурологии

Культура и цивилизация

Том 11, № 2А, 2021.

С. 1-198.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Cultural Studies

Culture and Civilization

April 2021, Volume 11, Issue 2A.

Pages 1-198.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Культура и цивилизация»

Том 11, № 2А, 2021

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Садохин Александр Петрович, доктор культурологии (24.00.01), профессор, директор центра деловых коммуникаций и социокультурной экспертизы, профессор кафедры управления информационными процессами, *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ* – главный редактор журнала.

Курасов Сергей Владимирович, доктор искусствоведения (17.00.04), профессор, член Российской академии художеств, ректор, *Московская государственная художественно-промышленная академия (МГХПА) им. С.Г. Строганова* – главный редактор журнала по направлению «Искусствоведение» (17.00.00).

Кургузов Владимир Лукич, доктор культурологии (24.00.01), профессор, член Международной комиссии научных исследований культуры народов Центральной и Восточной Европы ЮНЕСКО, *Восточно-Сибирский университет технологий и управления* – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теории, истории и практики культуры. Основной целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о проблемах формирования современной культуры и цивилизаций. Материалы открывают дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам; пропаганде идей и методологии междисциплинарного синтеза; подготовке и доведении до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных исследований. Авторами статей являются культурологи, ведущие специалисты в области социальных и гуманитарных наук, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам отечественной и мировой культуры. Журнал рассчитан на специалистов в области культуры, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами культуры и цивилизации.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Культура и цивилизация» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.П. Садохин, доктор культурологии (24.00.01)
Главный редактор журнала по направлению «Искусствоведение» (17.00.00)	С.В. Курасов, доктор искусствоведения (17.00.04)
Заместитель главного редактора	В.Л. Кургузов, доктор культурологии (24.00.01)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с ноября 2011 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5426

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»: **43044** «Культура и цивилизация»

Цена договорная. Подписано к печати 15.04.2021. Печ. л. 40,5. Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7149.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Culture and Civilization"

April 2021, Volume 11, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Sadokhin Aleksandr Petrovich, Doctor of Culturology, Professor, Director of the Center for Business Communications and Socio-Cultural Expertise, Professor at the Department of Information Processes Management, **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration** (Russia) – editor-in-chief.

Kurasov Sergei Vladimirovich, Doctor of Art Studies, Professor, member of the Russian Academy of Arts, Rector, **Stroganov Moscow State Art and Industry Academy** (Russia) – editor-in-chief at the area of "Art Studies".

Kurguzov Vladimir Lukich, Doctor of Culturology, Professor, member of the International Commission for scientific research of culture of the peoples of Central and Eastern Europe IOV UNESCO, **East Siberia State University of Technology and Management** (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on the theory and history of culture and cultural practices. The main purpose of the journal is to contribute to the development of the methodology of an interdisciplinary synthesis of knowledge of the problems of the formation of modern culture and civilizations. Materials broach theoretical and methodological problems, deal with promotion of the ideas and methodologies of an interdisciplinary synthesis, preparation and bringing of programs of basic and applied research to a scientific audience. The articles are written by cultural specialists, leading experts in the field of social sciences and humanities and researchers working on dissertations on the problems of national and world culture.

The journal is designed for specialists in the field of culture, students and postgraduate students, as well as all people interested in the problems of culture and civilization.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Culture and Civilization" ("*Kul'tura i tsivilizatsiya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**", in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.P. Sadokhin, Doctor of Culturology
Editor-in-chief at the area of "Art Studies"	S.V. Kurasov, Doctor of Art Studies
Deputy editor-in-chief	V.L. Kurguzov, Doctor of Culturology
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since November 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5426

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia": **42949** "Culture and Civilization".

Contract price. Passed for printing on 15.04.2021. 40.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7149.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 24.00.01 – Теория и история культуры

Варакина Галина Владиславовна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры дизайна, Московский государственный институт культуры (Рязанский филиал).

Дриккер Александр Самойлович – доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник отдела компьютеризации, Государственный Русский музей, профессор кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет.

Кондаков Игорь Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры, отделение социокультурных исследований, Российский государственный гуманитарный университет.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, факультет философии, культуры и искусства, Московский гуманитарный университет.

Кургузов Владимир Лукич – заместитель главного редактора журнала, доктор культурологии, профессор, член Международной комиссии научных исследований культуры народов Центральной и Восточной Европы IOV ЮНЕСКО, Восточно-Сибирский университет технологий и управления.

Куруленко Эллеонора Александровна – доктор культурологии, профессор, ректор, Самарский государственный институт культуры.

Ляпкина Татьяна Федоровна – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры, Арктический государственный институт культуры и искусств.

Миньоло Вальтер – доктор философии, доктор семиотики, Университет Дьюка, Центр глобальных исследований, Дарем, США.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Таганрогский институт управления и экономики.

Паршукова Галина Борисовна – доктор культурологи, доцент, профессор кафедры социально-массовых коммуникаций, Новосибирский государственный технический университет.

Петухов Валерий Борисович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры истории и культуры, Ульяновский государственный технический университет.

Рыжов Юрий Владимирович – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теоретических основ радиотехники, радиотехнический факультет, Южный федеральный университет.

Садохин Александр Петрович – главный редактор журнала, доктор культурологии, профессор, директор центра деловых коммуникаций и социокультурной экспертизы, профессор кафедры управления информационными процессами, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Санжеева Лариса Васильевна – доктор культурологии, доцент, проректор, Институт дизайна, прикладного искусства и гуманитарного образования.

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Смирнов Сергей Борисович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования.

Стопченко Николай Иванович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики, Южный федеральный университет.

Толшин Андрей Валерьевич – доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры режиссуры и актерского мастерства, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

по направлению: 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Курасов Сергей Владимирович – главный редактор журнала, доктор искусствоведения, профессор, член Российской академии художеств, ректор, Московская государственная художественно-промышленная академия (МГХПА) им. С.Г. Строганова.

Редакционная коллегия

Богословский Михаил Михайлович – доктор биологических наук, профессор, Невский институт управления и дизайна.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, завкафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии, Дальневосточный федеральный университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Орлов Андрей Александрович – доктор философских наук, профессор богословского факультета университета Маркетт (Милуоки, Висконсин, США).

Трушкова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории, Вятский государственный университет.

Чернявская Юлия Виссарионовна – кандидат культурологии, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь).

Editorial Board

Drikker Aleksandr Samoilovich – Doctor of Culturology, Professor at the Department of museum studies and protection of monuments of the faculty of philosophy, St. Petersburg State University (Russia).

Kondakov Igor' Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of history and theory of culture, branch of sociocultural research, Russian State Humanitarian University (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow Humanitarian University (Russia).

Kurasov Sergei Vladimirovich – Editor-in-chief, Doctor of Art Studies, Professor, member of the Russian Academy of Arts, Rector, Stroganov Moscow State Art and Industry Academy (Russia).

Kurguzov Vladimir Lukich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Culturology, Professor, member of the International Commission for scientific research of culture of the peoples of Central and Eastern Europe IOV UNESCO, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Kurulenko Elleonora Aleksandrovna – Doctor of Culturology, Professor, Rector, Samara State Institute of Culture (Russia).

Lyapkina Tat'yana Fedorovna – Doctor of Culturology, Docent, Deputy Head of the Department of culturology and global studies, Baltic State Technical University "Voenmech" (Russia).

Mignolo Walter – Doctor of Semiotics (Higher School of Social Sciences, Paris, France), Professor at Duke University (USA), William H. Wannamaker Professor of Romance Studies, Professor of literature and cultural anthropology, director of the Center for Global Studies and the Humanities, permanent researcher at the Simon Bolivar Andean University, member of the advisory board of the Hong Kong Advanced Institute for Cross Disciplinary Studies.

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Parshukova Galina Borisovna – Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of social-mass communications, Novosibirsk State Technical University (Russia).

Petukhov Valerii Borisovich – Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department "History and culture", Ulyanovsk State Technical University (Russia).

Ryzhov Yurii Vladimirovich – Doctor of Culturology, Associate Professor at the Department of radio-engineering theory of Taganrog Institute of Technology, Southern Federal University (Russia).

Sadokhin Aleksandr Petrovich – Editor-in-chief, Doctor of Culturology, Professor, Director of the Center for Business Communications and Socio-Cultural Expertise, Professor at the Department of Information Processes Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Sanzheeva Larisa Vasil'evna – Doctor of Culturology, Docent, East Siberian State Academy of Culture and Arts (Russia).

Serov Nikolai Viktorovich – Doctor of Culturology, PhD in Chemistry, Professor, D.S. Rozhdestvensky Optical Society (Russia).

Smirnov Sergei Borisovich – Doctor of Culturology, Professor, Pro-Rector, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Stopchenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of theory of culture, ethics and aesthetics, Southern Federal University (Russia).

Tolshin Andrei Valer'evich – Doctor of Culturology, Professor, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Varakina Galina Vladislavovna – Doctor of Culturology, Docent, Professor at the Department of design, Moscow State University of Culture and Arts (Ryazan branch) (Russia).

Advisory Board

Bogoslovskii Mikhail Mikhailovich – Doctor of Biological Sciences, Professor, Neva Institute of Management and Design (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernyavskaya Yuliya Vissarionovna – PhD in Culturology, Professor, Belarusian State University of Culture and Arts (Republic of Belarus).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Trushkova Irina Yur'evna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of general history, Vyatka State University (Russia).

Содержание

Теория и история культуры

Изотова Надежда Николаевна

Культурные исследования Сэйго Мацуока: от «редакционной инженерии» к «дзэнскому компьютеру» 5

Сунь Шаньшань

Традиционные праздники и кулинарная культура народа орокен, проживающего вдоль реки Амур.....12

Мельдианова Анна Валерьевна

Померанцев Сергей Владимирович

The role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies 19

Курбатов Андрей Всеволодович

Курбатова Людмила Анатольевна

Ценностно-смысловая культура устойчивого развития 26

Рудь Оксана Владимировна

Феномен казачества в культуре современной России 36

Винокуров Виктор Сергеевич

Козина Татьяна Николаевна

Русский характер картин И.К. Айвазовского 42

Янь Цюцзюй

Исследовательская группа по сопоставлению и охране нематериального культурного наследия в России 53

Лебедева Мария Сергеевна

Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем в социально-гуманитарном знании 61

Новосельская Вера Вадимовна

Охрана культурного и природного наследия в Республике Крым: современное состояние и перспективы.....74

Искра Анна Александровна

Современные подходы к исследованию культурного пространства 88

Билялова Ильмира Якубовна

Билялова Ленера Меметовна

Усадьба Ф.К. Мильгаузена в Симферополе 98

Шахова Илона Валерьевна

О взаимосвязи социального и религиозного контекста в творчестве русских живописцев второй половины XIX века.....103

Белкина Светлана Валентиновна

Аутентичность и коммодификация культурного туризма 110

Любезнова Наталья Владимировна

Выходцева Ирина Сергеевна

Синхроническое и диахроническое изучение языка.....117

Кязыми Гюльчин

International dialogue as an important factor of cultural cooperation 126

Юстус Анастасия Михайловна

Костко Оксана Юрьевна

Феномен цветовой культуры бидермайера.....133

Чеглаков Александр Дмитриевич	
Modern methods of artistic woodworking during author's sculptures creation	144
Идиатуллин Азат Корбангалиевич	
Мухаметшин Айзат Асхатович	
Религиозная ситуация в Ульяновской области в 2010-2017 гг. (по материалам местных печатных СМИ)	153
Карчина Виктория Викторовна	
Особенности хантыйской сказки и проблема ее адаптации к другой культуре.....	161
Хуснутдинов Альфред Сидыкович	
Выражение способов глагольного действия в башкирском языке с участием глагола тор в составе аналитической конструкции	167
Хуснутдинов Альфред Сидыкович	
Особенности выражения акциональных значений и качественно-аспектуальных характеристик аналитических глагольных конструкций в башкирском языке	175
Морозова Ольга Владимировна	
Предельно-мировоззренческая экспертиза культурных и гуманитарных объектов: введение в методологию	183
Боровик Мария Викторовна	
Культурологические особенности контроля работы современных средств массовой информации	193

Contents

Theory and history of culture

Nadezhda N. Izotova

Seigow Matsuoka's cultural studies: from “editorial engineering” to “ZENetic computer” 5

Shanshan Sun

The traditional holidays and culinary culture of the Orokens living along the Amur River 12

Anna V. Mel'dianova

Sergei V. Pomerantsev

The role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies 19

Andrei V. Kurbatov

Lyudmila A. Kurbatova

Value-sense culture of sustainable development 26

Oksana V. Rud'

The phenomenon of Cossackdom in the culture of modern Russia 36

Viktor S. Vinokurov

Tat'yana N. Kozina

The Russian character of I.K. Aivazovsky's paintings 42

Quju Yan

The research group on the comparison and protection of intangible cultural heritage in Russia 53

Mar'ya S. Lebedeva

The features of the culturological approach to studying interdisciplinary problems in social and humanities knowledge 61

Vera V. Novosel'skaya

The protection of the cultural and natural heritage in the Republic of Crimea: the current state and prospects 74

Anna A. Iskra

Modern approaches to studying the cultural space 88

Il'mira Ya. Bilyalova

Lenara M. Bilyalova

The estate of F.K. Milgauzen in Simferopol 98

Iлона V. Shakhova

On the relationship between social and religious context in the works of Russian painters of the second half of the XIX century 103

Svetlana V. Belkina

Authenticity and commodification of cultural tourism 110

Natal'ya V. Lyubeznova

Irina S. Vykhotseva

Synchronous and diachronic language learning 117

Gulchin Kazimi

International dialogue as an important factor of cultural cooperation 126

Anastasiya M. Yustus

Oksana Yu. Kostko

The phenomenon of Biedermeier color culture 133

Aleksandr D. Cheglakov

Modern methods of artistic woodworking during author's sculptures creation 144

Azat K. Idiatullov

Aizat A. Mukhametshin

Religious situation in the Ulyanovsk region in 2010-2017 (based on materials from local print media).....153

Viktorija V Karchina

Features of the khanty fairy tale and the problem of its adaptation to other culture 161

Al'fred S. Khusnutdinov

Expression of the ways of verbal action in the Bashkir language with the participation of the verb tor as part of an analytical construction 167

Al'fred S. Khusnutdinov

Features of the expression of actional meanings and qualitative-aspectual characteristics of analytical verb constructions in the Bashkir language 175

Ol'ga V. Morozova

Boundedness and worldview examination of cultural and humanitarian objects: introduction to the methodology 183

Mariya V. Borovik

Culturological features of monitoring the work of modern mass media.....193

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.44.87.001

Культурные исследования Сэйго Мацуока: от «редакционной инженерии» к «дзэнскому компьютеру»

Изотова Надежда Николаевна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков,
Московский государственный институт международных отношений МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: izotova@list.ru

Аннотация

В статье представлено краткое изложение концепции «редакционной инженерии» известного японского ученого Сэйго Мацуока, почетного профессора Токийского университета, писателя, литературного критика, исследователя японской культуры, религии, информационных технологий. Методологической основой исследования послужил лингвокультурологический анализ, в котором феномены культуры и языковые явления рассматриваются сквозь призму взаимного влияния, метод когнитивной и культурно-фоновой интерпретации. «Редакционная инженерия» – комплексная методология, анализирующая человеческое мышление, способы социальной коммуникации и творчество. Рассматривая различные аспекты жизнедеятельности как «материнские коды», Мацуока разработал способы их первичной «очистки» и систематизации в целях «перекодировки образа мира», поиска утраченного первоначального смысла. Интерактивная система «дзэнский компьютер» при помощи виртуального погружения в практику дзэн с использованием техники рисования тушью в стиле сансуйга, хайку, дзэнских коанов позволяет пользователю обрести истинное «Я», выйти за пределы вербального обыденного сознания, способствует развитию творческих способностей и интуиции. Новизна исследования заключается в том, что впервые в научные оборот вводятся оригинальные материалы на японском языке, которые ранее не переводили на русский язык.

Для цитирования в научных исследованиях

Изотова Н.Н. Культурные исследования Сэйго Мацуока: от «редакционной инженерии» к «дзэнскому компьютеру» // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2021.44.87.001

Ключевые слова

Япония, культура, редакционная инженерия, код, знания, информация, дзэнский компьютер, сознание, коан.

Введение

Проблема культурного взаимодействия, интерпретации явлений культуры занимает ключевое место в гуманитарном дискурсе. Актуальность темы исследования определяется возрастающей ролью культуры как социорегулятивного механизма, комплекса нормативов человеческого сознания и социального поведения [Флиер, 2019, 151].

Сегодня все сферы человеческой деятельности прямо или косвенно связаны с межкультурным взаимодействием. В.С. Степин определяет культуру как систему «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Степин, 2001, т. 2, 341].

В условиях необратимости глобализационных процессов актуализируются векторы взаимодействия культур, призванные обеспечить межкультурный компромисс, толерантное сосуществование различных культурных систем [Глаголев и др., 2016]. Японская культура – сложная, динамичная система религиозно-философских, мифологических, социально-политических воззрений. Интенсификация российско-японских связей с Японией ставит задачу понимания культур не только на уровне языка, но и на уровне мировоззренческих оснований.

Основная часть

Мацуока Сэйго – исследователь японской культуры, почетный профессор Токийского университета, писатель, литературный критик, создатель инновационной концепции «редакционной инженерии». В Японии его называют «интеллектуальным гением», «главным энциклопедистом» современной эпохи [季刊政策経営研究, www]. Сфера научных интересов Мацуока – исследование японской культуры, создание «новых медиа»¹ и системных разработок в области методологии, которая объединяет информационную культуру и информационные технологии [セイコウちゃんねる, www]. В 1987 г. он создал Лабораторию редакционной инженерии, в 2000 г. открыл онлайн-школу редактирования ISIS.

«Редакционная инженерия» – это комплексная методология, анализирующая человеческое мышление, системы социальной коммуникации и творчество. Ее истоки восходят к 1980-м гг., когда Япония вступила в эру информационных технологий. В то время как информатика предполагала обработку символьной информации (букв, цифр, знаков операций и др.), Мацуока сосредоточился на «семантической информации», которая сопровождает человеческое сознание, эмоции и действия. Теоретические основы «редакционной инженерии» заложили концепция деконструкции, которую французский философ-постструктуралист Ж. Деррида изложил в своей программной работе «О грамматологии», вышедшей в 1967 г. [Автономова, 2011], междисциплинарная теория самоорганизации и идеи Марвина Ли Минского, американского ученого в области искусственного интеллекта, одного из основателей Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте [Minsky, 2007].

¹ Новые медиа – это новейший цифровой формат существования средств массовой информации в сети Интернет, а также способ распространения контента и новые формы коммуникации. Они объединяют технологии и сетевые ресурсы, к которым относятся не только информационные сайты в сети Интернет, но и видеохостинги, социальные сети, блоги и т. д.

Согласно Мацуока, «редакционная инженерия» в условиях наступления эры «информационного потока», в котором «знания» (知) распределяются фрагментарно, должна разработать совокупность моделей, методов и приемов для работы с «живыми информационными технологиями» в целях формирования, организации, обработки и использования информации, т. е. «знаний» [知の編集工学, www].

Область «редакционной инженерии», которую Мацуока называет «материнскими кодами» (マザーコード), очень широка. К ней относятся следующие категории: «все, что связано с телесной оболочкой» (身体に起因するもの) – эмоции (радость, гнев, горе, веселье), наслаждение, чувства, отношение к жизни и смерти, физические недостатки; «любимые занятия» (好みから発するもの) – развлечения, хобби, музыка и танцы, прикладное искусство; «интуиция и откровения» (直感あるいは啓示によるもの) – религия, видения, сны, состояние транса; «знания, полученные в ходе обучения» (学習性の堆積によるもの) – переработка знаний, эмпирический опыт, поведенческий тренинг; «все, что вызывает яркие эмоции (экспрессию)» (表現構成が喚起するもの) – искусство, живопись, художественная литература, кино, театр; «все, что связано с игрой» (ゲーム適用によるもの) – игры с элементами соревнований, спорт, телевизионные викторины, инвестиции, реклама; «икконография» (図像にひそむもの) – буквы и иероглифы, картины, узоры, аллегории, карты мира, тотемы; «смыслы, которые передает ход вещей» (物事が伝えるもの) – мифы, легенды, повествования, устные предания, иллюстрации; «все, что принадлежит истории» (歴史に内属するもの) – войны, политика, социокультурное развитие, инциденты, СМИ; «элементы повседневной жизни» (日常性によるもの) – общение, этикет, мораль, ревность, романтика, ненависть, семья, друзья, знакомые. В каждой из этих категорий заключается двадцать пять видов информации: числовая, прагматическая, информация о явлениях, об интерпретации, теоретическая, психологическая, визуальная, стилистическая, структурная, временная, акустическая, сюжетная, новостная и др.

Для обработки первичной информации (データ情報) Мацуока предлагает использовать пять методов: сбор, отбор, классификацию, типологизацию и систематизацию данных. Для редактирования «семантической составляющей» применяются пятьдесят девять приемов: краткое изложение (резюме), моделирование, упорядочивание, обмен, адаптация, комментарий, фокусирование, трансформация, искажение, структурирование, перевод, украшение и др. Кроме того, широко используются аллегории, намеки, мимикрия, элементы драмы, игры и др. [知の編集工学, www]. Ключевыми из этих шестидесяти четырех техник и методов Мацуока называет синтез (総合) и творчество (創造) [セイコウちゃんねる, www].

Мацуока утверждает: «Коммуникация нуждается в “редактировании”. Для этого необходимо использовать память, мышление, методы воспроизводства и записи. Редактируемый материал скрывает большое количество данных. В различных явлениях, фактах, тенденциях можно обнаружить метапрограммы и метаигры. Образ мира также повторно редактируется. Информация, генерируемая буквами, символами, знаками, языками, научными системами, машинами, архитектурой, городами, ритуалами и исполнительским искусством, проходит через процесс предварительной “очистки” и систематизации, позволяющий решить вопрос о конкретных направлениях и способах ее дальнейшего использования» [セイコウちゃんねる, www].

По мнению ученого, «образ мира» может быть изменен путем создания «автономной

редакционной реальности» и моделирования сценариев различных перцептивных и социальных действий [松岡, 2001, 156].

В 2005 г. Мацуока открыл онлайн-школу редактирования ISIS (イシス編集学校). Ее слушатели – люди от 10 до 80 лет. Среди них – школьники, домохозяйки, студенты, художники, дизайнеры, рекламные агенты, люди различных творческих профессий. Как подчеркивает Мацуока, одна и та же информация может храниться и перемещаться на самых разных материальных носителях. Она не может творить Материю, но может Материю организовывать, форматировать, конструировать. По мнению ученого, информация состоит из кодовых элементов (コード-素) и узлов соединения (ノード-結). Сознательное перемещение этих компонентов позволяет изменять конечную информацию. Таким образом, смысл «редактирования» заключается в том, чтобы рассматривать повседневную жизнь, социальные и природные явления, культурную деятельность как информацию и уметь управлять всеми ее элементами. Мацуока характеризует данную методологию как ОС (операционную систему) жизнедеятельности, способ преодоления сложности взаимодействия с огромным объемом знаний и развития творческих способностей [イシス編集学校, www].

На концептуализацию методологии исследования японской культуры и человеческого сознания Мацуока большое влияние оказала буддийская философия. Совместно с профессором Киотосского университета Тоса Наоко он разработал интерактивную систему, которая получила название «дзэнский компьютер» (ZENetic Computer). Эта система основана на стремлении воссоединить сознательное и бессознательное в духовном мире человека, опираясь на принципы буддизма, восточную философию и традиционную японскую культуру с помощью использования техники рисования тушью в стиле сансуйга (山水画)², хайку³, дзэнских коанов⁴. Авторы проецируют стиль общения, выработанный школами дзэн на протяжении сотен лет, в компьютерный мир [Tosa, Matsuoka, 2006]. Пользователь создает трехмерную картину тушью в стиле сансуй на дисплее, используя виртуальную кисть. Система классифицирует состояние сознания пользователя и генерирует историю, предназначенную для пробуждения его сознания. В историю включаются хайку, дзэнские коаны. Сюжет, построенный из этих элементов, не является законченным повествованием, как в фильмах и романах, а представляет собой нелинейный набор отрывочных фрагментов, вопросов, на которые нет ответа [Tosa, Matsuoka, Miyazaki, 2003, 446].

Интерактивная система предлагает форму аллегорического общения, основанную на провокации. Пользователь реагирует на объекты, будь то графическое изображение, хайку или диалог с Мастером, манипулируя виртуальной каллиграфической кистью, граблями дзэнского сада камней или просто хлопая в ладоши. Подсознательные усилия вдохновляют пользователя на поиск способов связать отдельные эпизоды в единое целое, что сокращает разрыв между сознательным и бессознательным «Я». Этот процесс взаимодействия называется *Ма* (間 – «промежуток», «расстояние», «пространство»). *Ма* представляет собой метод создания целого из порождающей пустоты, которая создает свободный простор, живительную атмосферу,

² Сансуйга (山水) – пейзажная живопись, изображение гор и воды. Горы олицетворяют активную устойчивую мужскую силу «янь», вода – пассивную, изменчивую женскую силу «инь». Их единство составляет гармонию мира.

³ Хайку – 17-сложное стихотворение, состоящее из трех ритмических частей по 5-7-5 слогов.

⁴ Коан – форма дзэнской практики: короткое повествование, вопрос, диалог, фраза, которые не поддаются логическому объяснению и включают парадокс, головоломку, доступные лишь интуитивному пониманию.

пробуждающую в душе новые, неожиданные переживания. Активная пустота, требующая своего заполнения, подчеркивает эфемерность опыта, выводит за пределы вербального, формально-логического мышления, обыденного сознания. В конце виртуального путешествия пользователь вступает в диалог с быком, который в дзэн-буддизме служит метафорой истинного «Я», символизирует внутреннюю природу сознания [Хиксон, 1996, 194-205].

Разработчики программы «дзэнский компьютер» Мацуока и Тоса позиционируют ее как «специфический способ межкультурной коммуникации», возможность лучше понять японскую культуру [Tosa, Matsuoka, 2006].

Заключение

Согласно теории многополярного мира, в международных отношениях главным актором являются цивилизации, а не государства. В книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон выделил Японию, рассмотрев ее в ряду других цивилизованных зон как страну, характеризующуюся четырьмя особенностями: одним языком, одной нацией, одной религией, одним государством. Японцы и сами считают себя представителями одной рафинированно культурной нации и такого же государства. Изучение подходов к интерпретации японской культуры, в том числе концепций Сэйго Мацуока, позволяет приблизиться к пониманию мировоззренческих оснований оригинальных духовных и эстетических учений, национально-культурных особенностей и ценностных ориентаций японцев.

Библиография

1. Автономова Н.С. Философский язык Жака Дерриды. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
2. Глаголев В.С. и др. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: Проспект, 2016. 200 с.
3. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
4. Степин В.С. (ред.) Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. 634 с.
5. Флиер А.Я. Системный характер нормативной теории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 147-156.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
7. Хиксон Л. Что такое просветление? М., 1996. 326 с.
8. Minsky M.L. The emotion machine: commonsense thinking, artificial intelligence, and the future of the human mind. New York: Simon & Schuster, 2007. 400 p.
9. Tosa N., Matsuoka S. ZENetic computer: exploring Japanese culture // Leonardo. 2006. Vol. 39. No. 3. P. 205-228.
10. Tosa N., Matsuoka S., Miyazaki K. Interactive storytelling system using behavior-based non-verbal information: ZENetic computer // Proceedings of the 11th ACM International Conference on Multimedia. Berkeley, 2003. P. 446-447.
11. イシス編集学校. URL: <https://es.isis.ne.jp/outline/about/>
12. 季刊政策経営研究. URL: <https://www.murc.jp/wp-content/uploads/2012/07/202.pdf>
13. セイコウちゃんねる. URL: <https://seigowchannel-neo.com>
14. 松岡. 正剛の知の編集工学. 朝日新聞出版, 2001.
15. 知の編集工学. URL: <https://sendatakayuki.web.fc2.com/etc5/syohyou241.html>

Seigow Matsuoka's cultural studies: from “editorial engineering” to “ZENetic computer”

Nadezhda N. Izotova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of the Japanese,
Korean, Indonesian and Mongolian languages,
MGIMO-University,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: izotova@list.ru

Abstract

The article presents a summary of the concept of editorial engineering by Seigo Matsuoka, a famous Japanese scientist, Honorary Professor of Tokyo University, writer, literary critic, researcher of Japanese culture, religion, information technology. The research methodological is based on linguocultural analysis, in which the phenomena of culture and linguistic phenomena are viewed through the prism of mutual influence, the method of cognitive and cultural background interpretation. Matsuoka created a new idea of “editorial engineering”, and became involved in research to connect information culture and information technology. “Editorial engineering” is viewed as a comprehensive methodology that analyzes human thinking, social communication, and creativity. Considering various aspects of life as “mother codes”, Matsuoka developed ways of their primary “cleaning” and systematization in order to “recode the image of the world” and find the lost original meaning. The “ZENetic computer” interactive system is a means of cultural translation using scientific methods to represent essential aspects of Japanese culture. The system, using images, deriving from Buddhism and other Asian concepts, sansui (landscape) paintings projects the style of communication developed by Zen schools over hundreds of years. The “ZENetic computer” conveys the spirit of Japanese culture through experiences such as participation in Zen dialogues, exposure to haiku.

For citation

Izotova N.N. (2021) Kul'turnye issledovaniya Seigo Matsuoka: ot “redaktsionnoi inzhenerii” k “dzenskomu komp'yuteru” [Seigow Matsuoka's cultural studies: from “editorial engineering” to “ZENetic computer”]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2021.44.87.001

Keywords

Japan, culture, editorial engineering, code, knowledge, information, ZENetic computer, consciousness, koan.

References

1. Avtonomova N.S. (2011) *Filosofskii yazyk Zhaka Derridy* [The philosophical language of Jacques Derrida]. Moscow: ROSSPEN Publ.
2. Dugin A.G. (2013) *Teoriya mnogopolyarnogo mira* [The theory of a multipolar world]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie Publ.

3. Flier A.Ya. (2019) Sistemnyi kharakter normativnoi teorii kul'tury [The systemic character of the normative theory of culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2, pp. 147-156.
4. Glagolev V.S. et al. (2016) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural communication in the context of globalization]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Hixon L. (1995) *Coming home: the experience of enlightenment in sacred traditions*. Larson Publications. (Russ. ed.: Hixon L. (1996) *Chto takoe prosvetlenie?* Moscow.)
6. Huntington S. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster. (Russ. ed.: Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST Publ.)
7. Minsky M.L. (2007) *The emotion machine: commonsense thinking, artificial intelligence, and the future of the human mind*. New York: Simon & Schuster.
8. Stepin V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New encyclopaedia of philosophy], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.
9. Tosa N., Matsuoka S. (2006) ZENetic computer: exploring Japanese culture. *Leonardo*, 39 (3), pp. 205-228.
10. Tosa N., Matsuoka S., Miyazaki K. (2003) Interactive storytelling system using behavior-based non-verbal information: ZENetic computer. *Proceedings of the 11th ACM International Conference on Multimedia*. Berkeley, pp. 446-447.
11. イシス編集学校. Available at: <https://es.isis.ne.jp/outline/about/> [Accessed 04/03/21].
12. 季刊政策経営研究. Available at: <https://www.murc.jp/wp-content/uploads/2012/07/202.pdf> [Accessed 04/03/21].
13. セイコウちゃんねる. Available at: <https://seigowchannel-neo.com> [Accessed 04/03/21].
14. 松岡 (2001) 正剛の知の編集工学. 朝日新聞出版.
15. 知の編集工学. Available at: <https://sendatakayuki.web.fc2.com/etc5/syohyou241.html> [Accessed 04/03/21].

УДК 008**DOI: 10.34670/AR.2021.89.26.002****Традиционные праздники и кулинарная культура народа орокен,
проживающего вдоль реки Амур****Сунь Шаньшань**

Библиотекарь,
Хэйхэский университет,
164300, Китайская Народная Республика, Хэйхэ, ул. Институтская, 1;
e-mail: 13647053@qq.com

Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта провинциальных вузов Хэйлунцзяна № 2020-KYYWF-0876 «Исследование фольклора национальных меньшинств, живущих вдоль реки Амур, на примере ороконов и маньчжур».

Аннотация

Предметом научного исследования являются этнические традиции ороконов, которые представляют собой оригинальную культуру и искусство. Народ орокен – одно из 56 этнических меньшинств в Китае, в основном проживающих на побережье Амура в северо-восточной части Китая. У ороконов существует много традиционных праздников, таких как культура Весеннего праздника, культура поклонения луне, культура бога огня, фестиваль костра и культура весеннего жертвоприношения. Установлено, что на развитие кулинарной культуры ороконов влияют этнические обычаи и привычки, формирующие традиционную и социальную культуры питания. В ходе длительной истории развития народ сформировал уникальную традиционную праздничную культуру и культуру питания. В данной статье систематически анализируются традиционная праздничная культура и культура питания ороконов, проживающих вдоль реки Амур, а также их обычаи.

Для цитирования в научных исследованиях

Сунь Ш. Традиционные праздники и кулинарная культура народа орокен, проживающего вдоль реки Амур // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 12-18. DOI: 10.34670/AR.2021.89.26.002

Ключевые слова

Побережье Амура, этнические меньшинства, орокены, традиционные праздники, этнические обычаи, кулинарная культура, культура питания, Китай, народы байинна-орокен.

Введение

Побережье Амура является одним из основных населенных пунктов народности орокен. «Этот этнос длительный период времени отвоевывал свое право проживания и творческой деятельности на берегах обозначенной реки» [Борьба за Амур, www]. В ходе длительного процесса развития на него повлияла региональная культурная среда. Народность орокен сформировала уникальную культуру питания, традиционную праздничную культуру, которые богаты и разнообразны.

Анализ традиционной праздничной и культуры питания народа орокен, проживающего вдоль реки Амур поможет современным ученым сформировать более полное представление об обычаях этого этноса, оказывая одновременно важное влияние на развитие культуры Китая. Многонациональная культура и этническое единство на конкретной территории представляют исследовательскую ценность.

Основная часть

У народа орокен много традиционных праздников, и данная культура полна колорита, что может показать глубокое национальное культурное наследие. Изучение традиционной праздничной культуры народа орокен формирует более полное понимание развития этого народа, а вместе с ним и реки Амур. Ниже приводится подробный анализ представительной праздничной культуры народности орокен. Начинает его весенний праздник культуры народности орокен.

«Народ орокен, проживающий на берегу реки Амур, по-прежнему придерживается традиционных охотничьих привычек» [陈鹏, www]. Как правило, его представители готовят мясо и рис, мукой запасаются еще за месяц до праздника Весны. Люди орокен, отправляющиеся на охоту, обычно возвращаются домой перед Новым годом. «После Нового года каждая семья орокенов будет сжигать костер перед своими домами, чтобы выразить надежду на счастливую и процветающую жизнь» [杜娟, 2020].

Перед тем как съесть новогодний ужин, пожилые члены семейного клана открывают божницу и вместе с остальными членами семьи поклоняются, молясь богам посредством подношений, воскурения благовоний и других методов. Так они надеются защитить всю семью на целый год. После того как сеанс поклонения предкам закончится, семьи орокенов будут сидеть вместе, ожидая наступления нового года. Также они надеются, что все вместе будут в состоянии полной энергии в наступающем году.

Жертвоприношение Луне – типичный традиционный праздник жертвенной культуры, который проводится ежегодно 15 августа (Праздник середины осени). Во время процесса жертвоприношения орокены, живущие вдоль реки Амур, все еще придерживались традиции, поместив статую луны в центре дороги таким образом, чтобы она была обращена к луне. «После размещения чучел зверей со шкурой их обычно используют для жертвоприношений, а головы зверей должны быть совмещены с идолами» [赵士见, 廖利明, 2020].

Затем орокены коллективно поклоняются лунному идолу, надеясь получить благословение богов, например защиту детей от болезней и успешную и безопасную охоту. После того как охотник преклонил колени и помолился, старшие представители этноса обычно мажут кровь зверя, принесенного в жертву, у пасти лунной статуи. После завершения церемонии начинается процесс приготовления мяса животных, когда все едят мясо животных для жертвоприношения.

При принесении лунных жертв народом орокен, живущих вдоль реки Амур, дикие животные для жертвоприношений не должны иметь когтей, иначе они будут считаться оскорбительными для богов и даже могут возникнуть серьезные заболевания.

Традиционную праздничную культуру поклонения луне также можно увидеть в повседневной жизни народа орокен. Например, если кто-то охотится несколько дней подряд и не имеет добычи, то он выпивает чашу воды и молится луне, надеясь получить помощь от бога луны. Заглядывая на следующий день в молитвенную чашу, представители ороконов верят, что появление в горшке волос зверя означает, что на таких животных в ближайшие дни начнется охота.

Вера в Бога огня – важная часть традиционной культуры народа ороконов. Как правило, ороконы проводят отдельные мероприятия в память о празднике 23 числа двенадцатого лунного месяца каждый год. У ороконов развито сильное чувство поклонения Богу огня. Как правило, запрещено лить воду или плевать на огонь.

Также строго запрещено использовать ножи или железные инструменты, чтобы проткнуть огонь или повлиять на огонь в повседневной жизни, что считается оскорблением Бога огня. Во время повседневных дел и еды люди ороконов часто приносят часть своей еды к костру, чтобы показать свой трепет перед богами. В то же время «двадцать третье число двенадцатого лунного месяца принадлежит дню, когда Бог огня отправляется на небеса в традиционной праздничной культуре народа орокен. В этот день каждая семья будет делать особые деликатесы в память о Боге огня» [刘国涛, 闫天宝, 2020].

Праздник костра – типичный этнический традиционный праздник среди летних праздников народности орокен. 18 июня каждого года местные жители зажигают костер, поют и танцуют, расслабляются и исследуют возвращение природы. Поклонение народа орокен Богу огня сформировалось давно. В традиционной культуре народа орокен считается, что огонь может иметь таинственный эффект и способность изгнания злых духов, удаления загрязнений, поскольку одежда, обработанная на огне, считается более чистой.

Находясь под влиянием традиционной праздничной культуры поклонения богу огня, ороконы по-прежнему придерживаются строгих табу на огонь. Например, нельзя лить грязную воду, бросать мусор или плевать в огонь, чтобы не рассердить Бога огня и не нанести ему вред. «В то же время, из-за трепета к Богу огня, ветки и палки, используемые на празднике огня, должны оставаться целыми и плоскими, категорически запрещено размещать их без разбора, чтобы повлиять на горение огня. Использование дров, которые разбрасывают искры, не применяется, чтобы не обжечь глаза Бога огня» [祁进玉, 孙晓晨, 2020]. Когда ороконы переезжают, они не могут брать воду для тушения пожаров. Огонь необходимо переносить с одного места на другое, чтобы обеспечить плавное завершение памятных мероприятий, способствовать хорошему наследию и распространению традиционной культуры ороконов.

Весенний праздник – важный день сбора шаманов для народа орокен, проживающих вдоль реки Амур. Обычно он проводится в апреле по лунному календарю. Шаман народа орокен определяет дату и место ежегодного сбора. Мероприятия весеннего праздника преимущественно основаны на жертвоприношениях. При организации мероприятий помощники шамана несут ответственность за управление и оформление среды жертвоприношения.

Как правило, в соответствии с традиционными обычаями, три сосны с толстыми устьями чаш вырубает и укладывают на расстоянии двух футов, затем кусты образуют круг, а различные полоски ткани и ленты используются для украшения деревьев. Во время весенних фестивалей

люди катаются на лошадях, приносят различное мясо животных, основные продукты питания и т. д. и участвуют в поминовении, надеясь получить благословение богов в своей будущей жизни.

Во время весеннего праздника все сидят вместе и завершают обучение медитации в назначенном месте. Шаман и другие помощники поют песни, прославляя бога. Шаман просит богов в соответствии с традиционными обычаями. После того как боги будут приглашены, все остальные участники праздника начинают петь и танцевать, чтобы выразить уважение к предкам.

Во время весенних праздников шаман также благословляет людей и молится, чтобы население ороконов жили счастливо и мирно. Теперь традиция весенних праздников у народа орокен, живущих на побережье Амура, постепенно ослабла, Уцелевшие ярмарки были сформированы под влиянием весенних праздников, которые выдвинули более высокие требования к наследованию и развитию культуры весенних праздников.

На развитие традиционной диетической культуры народности орокен также влияют этнические обычаи и привычки. «Анализ традиционной диетической культуры может сформировать более полное и систематическое понимание развития традиционной культуры народности орокен на побережье Амура» [刘福鹏, www].

В народе орокен, проживающем вдоль реки Амур, преобладают народы байинна-орокен.

Поскольку народ орокен принадлежит к этнической группе охотников, они сформировали систему диетической культуры, в которой мясо является основным продуктом. Мука и домашние овощи – второстепенные продукты.

Мясо животных, которое часто едят ороконы, – это, как правило, мясо кабана и косули. Способы приготовления включают в себя вареное мясо, мясо на гриле, сушеное мясо, сырое мясо, вареные овощи, смешанную цветную капусту и т. д. Известны и различные методы питания, их особенности. Например, печеное мясо называется далакалан и сибулан. Далакалан – мясо, приготовленное на огне для запекания, может употребляться в пищу, когда будет готово хотя бы наполовину. Сибулан – запеченное мясо, приготовленное в процессе охоты охотника. Как правило, охотник режет мясо на полоски во время подготовки, надевает на деревянную палку, а затем запекает на огне.

Другой пример – традиционная диета ороконов из цветной капусты, которую принято называть асу. Во время приготовления блюда варят мозг косули, готовят мясо косули и легкие косули, а затем приготовленное мясо нарезают на кусочки, совмещают с ним мозги косули, а сверху иногда кладут мясо кабана и съедают.

Что касается выбора овощей, то весной преимущественно кушают аралий маньчжурский и другие травы, а осенью в основном используются различные грибы и дикie фрукты, которые обычно готовятся вместе с рисом. «В новую эпоху, с развитием времени, культура орокен все более явно находится под влиянием культуры хань» [Рисухина, 2018, 111]. Хотя представители орокен, проживающие в провинции Хэйлунцзян, все еще сохраняют характерные традиции пищевой культуры, некоторые культы питания незаметно изменились. «Необходимо сосредоточиться на особой культуре питания. Исследовать, усилить защиту и наследование этнической характерной культуры питания» [朱莹, 屈芳竹, 刘松茯, 2020].

Представители ороконов – гостеприимные охотники. Как правило, обращаются ли они со своими людьми или с иностранцами, пока гости приходят к ним в улилан (большая семья), они приглашают гостей сесть за стол, провозглашают тосты за гостей, курят, а затем угощают гостей едой с мясом, чтобы выразить свое гостеприимство. «В культуре питания народа орокен

существует следующее правило: когда тосты провозглашает хозяин, то гости должны пить, чтобы выразить свое уважение к нему. Если они отказываются пить, это означает, что они не уважают хозяина» [呼都特, www].

Если же за праздничным столом гость пребывает в пьяном состоянии, в культуре питания ороконов это свидетельствует высшее уважение гостя к хозяину. В процессе питья хозяин народности орокен и гости обычно используют одну и ту же посуду для вина или чашу из бересты. «Хозяин сначала приглашает гостей выпить. В порядке справа налево люди за винным столом пьют один за другим» [计彤, 李傲挺, 2020].

В культуре питания у ороконов всегда была традиционная добродетель уважения к пожилым людям. В племени, независимо от того, какая семья охотится, она должна отдавать лучшую часть еды родственникам, друзьям или одиноким старикам. В случае нехватки еды охотники также получают радушный прием, когда они попросят еды у незнакомых людей. «Если во время охоты встречается незнакомый охотник без добычи, то группа, которая получает добычу, должна пригласить охотника с пустыми руками поесть вместе, а также предоставить ему определенное количество добычи» [Полеванов, 2008, 58].

Люди из числа ороконов также используют еду, чтобы выразить свое намерение навестить своих друзей. Как правило, они раздают сушеное мясо во время визитов к друзьям и родственникам. Если у хозяина есть дети, они могут дать им немного мяса, кедровые орехи, фундук и т. д. В лесу также собирают обычные диетические ягоды и фрукты, с которыми посещают родственников и друзей.

Заключение

Во время развития народа орокен вдоль побережья реки Амур сформировались уникальные культурные традиции и обычаи. Изучение происхождения и развития народа орокен вдоль побережья Амура, их обычаев и культуры может дать более всеобъемлющий и глубокий анализ, понимание эволюции народа орокен.

Содействовать унаследованию традиционной праздничной культуры и культуры питания этнической группы орокен, оптимизировать наследование и защиту нематериального культурного наследия, а также оказывать важное влияние на защиту множества культур страны – значит оказать помощь в построении системы многоэтнической культурной индустрии и выделить общества с культурной исследовательской ценностью.

В то же время детальный анализ традиционной праздничной культуры и культуры питания народности орокен может углубить понимание культурной деятельности этноса и способствовать национальному единству.

Библиография

1. Борьба за Амур. URL: <https://www.amurobl.ru/pages/amurskaya-oblast/o-regione/istoriya/borba-za-amur/>
2. Полеванов В. К истокам Амура в «Страну непобедимых» // Наука и жизнь. 2008. № 10. С. 58-62.
3. Рисукина О.Н. Внешние культурные связи северо-восточного Китая: главные направления, основное содержание (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 109-115.
4. 刘国涛, 闫天宝. 黑龙江流域鄂伦春族传统纹样的视觉语言 // 黑河学院学报. 2020年第11期157-159.
5. 刘福鹏. 黑龙江流域少数民族民间美术研究. URL: <https://www.ixueshu.com/document/1ebf81149b511120318947a18e7f9386.html>
6. 呼都特. 少数民族民间美术的文化生态初. URL:

<https://www.ixueshu.com/document/9f2b72d10878b3b8318947a18e7f9386.html>

7. 朱莹, 屈芳竹, 刘松茂. 东北边域鄂伦春族传统聚落空间结构研究 // 建筑学报. 2020.
8. 杜娟. 鄂伦春族萨满歌舞的音乐文化意蕴 // 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). 2020年第11期120-122.
9. 祁进玉, 孙晓晨. 取名方式变迁与多民族文化交融—以20世纪上半叶鄂伦春族为例 // 北方民族大学学报. 2020年第6期64-72.
10. 计彤, 李傲挺. 鄂伦春族传统文艺作品中的生态意蕴 // 黑龙江民族丛刊. 2020年第5期117-122.
11. 赵士见, 廖利明. 近代鄂伦春族丧葬习俗变迁研 // 地域文化研究. 2020年第6期97-104.
12. 陈鹏. 清代黑龙江流域少数民族管理机构. URL: <https://www.ixueshu.com/document/c1b77f49192aa6b8.html>

The traditional holidays and culinary culture of the Orokens living along the Amur River

Shanshan Sun

Librarian,
Heihe University,
164300, 1 Educational Technology District, Heihe, China;
e-mail: 13647053@qq.com

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the ethnic traditions of the Orokens, which represent the original culture and art. It pays special attention to the fact that the Oroken people are one of 56 ethnic minorities in China, mainly living along the Amur River bank in Northeastern China. The results of the analysis reveal that there are relatively many traditional festivals among the Oroken people, such as the Spring Festival culture, the moon worship culture, the fire god culture, the bonfire festival, and the spring sacrifice culture. Having studied the ethnic traditions of the Orokens with due regard to their traditional holidays and culinary culture, the author of the article points out that the development of the culinary culture of the Orokens is influenced by ethnic customs and habits that form the traditional and social culture of food. In the course of the long history of the development, the Oroken people have formed a unique traditional holiday culture and a unique food culture. The article makes an attempt to systematically analyze the traditional festive culture and food culture of the Oroken people living along the Amur River, as well as their customs of in order to reveal their features.

For citation

Sun S. (2021) Traditsionnye prazdniki i kulinarnaya kul'tura naroda oroken, prozhivayushchego vdol' reki Amur [The traditional holidays and culinary culture of the Orokens living along the Amur River]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 12-18. DOI: 10.34670/AR.2021.89.26.002

Keywords

Amur River bank, ethnic minorities, Orokens, traditional holidays, ethnic customs, culinary culture, food culture, China, Baiinna-Oroken peoples.

References

1. *Bor'ba za Amur* [The struggle for the Amur River]. Available at: <https://www.amurobl.ru/pages/amurskaya-oblast/o-regione/istoriya/borba-za-amur/> [Accessed 22/03/21].
2. Polevanov V. (2008) K istokam Amura v "Stranu nepobedimyykh" [The source of the Amur River in the "Land of the Invincibles"]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 10, pp. 58-62.
3. Risukhina O.N. (2018) Vneshnie kul'turnye svyazi severo-vostochnogo Kitaya: glavnye napravleniya, osnovnoe sodержanie (80-e gg. XX v. – nachalo XXI v.) [External cultural relations of Northeast China: the main directions, the main content (from the 1980s to the beginning of the 21st century)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional research], 2, pp. 109-115.
4. 刘国涛, 闫天宝 (2020) 黑龙江流域鄂伦春族传统纹样的视觉语言. *黑河学院学报*, 11, pp. 157-159.
5. 刘福鹏. *黑龙江流域少数民族民间美术研究*. Available at: <https://www.ixueshu.com/document/1ebf81149b511120318947a18e7f9386.html> [Accessed 22/03/21].
6. 呼都特. *少数民族民间美术的文化生态初*. Available at: <https://www.ixueshu.com/document/9f2b72d10878b3b8318947a18e7f9386.html> [Accessed 22/03/21].
7. 朱莹, 屈芳竹, 刘松茯 (2020) 东北边域鄂伦春族传统聚落空间结构研究. In: *建筑学报*.
8. 杜娟 (2020) 鄂伦春族萨满歌舞的音乐文化意蕴. *齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版)*, 11, pp. 120-122.
9. 祁进玉, 孙晓晨 (2020) 取名方式变迁与多民族文化交融—以20世纪上半叶鄂伦春族为例. *北方民族大学学报*, 6, pp. 64-72.
10. 计彤, 李傲挺 (2020) 鄂伦春族传统文艺作品中的生态意蕴. *黑龙江民族丛刊*, 5, pp. 117-122.
11. 赵士见, 廖利明 (2020) 近代鄂伦春族丧葬习俗变迁研. *地域文化研究*, 6, pp. 97-104.
12. 陈鹏. *清代黑龙江流域少数民族管理机构*. Available at: <https://www.ixueshu.com/document/c1b77f49192aa6b8.html> [Accessed 22/03/21].

UDC 81

DOI: 10.34670/AR.2021.89.68.003

The role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies

Anna V. Mel'dianova

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of linguistics and translation studies,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4 Volokolamskoe hwy, Moscow, Russian Federation;
e-mail: meldianova_av@mail.ru

Sergei V. Pomerantsev

Student,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4 Volokolamskoe hwy, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sergey01071999@mail.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the role of borrowings in the sphere of intercultural communication as well as the importance of them in the course of communication between people of different nationalities and cultures. The research is conducted on the basis of texts in the English and Russian languages, including aviation ones with pointing out the main events in the history of both languages and with mentioning peoples and countries that influenced greatly the process of borrowing in English and Russian. In the current research the influence of loan words on the field of communication technologies is also studied. Having identified the role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies, the authors of the article come to the conclusion that borrowings simplify greatly the process of studying and make the analysis of multifaceted scientific and technical documentation in foreign languages much easier.

For citation

Mel'dianova A.V., Pomerantsev S.V. (2021) The role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 19-25. DOI: 10.34670/AR.2021.89.68.003

Keywords

Borrowed words, intercultural communication, communication technologies, aviation texts, technical documentation.

Introduction

Language doesn't simply reflect human world and its culture. The main function of any language is that it stores cultural information, information about the system of values, public morals, relation to different peoples and nationalities. This information is passed on from generation to generation by means of language. This is the reason why language plays a considerable role in making personality, building a national character, in creating an ethnical similarity and forming a nation. All national cultural subtleties are reflected in the language which influences the consciousness of its speakers and creates their vision of the world.

At the same time at the current stage of science and technologies development in different spheres, for example, in the spheres of economics, politics, education, aviation, etc., the process of mutual influence and interpenetration of various cultures is taking place. Cultural aspects of different languages are making an influence on each other more and more. And this fact allows us to speak about the existence of the so called multiculture.

The main aim of this scientific research is to study the role of borrowings in the sphere of intercultural communication and in the development of technologies of communication.

Borrowings in the world history as the result of cultural communication

Before moving to the investigation of the role of borrowings in the development of communication technologies, we should tell a few words about their types, role in the formation of a nation and their value in the process of communication between people of different cultures.

Following the examples of a long process of intercultural communication borrowings are a direct consequence of language contacts. Not depending on the richness, a language always includes words which it didn't have originally.

Borrowings in the language are referred to as words, word-building affixes and constructions, that came into the language as a result of addressing the lexicon of other languages [Akhmanova, 2013, 146].

The process of borrowing is caused by a certain number of reasons. Due to the appearance of numerous new notions, as well as for naming unknown objects, words and expressions adherent to other countries and nationalities become to be employed in a language. It is considered that lexical borrowings can enrich the language, preserving at the same time its originality and traditions. What concerns words and expressions that replace historically conditioned lingual units of the original language, the latter don't lose their meaning and disappear from the usage, but still are used though much less.

It is important to note, that borrowing rarely preserves its original sound form. It goes through the long process of adaptation to the phonological system of the receiving language, that is, the sounds absent in the language are replaced by similar sounds. Perhaps better of all, phonetic peculiarities can be observed in French loan words in the Russian language (as in the French word meaning "jury", where the first sound is not characteristic of the Russian language), though, it should be noted, that some French borrowings have double pronunciation in Russian [Uspenskii, 1987].

Borrowings can be classified according to semantics or structure [Haugen, 1972]. According to the way they appeared in the language they fall into direct and indirect [Akhmanova, 2009]. If direct loan word is not controversial, indirect causes some uncertainty and this is the borrowing of the word which has once already been borrowed as in the following example: library < librairie (fr.) < librarium (lat.)

<liber (lat.).

There exist many reasons for borrowing words from one language into another one. The main are the following ones.

1. Migration. Probably as the most obvious example may serve the influence of Old Norse on the English language. During the migration of Vikings to the British Isles many words penetrated into English and are still widely used nowadays.
2. Religion. Taking as an example the interaction of Old Slavonic and Old Greek, the influence of Christianity on the language may be observed. Due to the spread of religious books in Russia, at which the first translators worked, religious words came into the Slavonic language.
3. Potential qualities of the language. By a language potential here we mean the ability of one language to enrich the vocabulary of the other by simplifying the process of human intercourse, which is quite necessary in the modern world.

The influence of borrowed words on the process of English language formation

For the analysis of the role of borrowings in intercultural communication and the development of technologies on the example of texts in English and Russian, it is essential to take into account the peculiarities of the historical development of both languages, pointing out the main events, as well as languages from which new words came.

As it was mentioned above, invasions enriched the English language greatly by numerous words and expressions. Danish linguist Otto Jespersen in its work "Growth and structure of the English language" considers English as a sequence of borrowings, made by constant contacts with invaders from Europe and Scandinavia [Jespersen, 1905].

In the 1st century BC, a few centuries before the migrations of Anglo Saxons, the British Isles were inhabited by the Romans who spoke Latin. Thanks to them the majority of new words that belonged to different spheres of life appeared in English.

1. Trading:

pondo > NE pound

uncia > NE inch

2. Agriculture:

vinum > NE wine

piper > NE pepper

3. Everyday life:

cista > NE chest

Latin influenced the names of English settlements. For example, the word "chester" that had an original meaning "fortified place" is present in the names of several modern English towns on the map of Great Britain.

After the fall of the Roman Empire the migration of the northern people to the British Isles took place. Loan words from Old Scandinavian were no less in number than those ones from Latin, having a great influence in some spheres. Those borrowings underwent considerable changes during the process of the formation of the English language.

Some time later William the Conqueror established the leading status of the French language, announcing it an official language on the territory of the British Isles. The coming of the Norman

monarch to the throne couldn't but influenced the language spoken by the royal court. By this fact the appearance of such words as *court*, *king*, *queen*, *prince*, *servant* and others in the English language can be explained. The word *religion* by itself and other religious terms (*prayer*, *saint* for example) firmly entered the English vocabulary alongside with terms connected with spheres of management and law (*parliament*, *government*, *judge*, *justice*). Military sphere acquired such terms as *victory*, *soldier*, *army*, etc.

An unusual situation turned out to be in the sphere of craftsmanship. City craftsmen acquired new names such as *butcher*, *painter*, meanwhile other craftsmen were called by old names – *shoemaker*, *blacksmith*.

For domestic animals old English names were employed, otherwise for their meat French terms were mainly applied.

Loan words in the Russian language

The Russian language went through a long and complicated way to its ultimate formation. In spite of its lexical richness, the necessity of borrowing new words and expressions still existed.

As it was mentioned before, the majority of loan words appeared in Old Slavonic from Old Greek. The first translations of religious books were done from Old Greek. Besides religious sphere the borrowings were connected with shipbuilding, which can be explained by active trading relations between Russian and Byzantine merchants before the adoption of Christianity in Russia. For example, the words as *ship* and *sail* appeared in the Russian language for the first time at that period.

It is an interesting fact that the main part of Old Greek loan words came into Russian already after the disappearance of Old Greek and the appearance of certain auxiliary languages. With this fact can be connected the appearance of scientific terms and names of sciences as well as Christian names [Rakhmanova, Suzdal'tseva, 1997].

Latin, being for a long time the language of science, religion and literature in Europe, made an influence on the Russian language. For instance, we should mention the use of Latin medical terms. Latin borrowings can be found in the sphere of international political terminology, making the process of interaction between people easier. Even modern Russian words familiar to the last two generations of Russian people are created on the basis of Latin or Greek words (the Russian word *cosmonaut* > *kosmos* + *nautes*).

Since the times of Peter the Great a great number of new words entered the Russian lexical system, mainly from German and Dutch. Some were borrowed from English. And we shouldn't underestimate the influence of the French language in the history of Russian. During the period from 18th to 19th centuries the Russian society was using more widely French than Russian, what led to the majority of borrowings.

Borrowings in Russian and English aviation texts

It should be stated that though nowadays the question about the importance of such a language phenomenon as borrowing of new words into the language became a subject matter of many linguistic works, still there are only a few research works devoted to the analysis of this phenomenon in some spheres of science. Thus, the investigation of borrowings in the sphere of aviation is rather topical from scientific point of view.

Before analyzing the role of borrowings in aviation sphere a few words should be given to the description of aviation as a whole. The history of aviation extends a little more than two thousand years.

All world powers have been striving to win the leadership in this sphere. Aviation has been developing at a rapid pace, new aviation terms have been appearing, for which analogues should be found in other languages. This process served as the basis for borrowing aviation terms, the number of which has been still increasing.

In order to prove the latter statement, the component diagram of the aircraft, namely of Boeing 747, from the aviation journal “Air International” was studied [Air international, 1985]. This diagram in Russian presents the aircraft itself as well as its constituent parts. The quantitative analysis of aviation terms shown on the diagram was carried out. For accuracy of research repeated terms were not taken into account.

As a result of the analysis, it was estimated, that of all the components presented on the diagram 51% of terms are of Russian or Ukrainian origin. The rest 49% are borrowings from other languages. The prevailing number of terms came from French – they constitute 24%; a bit less – 21% – are words of Dutch origin. Terms which came from Latin, German are used equally (by 15%). English borrowings and Greek ones are rather rare. They are used mainly as indirect borrowings. For example, the French word “phare” came into the Russian from Greek, as well as the French term “pylône” initially came from Greek “pylon”. On the mentioned above scheme indirect borrowings are used in 15% of cases.

Within this work a brief history of first borrowings in the English language were also studied and influence of these borrowings on the development of world communication technologies was analyzed.

Because of some conservatism adherent to the British people, the creative progress of an aviation sphere was rather slow. Among the reasons of this slowness an uncertainty in the aviation potential of the nation can be mentioned. As a result, the first terms in the field of aeronautics came into the English language from French, where an enormous attention was drawn to flying machines. Here belong such loan words as *dirigeable*, *aviateur*, *air bomb*, *helicopter*, etc.

New notions appeared with the attempts to construct the heavier-than-air- aircraft. At that time words connected with aero motor (for example, carburetor, cylinder, exhaust valve) were taken over into the English vocabulary. Later with the development of the art of flying aerobatics and new perspectives in the sphere of aircraft building, In the English language came such terms as “aerobatics”, “pique”, “virage”, being initially French.

On the basis of research of language borrowings in Russian and English aviation sphere and the results of the quantitative analysis we may conclude the following.

The majority of notions from a new and unexplored sphere came into other languages from the language spoken by the researchers. Thus, the French, having discovered the importance of aviation for the future, investigated this sphere thoroughly, and as a result, influenced the majority of world languages. So, in many cases the language, from which the great number of loan words come, increase its global influence, becoming more perfect and increasing the language potential. Unfortunately, such world leadership in the field of terminology can't last for long. This statement can be proved by the development of aviation in England in the 20th century. Since that time the number of borrowings from French into English has become less.

The analysis conducted in this article revealed a great number of loan words in the aviation field in both languages. Such amount of language borrowings in the aviation sphere makes a significant influence on communication technologies, making the process of analyzing the multifaceted technical documentations much easier for foreign language learners.

A language is becoming more and more perfect, but at the same time less complex for understanding. Especially this concerns those who are just starting to learn it. Borrowings in scientific sphere optimize the process of taking different training programs at universities and internship

programs; and in business sphere companies have been using loan words for a long time already for better interaction between employees of different countries and cultures, aiming at creating the common terminology inside the company and making the process of communication between members of the staff more effective. For example, the English word *target* is widely spread in Russian business sphere nowadays for denoting sales plans.

Conclusion

On the basis of linguistic analysis carried out in this article the following conclusions can be made.

1. Relying on the examples of long intercultural communication, described above, borrowings are seen as direct consequences of language contacts. No matter how rich in vocabulary the language is, there are always words that it lacks.
2. The influence of loan words on communication technologies can't be underestimated. Borrowings make the processes of perceiving the peculiarities of a foreign language and expanding the vocabulary easier to a greater extent. With the existence of the same or similar in spelling and pronunciation word in the native language there is no need to memorize the new one which is quite different form already well known. Such borrowings are widely applied in the fields and spheres of life which are familiar to almost every person, irrespective of nation or cultural background, such as management, tourism, studying. Technical sphere is not an exclusion in this sense. Loan words simplify in a great way this multifaceted sphere, allowing people the possibility to memorize complicated technical terms effortlessly.

References

1. Akhmanova O.S. (2009) *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [An outline of general and Russian lexicology]. Moscow.
2. Akhmanova O.S. (2013) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. Moscow.
3. Air international (1985).
4. Dibrova E.V., Evtushenko N.G. (2009) *Primenenie komp'yuternykh tekhnologii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [The use of computer technologies in learning foreign languages]. *Novi tekhnologii* [New technologies], 4, pp. 149-152.
5. Haugen E. (1972) *Yazykovoi kontakt* [Language contact]. In: *Novoe v lingvistike* [The new in linguistics], Vol. 6.
6. Jespersen O. (1905) *Growth and structure of the English language*. Leipzig.
7. Rakhmanova L.I., Suzdal'tseva V.N. (1997) *Sovremenniy russkii yazyk* [The modern Russian language]. Moscow.
8. Uspenskii B.A. (1987) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [A history of the literary Russian language]. Munich.

Роль заимствований в межкультурной коммуникации и в сфере коммуникативных технологий

Мельдианова Анна Валерьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, ш. Волоколамское, 4;
e-mail: meldianova_av@mai.ru

Померанцев Сергей Владимирович

Студент,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, ш. Волоколамское, 4;
e-mail: sergey01071999@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется роль заимствований в сфере межкультурной коммуникации, их значимость в общении между людьми разных национальностей и культур. Исследование проводится на основе текстов на английском и русском языках, в том числе авиационных, с указанием основных событий в истории обоих языков, а также стран и народов, оказавших наибольшее влияние на процесс заимствования в английском и русском языках. В исследовании отмечается также влияние заимствований на технологии коммуникации, в частности делается вывод о том, что заимствования значительно облегчают процесс изучения и анализа многоаспектной научной и технической документации на иностранных языках.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельдианова А.В., Померанцев С.В. The role of borrowings in intercultural communication and in communication technologies // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 19-25. DOI: 10.34670/AR.2021.89.68.003

Ключевые слова

Заимствованные слова, межкультурная коммуникация, технологии коммуникации, авиационные тексты, техническая документация.

Библиография

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 2009. 295 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2013. 576 с.
3. Диброва Е.В., Евтушенко Н.Г. Применение компьютерных технологий в процессе обучения иностранным языкам // Нові технології. 2009. № 4. С. 149-152.
4. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. М., 1997. 258 с.
5. Успенский Б.А. История русского литературного языка. Мюнхен, 1987. 557 с.
6. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61-80.
7. Air international. 1985. 40 p.
8. Jespersen O. Growth and structure of the English language. Leipzig, 1905. 267 p.

УДК 008**DOI: 10.34670/AR.2021.13.39.004****Ценностно-смысловая культура устойчивого развития****Курбатов Андрей Всеволодович**

Кандидат технических наук,
директор Свято-Алексиевской гимназии «Ольсово»,
141800, Российская Федерация, деревня Ольсово, 13;
e-mail: akurbatov55@mail.ru

Курбатова Людмила Анатольевна

Кандидат педагогических наук,
Заслуженный учитель Российской Федерации,
заместитель директора Свято-Алексиевской гимназии «Ольсово»,
141800, Российская Федерация, деревня Ольсово, 13;
e-mail: centrno@mail.ru

Аннотация

Падение авторитета международных политических и финансово-экономических организаций, отмеченное на Международном экономическом форуме в Давосе в 2021 г., вызвано прежде всего противоречием между предсказуемостью разразившегося экономического кризиса, получившего оценку «катастрофического», и неспособностью существующих международных институтов предлагать конструктивные решения региональных конфликтов, заниматься результативным урегулированием межэтнических и межгосударственных противоречий. Достаточно упомянуть полувековую историю докладов Римского клуба или деятельности Международного экономического форума в Давосе, трудов российской научной школы, чтобы убедиться в том, что не только закономерности, вызывающие кризис, не представляют секрета для науки, но и надежные средства предотвращения кризисов давно разработаны. К сожалению, эти инновации, так необходимые человечеству, блокируются с таким упорством, что Римский клуб в 2020 г. обратился к мировой общественности с экстренным заявлением о необратимом системном коллапсе мировой экономики и необходимости принять «Новый Путь – ведущий к общей справедливости и гармонии социума, экономики и природы. Иначе – смерть всей цивилизации». Одним из условий построения Нового Мира Римский клуб считает немедленное снятие запрета на использование генерирующих устройств, работающих на так называемой «свободной энергии», а также всех других прорывных технологий во всех сферах развития социума. Сторонники дальнейшего сдерживания прорывных технологий аргументируют свою позицию неготовностью большинства человечества к их принятию. Статья посвящена основам культуры инновационного развития, обеспечивающей одновременно эффективность и безопасность внедрения прорывных технологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Курбатов А.В., Курбатова Л.А. Ценностно-смысловая культура устойчивого развития // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 26-35. DOI: 10.34670/AR.2021.13.39.004

Ключевые слова

Кризис, деградация, культурный шок, инновационная экономика, конфликт интересов, устойчивое развитие, ценностно-смысловая культура, творческие возможности, духовность, авторитет, ценностно-смысловое самоуправление, ценностно-смысловое образование, система, синергия.

Введение

Всемирный экономический форум Давос-2021 был посвящен «перезагрузке капитализма», необходимость которой вызвана «катастрофическими масштабами экономического кризиса» [Пикекатлет, 2008]. Катастрофические масштабы кризиса послужили одной из причин падения авторитета деятельности ООН, направленной на достижение «устойчивого развития». Например, доклад Римского клуба 2018 г. начинается с главы «Устойчивое развитие – фигня!» [Доклад Римского клуба – 2018, www].

Следует отметить, что аналитики обращают внимание на тенденцию устойчивого падения авторитета всех международных организаций, а не только ООН [Ларионова, 2007]. Данная тенденция отнюдь не способствует повышению устойчивости развития мировой экономики. Не случайно президент РФ В.В. Путин, выступая в Давосе, отметил: «Происходит ослабление международных институтов, множатся региональные конфликты, деградирует и система глобальной безопасности» [Выступление Владимира Путина в Давосе, www]. Одной из главных причин потери авторитета стала наглядность факта отсутствия компетентности международных организаций в вопросе предотвращения глобальных кризисов, несмотря на их предсказуемость. В частности, Грэм Тёрнер в 2008 г. опубликовал статью «Пределы роста: 30 лет спустя», напоминающую, что прогнозы разразившегося экономического кризиса, сделанные в 1972 г., оказались на удивление точны [Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2016].

Основная часть

Подобные публикации вызывают вполне естественный вопрос: почему за полвека ускоренного роста технологического могущества никакие транснациональные корпорации, международные организации и национальные государства не смогли предотвратить катастрофу, причины и сценарий развития которой хорошо изучены? Отвечая на этот вопрос, исследователи указывают на три основные группы причин: субъективные, объективные и смешанные. К субъективным относятся закономерности, связанные с нежеланием производителей нести бремя финансовых затрат на внедрение инноваций, в том числе устраняющих объективные причины кризисных явлений. Хорошо изученный эффект намеренного сдерживания прогресса выражается в том, что полезные инновации кладутся «под сукно» и не получают должного распространения. Таким образом, сокрытие научно-технологического потенциала, накопленного человечеством, от нуждающихся в его реализации субъектов экономической деятельности создает предпосылки «катастрофических кризисов». В 1986 г. президент Академии наук СССР академик А.П. Александров, выступая на XXVII съезде КПСС, объяснил причину экономического застоя «развитого социализма»: «Академия наук СССР ведет и фундаментальные, и прикладные разработки. У нас сейчас есть более 300 законченных разработок, которые можно внедрять в промышленность и которые не внедряются» [XXVII

съезд Коммунистической партии Советского Союза, 1986]. Руководство страны его поддержало, но не смогло организовать переход социалистической экономики на инновационные рельсы, что привело к краху, который президент РФ В.В. Путин назвал «величайшей трагедией XX века». Частично история возникновения и распада социалистической сверхдержавы может быть объяснена концепцией А.Д. Тойнби, считавшего, что цивилизацию создает «творческое меньшинство», которое находит ответы на вызовы природы, социальных противоречий и других цивилизаций, авторитет его растет и происходит рост цивилизации [Тойнби, 2019]. Со временем правящее меньшинство утрачивает творческие возможности и, как следствие, авторитет, что вынуждает их управлять исключительно методами принуждения и силой оружия. Население цивилизации в основном превращается в социальный класс, для которого работа по найму является единственным источником средств к существованию. Своеобразный внутренний пролетариат становится, по меткому выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «могильщиком» правящего меньшинства, утратившего творческие возможности.

Исследование причин, по которым правящее меньшинство теряет творческие возможности, показало, что главной среди них является духовная деградация, именно она вызывает деградацию цивилизаций во всех аспектах, в том числе «глобальной безопасности». Это подтверждает анализ как всемирной истории, так и истории СССР. В политическом докладе XXVII Съезду КПСС отмечается, что «...руководство КПСС считает своим долгом честно и прямо сказать партии и народу о наших упущениях в политической и практической деятельности, неблагоприятных тенденциях в экономике и социально-духовной сфере, причинах таких явлений» [XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 1986]. Действительно, как не похоже выступление президента Академии наук СССР академика Александрова в 1986 г. и публичная лекция М.С. Ковалева, прочитанная в 1946 г. в круглом зале Дома Союзов в Москве. В победившем фашизм Советском Союзе отмечалось «отсутствие такого положения, когда технические достижения одного предприятия скрываются от других, а отдельные важные достижения часто кладутся монополистами под сукно, все это обеспечивает советским ученым исключительно благоприятные условия для научной деятельности» [Ковалев, 1946]. Результатом такой инновационной политики стал беспримерный технологический прорыв, обеспечивший Советскому Союзу не только быстрое восстановление разрушенной войной экономики, но и первенство в освоении космоса, восстановление темпов роста населения, понесшего самые страшные потери во Второй мировой войне (более 20 млн человек, по официальным данным), лидерство во многих отраслях науки и техники.

К сожалению, одновременно шел процесс духовной деградации номенклатуры, утратившей творческие возможности и избравшей в качестве стратегии сохранения привилегированного положения скрытую подмену миссии образования и превращения ее в систему, осуществляющую «"направленный, социальный отбор наиболее послушных, удобных, управляемых людей. А значит подавление творчества, инициативы, смелости мысли и поступков», – именно так было заявлено на Всесоюзном Съезде работников народного образования в 1988 г. Председателем Государственного комитета СССР по народному образованию Г.А. Ягодиным. Безнравственная скрытая подмена миссии образования как фундамента развития инновационной экономики на миссию подавления инициативы и творчества, направленный социальный отбор, превращающий обучающихся «в инертных, безразличных, безнравственных и равнодушных людей», привела к экономическому застою и одновременно падению авторитета номенклатуры [Всесоюзный съезд работников народного

образования. Стенографический отчет, 1990]. К чести партийной номенклатуры периода перестройки необходимо отметить, что частично она сумела подняться до публичного признания порочности избранного ею пути и покаяния в том, что проигнорировала завет своего идейного вдохновителя В.И. Ленина: «Если вы будете гнать не особенно послушных, но умных людей и оставите у себя лишь послушных дураков, то партию вы погубите наверняка». Эти признания Съезд встретил аплодисментами, так же как и задачи по исправлению сложившейся кризисной ситуации, которые были поставлены с учетом не только положений научного коммунизма, но и концепции понимания истории, предложенной А.Д. Тойнби, необходимости решения проблем, связанных с «Футурошоком», описанным Э. Тоффлером, системного анализа кризиса мирового образования, выполненного Ф.Г. Кумбсом, докладов Римского клуба, в том числе докладов «Нет пределов обучению», подготовленного под руководством Джеймса Боткина, и «Маршруты, ведущие в будущее», представленного директором Международного института управления Богданом Гаврилишиным, а также инновационных разработок советской научной школы, позволявших ответить на вызовы формирующегося информационного общества и интеллектуальной экономики, но заблокированных духовно деградировавшей частью партийной номенклатуры, о чем открыто говорилось на XXVII Съезде КПСС в 1986 г. и первом Всесоюзном Съезде работников образования в 1988 г.

Центром процессов перестройки был объявлен «человек, его возможности», поэтому «ключевой задачей становится переход к целостной системе непрерывного образования», которая должна ответить на «беспрецедентный вызов нашей способности к творчеству и прогрессу», обеспечить «развитие духовного богатства личности» [XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 1986; Всесоюзный съезд работников народного образования. Стенографический отчет, 1990]. Примечательно, что президент РФ В.В. Путин, выступая в Давосе в 2021 г., также заявил: «Независимо от доходов семьи дети должны получить достойное образование и реализовать свой потенциал. Такой потенциал есть у каждого ребенка. Только так можно будет гарантировать наиболее эффективное развитие современной экономики. Экономики, где люди – не средство, а цель!» [Выступление Владимира Путина в Давосе, www] Что касается практических мер, то в СССР была объявлена деидеологизация и деполитизация образования, вызвавшая культурный шок профессионального сообщества. Шок был закономерен, поскольку менталитет советских граждан был сформирован под доминантой государственной идеологии и культуры, если не культа идеологической борьбы. Действующий Федеральный государственный образовательный стандарт устанавливает требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы: «личностным, включающим готовность и способность обучающихся к саморазвитию и личностному самоопределению, сформированность их мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности, системы значимых социальных и межличностных отношений, ценностно-смысловых установок, отражающих личностные и гражданские позиции в деятельности, антикоррупционное мировоззрение, правосознание, экологическую культуру, способность ставить цели и строить жизненные планы, способность к осознанию российской гражданской идентичности в поликультурном социуме», что до сих пор вызывает отрицательное отношение у профессионалов, не знакомых с основами ценностно-смысловой культуры [Федеральный государственный стандарт среднего общего образования, www].

Этот шок был закономерен, так как переход от культуры отношений субъектов, «послушных» государственной идеологии, к культуре идеологического многообразия, высшей

ценностью которой является «человек, его права и свободы», требует подготовки, а ее (подготовку) заблокировала духовно деградировавшая часть советской элиты, так же как и инновационные разработки, о которых докладывал академик Александров XXVII Съезду КПСС. Экспериментальная апробация началась только в 1990 г., когда деструктивные процессы, вызванные культурным шоком, приняли необратимый характер, приведший к самораспаду СССР в 1991 г. Проблема развития духовного богатства человека в восьмидесятые годы минувшего столетия рассматривалась с учетом тенденции роста агрессивности информационной среды, противодействие которой требует создания инновационной культуры, обеспечивающей как противодействие духовной агрессии, так и актуальное увеличение духовного потенциала любого субъекта – личности, семьи, общества, государства, человечества, позволяющее отвечать на вызовы стремительно меняющегося мира, «всесторонне оснащенного для дальнейшего развития цивилизации, но и перегруженного опасными противоречиями, побуждающими говорить о едва ли не самой опасной полосе истории» [XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 10986]. Для сравнения, в 2021 г. Президент РФ В.В. Путин, выступая на международном экономическом форуме в Давосе, заявил: «Продление СНВ-3 – шаг в правильном направлении, чтобы избежать глобального конфликта. Но мировые противоречия "закручиваются", поэтому ситуация может развиваться непредсказуемо и неуправляемо» [Выступление Владимира Путина в Давосе, [www](#)]. Сам факт длительности публичного обсуждения необходимости разрешения противоречий, перечень которых почти не изменился за более чем полувековую историю человечества, свидетельствует о том, что культура взаимодействия субъектов на всех уровнях, от личностного до международного, не обеспечивает достижения мирного гармоничного решения, а военный конфликт признается средством полного самоуничтожения цивилизации, но возможность его не исключена.

Основное противоречие современного мира состоит в том, что конфликт интересов на всех уровнях нарастает, инновационные средства для его мирного и гармоничного разрешения блокируются духовно деградировавшей частью элиты, а вооруженный конфликт грозит самоуничтожением человечества. Именно так коллектив авторитетных ученых описывал ситуацию еще в 2002 г., обосновывая вывод «Вероятность самоуничтожения человечества непрерывно возрастает!» [Лужков, 2002] Аналогично оценивает ситуацию президент РФ В.В. Путин в 2021 г.: «Как известно, неспособность и неготовность разрешать подобные проблемы по существу в XX веке обернулись катастрофой Второй мировой войны» [Выступление Владимира Путина в Давосе, [www](#)]. Прогноз главы Российского государства также подтверждает справедливость неоднократно опубликованных научно обоснованных данных: «Конечно, сейчас такой глобальный "горячий" конфликт, надеюсь, в принципе невозможен. Очень на это надеюсь. Он означал бы конец цивилизации» [там же].

Разработка основ инновационной ценностно-смысловой культуры устойчивого развития осуществлялась в 80-х гг. прошлого века. Экспериментальная апробация в условиях государственной экспериментальной площадки проводилась с 1990 по 2010 г. Основываясь на устойчивых результатах научного анализа причин неустойчивости, полученных в результате лонгитюдных исследований, и императивах партийного, государственного и социального заказа, к инновационной культуре устойчивого развития были предъявлены следующие требования:

- обеспечение приоритета духовно-нравственного развития как главного фактора, определяющего устойчивость;

-
- управляемый рост духовного единства в системе межнационального, поликультурного, многоконфессионального, идеологически многообразного взаимодействия;
 - формирование иммунитета к любым деструктивным воздействиям (в том числе информационным), направленным на провокацию духовной, культурной, интеллектуальной и физической деградации;
 - опережающий рост творческих возможностей субъектов по отношению к темпам нарастания количества и качества вызовов (проблем), обусловленных объективными закономерностями процессов развития;
 - достижение максимальной комплементарности субъектно-субъектных отношений в условиях обострения конфликта интересов, вызываемого неравномерностью темпов развития субъектов, спецификой инертности их восприятия и мышления, при одновременном обеспечении эффективности их взаимодействия, гарантирующей устойчивость развития цивилизации;
 - развитие способности к своевременной идентификации попыток использовать научно-технологические достижения в частных, корыстных интересах с причинением вреда человечеству и навыков эффективной организации асимметричного адекватного ответа, позволяющего предотвратить нанесение неприемлемого ущерба устойчивости развития;
 - гарантия отношения к каждому человеку и субъекту как к цели, а не средству;
 - увеличение возможности поточного производства инноваций, необходимых для развития экологически целесообразной инфраструктуры, обеспечивающей эффективное и безопасное повышение уровня жизни;
 - предоставление гарантированной возможности актуального самосовершенствования независимо от темпов развития технологий и информационной среды;
 - гармоничность процесса трансформации культуры при одновременном обеспечении эффективности, необходимой для устойчивого развития информационного общества и экономики знаний.

Изучение возможности одновременного удовлетворения перечисленных требований на основе использования внутренних ресурсов, доступных каждому субъекту, показало, что ключевым ресурсом является способность к систематическому целенаправленному наблюдению субъекта за системой собственных ценностей и смыслов, определяющих мотивы его практической деятельности. Этот ресурс, как правило, остается невостребованным, а связанные с ним потенциальные возможности субъекта нереализованными, что и приводит к кризисам, которые в условиях глобализации становятся все более катастрофичными, как справедливо отмечали участники Международного экономического форума в Давосе. Однако с помощью организации специфической развивающей среды оказалось возможным инициировать устойчивый процесс формирования потребности и способности субъекта не только к систематическому целенаправленному наблюдению за динамикой системы собственных ценностей и смыслов, но и к анализу их влияния на успешность собственной деятельности. Ценностно-смысловой анализ (самоанализ) успешности собственной деятельности закономерно выступает в качестве естественного стимула, порождающего инициативу (внутренний мотив) к совершенствованию собственной системы ценностей и смыслов с целью повышения успешности собственной деятельности. Темпы повышения успешности, как показала тридцатилетняя практика, зависят от квалификации субъекта в области ценностно-смыслового самоуправления [Курбатов, Курбатов, 2020]. Повышение

квалификации осуществляется в системе ценностно-смыслового образования [Курбатов, Курбатова, 2020]. Качество образования обеспечивается авторской научно-практической школой, прошедшей успешную двадцатилетнюю государственную апробацию [Курбатов, Курбатова, Курбатов, Капируля, 2019]. Совершенствование и увеличение возможностей авторской научно-практической школы организуется на основе системно-синергетического синтеза реальности субъектами поля ценностно-смысловой культуры [Курбатова, 1998]. Таким образом, сформированность потребности и способности субъекта (человека, семьи, общества, организации, государства, человечества) к систематическому целенаправленному совершенствованию системы своих ценностей и смыслов для повышения своих творческих возможностей и использования их на общее благо можно считать признаком включения в поле ценностно-смысловой культуры. Аналогично сформированность потребности и способности к интенсивному эффективному безопасному распространению и совершенствованию фундаментальных основ – признаку высокого уровня ценностно-смысловой культуры.

Заключение

Наддисциплинарные исследования показали, что градация уровней ценностно-смысловой культуры может быть определена на основе объективных измерений и обработки полученных результатов с помощью специального математического аппарата, позволяющего обеспечить положительное влияние цифровизации на гармоничную трансформацию возможностей субъекта. При этом ни наличие, ни отсутствие возможностей цифровизации не является препятствием или ограничением для быстрого увеличения возможностей в поле ценностно-смысловой культуры. Поэтому ценностно-смысловая культура предоставляет универсальные возможности для решения проблемы лакуны (разрыва), описанной в докладе Римского клуба «Нет пределов обучению», подготовленного под руководством Джеймса Боткина [Лейбин, 1997]. В поле ценностно-смысловой культуры «предвосхищающее» развитие сознания возникает естественным образом, а системно-синергетический синтез реальности предоставляет неисчерпаемый арсенал инструментов для конкретного «строительства будущего». Проблема спонтанного скачкообразного роста конфликта интересов, собственно, и приводит к «вероятности столкнуться с настоящим срывом, чреватый борьбой всех против всех» [Выступление Владимира Путина в Давосе, www]. Междисциплинарные исследования позволили установить, что причиной роста конфликта интересов является устойчивый рост ценностно-смыслового дифференциала субъектов совместной деятельности. Включение участников совместной деятельности в поле ценностно-смысловой культуры вызывает закономерный процесс снижения ценностно-смыслового дифференциала и позволяет управляемо, предсказуемо и контролируемо не только снижать степень конфликта интересов, но и добиваться его устранения при одновременном увеличении количества общих интересов и устойчивого роста мотивации на сотрудничество в их достижении. Таким образом, устойчивость развития может рассматриваться как свойство ценностно-смысловой культуры. Одновременно вне ценностно-смысловой культуры в постиндустриальном информационном обществе достижение устойчивости развития не представляется возможным. Рост популизма, радикализма, усугубление проблем в ведущих странах, увеличение глобальных конфликтов, обсуждаемых мировым сообществом, подтверждают этот вывод. Не случайно президент РФ В.В. Путин, выступая на 75 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметил: «Как и любые другие инновации, цифровые технологии имеют тенденцию к неуправляемому распространению и так же, как и обычное оружие, могут попасть в руки к разного рода радикалам и экстремистам не

только в зонах региональных конфликтов, но и во вполне благополучных странах, порождая огромные риски» [Выступление Владимира Путина с видеообращением..., www]. Учитывая, что цифровая трансформация признается ключевым трендом экономики, задача обеспечения устойчивого развития на основе повышения уровня ценностно-смысловой культуры становится особенно актуальной.

Библиография

1. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. 654 с.
2. Всесоюзный съезд работников народного образования. Стенографический отчет. 20-22 декабря 1988 г. М.: Высшая школа, 1990. 414 с.
3. Выступление Владимира Путина в Давосе // Всемирный экономический форум в Давосе, 2021 год. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983>.
4. Выступление Владимира Путина с видеообращением на пленарном заседании юбилейной, 75 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074>.
5. Доклад Римского клуба – 2018. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf>.
6. Ковалев С.М. Интеллигенция в советском государстве // Большевик. 1946. № 2.
7. Курбатов А.В., Курбатов В.А. Ценностно-смысловое самоуправление - средство гармонизации процесса трансформации идейных взглядов // Электронный сборник научных статей по материалам XXIX Международной научно-практической конференции «Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике». М., 2020. С. 33-53. URL: <http://conference-nicmisi.ru/innovatsionnye-issledovaniya-kak-lokomotiv-razvitiya-sovremennoj-nauki-ot-teoreticheskikh-paradigm-k-praktike.html>.
8. Курбатов А.В., Курбатова Л.А. Система ценностно-смыслового образования интеллектуальной экономики устойчивого мира // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2020. № 3 (72). С. 17-32. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.72.643
9. Курбатов А.В., Курбатова Л.А., Курбатов В.А., Капируля Н.А. Становление ценностно-смысловой системы образования. М.: Перо, 2019. 357 с.
10. Курбатова Л.А. Системно-синергетический синтез реальности // На пороге XXI века. Том 1. М., 1998. С. 417.
11. Ларионова М.В. (ред.) Проблемы эффективности и реформы системы международных многосторонних институтов. М., 2007. 268 с.
12. Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1501909>.
13. Лужков Ю.М. Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России. М.: МГУ, 2002. 198 с.
14. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2016. 360 с.
15. Пикекатлет Н.В. ООН ожидают катастрофический 2021 год // Газета.ру. 2008. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/12/04/n_15317605.shtml.
16. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Академический проект, 2019. 802 с. с.
17. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования (в ред. Приказов Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413, от 29.12.2014 № 1645, от 31.12.2015 № 1578, от 29.06.2017 № 613. URL: <https://classinform.ru/fgos/1.4-srednee-obshchee-obrazovanie-10-11-class.html>.

Value-sense culture of sustainable development

Andrei V. Kurbatov

PhD in Technical Sciences,
Director of the St. Alexis Gymnasium "Olsovo",
141800, 13 Olsovo village, Russian Federation;
e-mail: akurbatov55@mail.ru

Lyudmila A. Kurbatova

PhD in Pedagogy,
Honored Teacher of the Russian Federation,
Deputy Director of the St. Alexis Gymnasium "Olsovo",
141800, 13 Olsovo village, Russian Federation;
e-mail: centrno@mail.ru

Abstract

The fall in authority of international political, economic and financial organizations, noted at the World Economic Forum in Davos in 2021, has been caused, above all, by the controversy between the predictability of the evolving economic crisis, that has been rated as "disastrous", and "the inability of the existing international institutions to offer constructive solutions for regional conflicts, to be engaged in effective regulation of interethnic and interstate controversies". It would be enough to mention the half a century history of the Club of Rome reports or the activities of the World Economic Forum in Davos, the works of the Russian scientific school, to realize that not just the patterns, causing crises, hold no secret for science, but also the reliable means of crises prevention have been long developed. Unfortunately, these innovations, so needed by humanity, are blocked with such persistence, that in 2020 the Club of Rome appealed to the world community with emergency statement about the imminent system collapse of the world economy and a need to accept "the New Way – leading to common justice and harmony among Economy, Society and Nature. Otherwise – the death of all the civilization". The Club of Rome considers the immediate lifting of the ban for the use of the generating devices running on so-called "free energy" to be one of the conditions of building the New World, as well as all the other breakthrough technologies in all spheres of society development". The supporters of further containment of breakthrough technologies justify their position by inability of the most part of human world to accept them. The article is dedicated to the basic principles of culture of innovative development, which ensures both effectiveness and safety of implementation of breakthrough technologies.

For citation

Kurbatov A.V., Kurbatova L.A. (2021) Tsennostno-smyslovaya kul'tura ustoichivogo razvitiya [Value-sense culture of sustainable development]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 26-35. DOI: 10.34670/AR.2021.13.39.004

Keywords

Crisis, degradation, cultural shock, innovative economy, a conflict of interests, sustainable development, value-sense culture, creative possibilities, spirituality, authority, value-sense self-management, value-sense education, system, synergy.

References

1. *Doklad Rimskogo kluba – 2018* [Report of the Club of Rome – 2018]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf> [Accessed 06/04/2021].
2. *Federal'nyi gosudarstvennyi standart srednego obshchego obrazovaniya (v red. Prikazov Minobrnauki Rossii ot 17.05.2012 № 413, ot 29.12.2014 № 1645, ot 31.12.2015 № 1578, ot 29.06.2017 № 613* [Federal State Standard of Secondary General Education (as amended by the Orders of the Ministry of Education and Science of Russia No. 413 of May 17, 2012, No. 1645 of December 29, 2014, No. 1578 of December 31, 2015, No. 613 of June 29, 2017)]. Available

- at: <https://classinform.ru/fgos/1.4-srednee-obshchee-obrazovanie-10-11-class.html> Accessed 19/04/2021].
3. Kovalev S.M. (1946) *Intelligentsiya v sovetskom gosudarstve* [The intelligentsia in the Soviet state]. *Bol'shevik*, 2.
 4. Kurbatov A.V., Kurbatov V.A. (2020) *Tsennostno-smyslovoe samoupravlenie - sredstvo garmonizatsii protsessa transformatsii ideinykh vzglyadov* [Value-semantic self-government is a means of harmonizing the process of transforming ideological views]. In: *Elektronnyi sbornik nauchnykh statei po materialam XXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Innovatsionnye issledovaniya kak lokomotiv razvitiya sovremennoi nauki: ot teoreticheskikh paradigmat k praktike"* [Proc. Int. Conf. "Innovative research as a locomotive for the development of modern science: from theoretical paradigms to practice"]. Moscow, pp. 33-53. Available at: <http://conference-nicmisi.ru/innovatsionnye-issledovaniya-kak-lokomotiv-razvitiya-sovremennoj-nauki-ot-teoreticheskikh-paradigmat-k-praktike.html> Accessed 11/04/2021].
 5. Kurbatov A.V., Kurbatova L.A. (2020) *Sistema tsennostno-smyslovogo obrazovaniya intellektual'noi ekonomiki ustoichivogo mira* [The system of value-semantic education of the intellectual economy of a sustainable world]. *Evrasiiskii soyuz uchenykh (ESU)*. [Eurasian Union of Scientists (ESU)], 3 (72), pp. 17-32. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.72.643.
 6. Kurbatov A.V., Kurbatova L.A., Kurbatov V.A., Kapirulya N.A. (2019) *Stanovlenie tsennostno-smyslovoi sistemy obrazovaniya* [Formation of the value-semantic system of education]. Moscow: Pero Publ.
 7. Kurbatova L.A. (1998) *Sistemno-sinergeticheskii sintez real'nosti* [System-synergetic synthesis of reality]. *Na poroge XXI veka* [On the threshold of the XXI century], 1. Moscow, p. 417.
 8. Larionova M.V. (ed.) (2007) *Problemy effektivnosti i reformy sistemy mezhdunarodnykh mnogostoronnykh institutov* [Problems of efficiency and reform of the system of international multilateral institutions]. Moscow.
 9. Leibin V.M. (1997) *Rimskii klub: khronika dokladov* [Club of Rome: Chronicle of Reports]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 6. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1501909> Accessed 12/04/2021].
 10. Luzhkov Yu.M. (2002) *Vozrozhdenie istorii. Chelovechestvo v XXI veke i budushchee Rossii* [Renewal of history. Humanity in the XXI century and the future of Russia]. Moscow: Moscow State University.
 11. Medouz D., Randers I., Medouz D. (2016) *Predely rosta: 30 let spustya* [The limits of growth: 30 years later]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ.
 12. Pikekatlet N.V. (2008) *OON ozhidayut katastroficheskii 2021 god* [The UN expects a catastrophic year 2021]. *Gazeta.ru*. Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/12/04/n_15317605.shtml.
 13. Toinbi A.Dzh. (2019) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
 14. *Vsesoyuznyi s"ezd rabotnikov narodnogo obrazovaniya. Stenograficheskii otchet. 20-22 dekabrya 1988 g.* [All-Union Congress of Public Education Workers. Verbatim record. December 20-22, 1988] (1990). Moscow: Vysshaya shkola Publ.
 15. *Vystuplenie Vladimira Putina s videoobrashcheniem na plenarnom zasedanii yubileinoi, 75 sessii General'noi Assamblei Organizatsii Ob"edinennykh Natsii* [Speech by Vladimir Putin with a video message at the plenary meeting of the jubilee, 75th session of the United Nations General Assembly]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074> [Accessed 18/04/2021].
 16. *Vystuplenie Vladimira Putina v Davose* [Speech by Vladimir Putin in Davos]. *Vsemirnyi ekonomicheskii forum v Davose, 2021 god* [World Economic Forum in Davos, 2021]. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2515983> [Accessed 12/04/2021].
 17. *XXVII s"ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz, 25 fevralya – 6 marta 1986 g. Stenograficheskii otchet* [XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union, February 25 – March 6, 1986. Verbatim record] (1986), in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Politizdat Publ.

УДК 008**DOI: 10.34670/AR.2021.96.83.005****Феномен казачества в культуре современной России****Рудь Оксана Владимировна**

Аспирант кафедры культурологии и изобразительного искусства,
Шуйский филиал,
Ивановский государственный университет,
155908, Российская Федерация, Шуя, ул. Кооперативная, 24;
e-mail: ok_rud@mail.ru

Аннотация

Данное исследование построено на семиотическом подходе к изучению культуры. Целью работы является рассмотрение современного состояния казачьей культуры через знаковую составляющую. Автор предполагает, что исторические места проживания казаков определяют современное состояние культуры этих регионов и возрождение казачества следует транслировать именно в них. В статье прослеживается процесс отклонения идей духовного, культурного и этнического возрождения казачества, начавшийся более 30 лет назад, в сторону политизации. Указывается на то, что ценность возрождения в современной России культурного феномена казачества, охватившего все регионы, определена потребностями самого российского общества, нуждающегося в национальном стержне. Возможно, наличие транспериферии, обусловленное исторической реальностью, сможет стать мотивирующим началом для культурного расцвета российского государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Рудь О.В. Феномен казачества в культуре современной России // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 36-41. DOI: 10.34670/AR.2021.96.83.005

Ключевые слова

Казачество, возрождение казачества, феномен казачества, традиции казаков, транспериферия культурного пространства.

Введение

Семиотический подход изучения культуры позволяет интерпретировать ее как множество знаковых значений. Культуру любой общности можно рассматривать в качестве единого образования, отличающегося от прочих культурных общностей.

Рассматривая под таким углом национальную культуру России, мы обнаружим целый конгломерат культур. Их пересечения формируют центр, генерирующий специфическую культуру для всей целостности. Отражением центра выступают провинции и культурные периферии. Но есть места, лишённые прямого влияния центра и периферий. В данном контексте они рассматриваются как транспериферия общего культурного пространства (термин, наиболее полно отражающий состояние культуры, заимствован у П.Н. Лукичева и А.П. Скорика [Скорик, Лукичев, 1992]). Здесь образуется собственный культурный центр, опосредованный от общего культурного пространства. Такими транспериферийными культурными образованиями являлись и являются регионы исторического проживания казаков и территории, охваченные процессом возрождения казачества. На сегодняшний день таковых в России определено 11: Волжское, Сибирское, Забайкальское, Терское, Уссурийское, Всевеликое войско Донское, Енисейское, Оренбургское, Кубанское, Иркутское, Центральное.

Основная часть

О возрождении казачества стали открыто и на государственном уровне говорить с конца 1980-х гг., но, к сожалению, на протяжении 30 лет так и не было сформировано четкое представление процедуры воссоздания его своеобразной культуры. Можно считать идеалистической, но недостижимой целью возрождение казачества в его досоветском виде. С приходом понимания, что рассуждений о героическом прошлом казачества, его участия в становлении российского государства, недостаточно появляется и некое представление о будущем казаков и тех, кто считает себя таковыми [Косов, [www](#)].

Многовековое существование казачества было отмечено рядом социокультурных изменений. Основная трудность в сегодняшнем возрождении культурного пласта связана с невозможностью восстановления тех сочетаний знаковых систем, которые составляли транспериферийные культурные центры и самостоятельные образования внутри них. Мы можем отметить, что сохранившиеся отличительные черты казачьих культур в географическом плане юга, центра, востока и севера России не приведут к восстановлению казачества как некоего монолита, а смогут объединить культурные инициативы лишь отдельных регионов: Дон, Кубань, Терек, Урал, Дальний Восток и т. д., что повторяет процесс генезиса казачества как такового.

В современном контексте «возрождение казачества» началось с создания землячеств и исторических клубов, иницируемых интеллигенций. При поддержке Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) на базе Ростовского областного музея краеведения в 1986 г. был создан Донской военно-исторический клуб им. М.И. Платова, который своими задачами считал воспитание патриотизма у советской молодежи, развитие военно-исторической науки и истории Донского казачества. Данный клуб послужил началом формирования штаба Войска Донского и его структуре вплоть до станиц и хуторов [Мацневский, 2012, [www](#)].

В Краснодаре в 1988 г. объединяющим началом для интеллигенции стал журнал «Кубань»

во главе с его редактором В.А. Канашкиным. Кубанский государственный университет был отправной точкой для образования военно-исторического клуба, целью которого было изучение истории кубанского казачества. Через год на его базе возникла Кубанская казачья рада. В 1989 г. в Ростове-на-Дону возник «Шолоховский круг», объединивший активных писателей, журналистов, историков и филологов. Для Московского землячества, созданного при Центральном доме пропаганды ВООПИиК, основой стали фольклорные ансамбли. При позиционировании своих целей перечисленные клубы оставались вне политики [Тер-Саркисянц, [www](#)].

Смещение вектора возрождения казачества как социокультурного пласта от культурного к политическому привело к очередному разделению казаков на «белых» и «красных» [Скорик, Лукичев, 1992]. Разделительной чертой стало отношение к современной власти в РФ. Это проявляется для одних сохранением стереотипов советской жизни и созданием мифологического образа врага, для других – отрицанием опыта развития социалистического общества и видением своего пути. В современном казачьем обществе не хватает умения компромисса, начинается поиск незримого врага внутри и вне казачьей среды. Политизация казачьего движения, борьба его лидеров за власть, кресла чиновников и депутатов еще более усугубляют ситуацию и отдаляют возрождение духовных традиций казаков. Уместны слова кубанского атамана В. Громова: «Сейчас чиновников, которые в России занимаются казачеством, больше, чем самих казаков!» [Громов, [www](#)].

Исторический стереотип «казачество немыслимо без службы» в наши дни отражен созданием реестровых казачьих формирований. Новоявленные реестровые казаки облачились в военную форму, встали под красочные знамена, стали проводить парадные шествия. Но как такового казачьего вооруженного войска не сложилось. Люди в мундирах и при офицерских погонах, составляющие общественные организации, получили лишь новое обозначение – ряженные казаки. Такое отношение нашло отражение и в Федеральном законе от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ: реестровый казак, оставивший госслужбу, перестает им быть.

Своеобразной чертой времени выступает стремление современного казачества к восстановлению многовековой традиции местного самоуправления в зонах транспериферийности. Мы имеем примеры обязательного включения в управление муниципалитетами Краснодарского края заместителей глав администраций из числа атаманов казачьих обществ на местах. Но реальная практика провоцирует акцентирование данной инициативы лишь на политических целях, и позитивное на первый взгляд явление начинает приобретать форму борьбы за власть в казачьих обществах. Происходит активное восстановление атрибутивной знаковой системы: форма, оружие, знаки различия. Существует опасность, что данный подход прервет развитие собственно культурных черт казачьих обществ.

Возрождение традиций казачества через знаковую атрибутивную систему является своеобразным пониманием «мужского братства», а именно положением мужчины в семье, обществе. Мужская психология ориентирована на деятельность по воспроизводству целостности общественного образования в отличие от женской, направленной на воспроизводство кровнородственных отношений. На современном витке истории возрождению казачьих традиций способствует особое понимание «свободы» как мужского братства. Внедрение знаков отличия и военной атрибутики подчеркивает восстановление «корпоративного» мужского духа [Скорик, Лукичев, 1992]. Своеобразным гимном мужской эмансипации и казачьего обновления стала песня «Любо, братцы, любо...». Таким образом возрождение знаковой (военной атрибутивной) системы дает пересечение двух сфер –

политизации современного казачества и воссозданного «корпоративного» мужского духа.

Восстановление традиционного общинного уклада жизни казаков в современных условиях маловероятно. Доминирующий военный фактор (угроза извне, всеобщая длительная военная служба) в наши дни отсутствует [Феномен..., www]. Процесс поглощения индивида различными группами, сначала самой мелкой – семьей, потом – родом, далее – общиной, диаспорой, противоречит с точки зрения правового государства развитию личности, устрой и демократическим началам в современном обществе. Возможно, это обстоятельство объясняет незначительное участие в казачьем движении интеллигенции, которая и была инициатором начала возрождения казачества, но сама не принимает обязательного ношения формы, знаков отличия и подчинения личности общественным интересам.

Возрождение казачества по времени совпало с возрождением православия. Культ как одна из форм культуры несет в себе определенную знаковую систему, форму организации человеческого существования и духовное начало, дающее смысл жизни. Реакция на это явление как новых казаков, так и их предшественников далеко не однозначна. Например, среди уральских и терских казаков есть верующие – старообрядцы, ряд терских казаков – магометане, казаки-калмыки и казаки-буряты – буддисты, казаки-татары – мусульмане.

Общим для казаков нашего времени является русский язык, несмотря на то, что южные районы используют в разговоре «балачку» и «гутор», казаки – русскоязычные. При этом есть знаковый код – особое приветствие «Здорово дневали!», который отличает казака от других и располагает ко взаимному доверию.

Заключение

Единомыслия не только среди казачьих структур, но и в целом в обществе не бывает, всегда находятся разногласия. Если попытаться восстановить региональные традиции казачьей культуры, то есть вероятность не только сохранить историческое прошлое казаков, но и сделать дальнейший шаг к его возрождению через естественный приход новых поколений казаков, через самобытное образование и казачьи общества.

Ценность возрождения в современной России культурного феномена казачества, охватившего все регионы, определена потребностями самого российского общества, нуждающегося в национальном стержне. Возможно, наличие транспериферии, обусловленное исторической реальностью, сможет стать мотивирующим началом для культурного расцвета российского государства.

Библиография

1. Громов В. Чиновников, которые занимаются казачеством, в России больше, чем самих казаков. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/151983-vladimir-gromov-o-sovremennom-rossiyskomkazachestve?fbclid=IwAR3iFKi7IbCLKFTq6Hq3euHaPsGdMy2I3l9tUr4LsoGUIFair-GgFskbzr0>
2. Косов Е.В. Казачья инициативная самоорганизация (начало). URL: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazachja_iniciativnaja_samoorganizacija/168-1-0-3246
3. Мадиевский Г.О. Первые организации движения за возрождение казачества: от фольклорно-этнографических к общественно-политическим // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/history/since-1989/pervye-organizatsii-dvizheniya-za-vozhrozhdenie-kazachestva-ot-folklorno-etnograficheskikh-k-obshches/>
4. О государственной службе российского казачества: федер. закон Рос. Федерации от 05.12.2005 № 154-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 09.11.2005; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 23.11.2005. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56842/
5. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества //

Политические исследования. 1992. № 3. С. 153-155.

6. Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области. URL: <http://static.ica.ras.ru/neotlozhka/6%28A%29-Ter-Sarkisyanz.pdf>
7. Феномен казачества в истории Российского Отечества. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otechestva/>

The phenomenon of Cossackdom in the culture of modern Russia

Oksana V. Rud'

Postgraduate at the Department of cultural studies and fine arts,
Shuya branch,
Ivanovo State University,
155908, 24 Kooperativnaya st., Shuya, Russian Federation;
e-mail: ok_rud@mail.ru

Abstract

The research is based on the semiotic approach to the study of culture. The article aims to consider the current state of the Cossack culture through the sign component. The author of the article suggests that the historical places of residence of the Cossacks determine the current state of culture in these regions and the revival of Cossackdom should be broadcast in them. The article traces the process of rejection of the ideas of the spiritual, cultural and ethnic revival of Cossackdom, which began more than 30 years ago, in the direction of politicization. There is no consensus not only among the Cossack structures, but also in general in society, there are always disagreements. If we try to restore the regional traditions of the Cossack culture, it is possible not only to preserve the historical past of the Cossacks, but also to take a further step towards its revival through the natural arrival of the new generations of the Cossacks, through the original education and Cossack societies. The article points out that the value of the revival of the cultural phenomenon of Cossackdom in modern Russia, which has covered all regions, is determined by the needs of the Russian society itself. Perhaps the presence of transperiphery, due to historical reality, can be a motivating start for the cultural flourishing of the Russian state.

For citation

Rud' O.V. (2021) Fenomen kazachestva v kul'ture sovremennoi Rossii [The phenomenon of Cossackdom in the culture of modern Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 36-41. DOI: 10.34670/AR.2021.96.83.005

Keywords

Cossackdom, revival of Cossackdom, the phenomenon of Cossackdom, traditions of the Cossacks, transperiphery of the cultural space.

References

1. *Fenomen kazachestva v istorii Rossiiskogo Otechestva* [The phenomenon of Cossackdom in the history of the Russian Fatherland]. Available at: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otechestva/> [Accessed 27/01/21].
2. Gromov V. *Chinovnikov, kotorye zanimayutsya kazachestvom, v Rossii bol'she, chem samikh kazakov* [There are more

Oksana V. Rud'

- officials who are engaged in Cossackdom in Russia than the Cossacks themselves]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/151983-vladimir-gromov-o-sovremennom-rossiyskomkazachestve?fbclid=IwAR3iFKi7IbCLKFTq6Hq3euHaPsGdMy2I3l9tUr4LsoGUIFair-GgFskbZr0> [Accessed 27/01/21].
3. Kosov E.V. *Kazach'ya initsiativnaya samoorganizatsiya (nachalo)* [Cossack initiative self-organization (the beginning)]. Available at: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazachja_iniciativnaja_samoorganizacija/168-1-0-3246 [Accessed 27/01/21].
 4. Matsievskii G.O. (2012) *Pervye organizatsii dvizheniya za vozrozhdenie kazachestva: ot fol'klorno-etnograficheskikh k obshchestvenno-politicheskim* [The first organizations of the movement for the revival of Cossackdom: from folklore and ethnographic to sociopolitical ones]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research on social problems], 4. Available at: <http://www.slavakubani.ru/kkv/history/since-1989/pervye-organizatsii-dvizheniya-za-vozrozhdenie-kazachestva-ot-folklorno-etnograficheskikh-k-obshches/> [Accessed 27/01/21].
 5. *O gosudarstvennoi sluzhbe rossiiskogo kazachestva: feder. zakon Ros. Federatsii ot 05.12.2005 № 154-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 09.11.2005: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23.11.2005* [On the state service of the Russian Cossacks: Federal Law of the Russian Federation No. 154-FZ of December 5, 2005]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56842/ [Accessed 27/01/21].
 6. Skorik A.P., Lukichev P.N. (1992) *Stanitsa ili stolitsa: kul'turologicheskii aspekt vozrozhdeniya kazachestva* [The stanitsa or the capital: the culturological aspect of the revival of Cossackdom]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 3, pp. 153-155.
 7. Ter-Sarkisyan A.E. *Donskie armyane i etnokul'turnaya situatsiya v Rostovskoi oblasti* [The Don Armenians and the ethnocultural situation in the Rostov region]. Available at: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/6%28A%29-Ter-Sarkisyan.pdf> [Accessed 27/01/21].

УДК 75.03**DOI: 10.34670/AR.2021.49.96.006****Русский характер картин И.К. Айвазовского****Винокуров Виктор Сергеевич**

Старший преподаватель кафедры «Изобразительное искусство и культурология»,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Лермонтова, 37;
e-mail: pspu-izo2012@yandex.ru

Козина Татьяна Николаевна

Доктор культурологии, доцент,
завкафедрой «Изобразительное искусство и культурология»,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Лермонтова, 37;
e-mail: pspu-izo2012@yandex.ru

Аннотация

Предметом изучения в статье являются батальные полотна И.К. Айвазовского. Благодаря многим врожденным особенностям дарования, художнику удается достичь той высоты мастерства и выразительности произведений, которые выдвигают его в первые ряды маринистов в мире. Искусство Айвазовского пронизано патриотическим пафосом. Он ощущает морскую стихию в тесной связи с жизнью народа. С детства знакомый с русскими людьми, неоднократно получавший от них помощь, художник прекрасно понимает чувства своих героев. Личное знакомство с великими русскими флотоводцами, простыми моряками дает Айвазовскому фактический материал для создания батальных полотен, прославляющих их ратные подвиги в борьбе за могущество России. Картины художника запечатлевают многие военные победы русского государства на море. В рамках статьи анализируются «Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года», «Чесменский бой в ночь с 25 на 26 июня 1770 года», «Синопский бой», «Синопский бой 18 ноября 1853 года (Ночь после боя)», «Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года». Изучение творчества Айвазовского остается актуальным, его работы вызывают чувство гордости за свое Отечество.

Для цитирования в научных исследованиях

Винокуров В.С., Козина Т.Н. Русский характер картин И.К. Айвазовского // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 42-52. DOI: 10.34670/AR.2021.49.96.006

Ключевые слова

Русская живопись, марина, военно-морской флот, героизм, батальный жанр.

Введение

Формулировка темы статьи требует определения понятия «русский характер». Оно соотносится с дефиницией «менталитет», пришедшей в русский язык или из французского (*mentalité*), или из немецкого (*Mentalität*) и восходящей к латинскому *mens*. Связывая прошлое с настоящим, менталитет формируется исторически и генетически. Он является устойчивой совокупностью социально-психологических черт, которые определяют разные стороны жизни данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, государственном устройстве и сложившихся общественных отношениях.

Традиция исследования русского характера была заложена отечественными историками XVIII-XIX вв.: Н.М. Карамзиным, В.О. Ключевским, С.М. Соловьевым, а также религиозным философом И.В. Киреевским. В конце XIX – начале XX в. названная тема получает развитие в трудах известных русских религиозных философов: Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, Л.П. Лосского, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского.

Сведения о русском характере находим и в трудах ученых-этнографов. Так, А.В. Терещенко приводит слова автора XI в. в своем исследовании «История культуры русского народа»: «Нет ни одного народа честнее и благосклоннее славян» [Терещенко, 2007, 7].

Крещение Руси определяет историческую судьбу русского народа, его культуру и национальный психотип. Под влиянием православия формируется идеал государства, где все люди связаны между собой, каждый человек представляет ценность как органичная часть единого целого. Идейным выражением внутреннего единства русского народа является соборность. Ее проявление П.А. Флоренский находит в многоголосии русской народной песни: «Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками. Каждый более-менее импровизирует, но не разлагает целого» [Флоренский, 1990, т. 2, 31].

Преклонение перед красотой – еще одна черта русского характера. Ее отмечает К.Н. Леонтьев, выделяя готовность ради нее пожертвовать всем. Русский философ первым фиксирует начавшийся процесс ассимиляции «цветущей сложности» классики. Леонтьев предсказывает, что «либерально-эгалитарный прогресс» разрушит существовавшие в то время ортодоксии, особенные культуры и отдельные государства, смешав их в «однообразную социальную единицу». Чрезвычайно актуально звучит сегодня его вывод: «в однообразии – смерть» [К. Леонтьев..., 1993, 106].

Выделим основные черты русского характера, которые необходимо вычлениить для решения основных задач данной статьи. До начала XX в. Россия была православным государством. Православное вероисповедание оказывает большое влияние на формирование русского характера. Оно воспитывает в людях бескорыстие, благожелательность, милосердие, сострадание, жертвенность, аскетизм.

И.К. Айвазовский с детских лет испытывает влияние русских людей, воспитывается в русской культуре. Лучшие черты национального характера находят отражение в его живописных полотнах. Их исследование – главная цель предлагаемой работы.

Начало ученичества

Сведения о предках художника скудны и противоречивы. По утверждению исследователя Н.С. Барсамова, не сохранилось документов, которые бы могли «внести ясность в родословную Айвазовских» [Барсамов, 1962, 9]. Но все же, несмотря на различные жизненные трудности,

отец будущего живописца имел собственный домик в Феодосии.

Мальчик с ранних лет мог видеть стоящие на Феодосийском рейде корабли русского военного флота, мог слышать рассказы об их боевых подвигах. Айвазовского-ребенка привлекают повествования о Чесменской битве, Наваринском бое. Воображение художника рисует реальные картины битв русского флота с Турцией.

В процессе формирования личности Айвазовского под влиянием окружающей его действительности развиваются стойкие интересы, появляются высшие духовные потребности, которыми художник будет руководствоваться в дальнейшей жизни.

Склонность ребенка к рисованию замечает знакомый отца – архитектор Кох, давший первые пояснения по перспективе. Он показывает рисунки А.Н. Казначееву, бывшему тогда градоначальником Феодосии. Именно этот чиновник открывает мальчику путь к образованию.

Подружившись с сыном Казначеева, Айвазовский бывает в их доме, наблюдает повседневную жизнь русских людей. Через некоторое время Казначеев переезжает с семьей в Симферополь на должность таврического губернатора и забирает с собой талантливого подростка. Айвазовский получает возможность учиться в гимназии.

Доброта и участие русских людей, встретившихся на жизненном пути будущего художника, открывают ему путь к образованию. Так, Н.Ф. Нарышкина (урожденная Ростопчина), познакомившись с работами Айвазовского, проникается желанием помочь ему получить образование в Академии художеств. Вместе с прошением о приеме в Академию отправляются рисунки Айвазовского-гимназиста. 22 июля 1833 г. юношу зачисляют в Академию художеств. Долгий путь из Симферополя в Петербург талантливому юноше помогает преодолеть В.А. Башмакова (урожденная княжна Итальянская, графиня Суворова-Рымникская). Долгие годы она хранит его альбомный рисунок «Вид Екатеринослава», исполненный по дороге в северную столицу.

К началу творчества Айвазовского русская пейзажная живопись имеет вполне сложившиеся формы благодаря традициям классического искусства. Одним из ведущих мастеров пейзажа в XVIII-XIX вв. считается С.Ф. Щедрин. Темой его полотен являются дворцовые парки Гатчины, Павловска, Петергофа. Еще обучаясь в Академии художеств, Айвазовский обращает внимание на его пейзажи. Начинающего художника привлекает в них трепет воздуха, тонкая красочность южной природы – все это напоминает природу родного Крыма.

Близким Айвазовскому становится творчество его учителя-профессора М.Н. Воробьева, развившего в учениках интерес к новому направлению в искусстве – романтизму. Из класса этого педагога позднее выходят наиболее известные русские маринисты: И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, Л.Ф. Лагорио.

Путь художника к созданию батального жанра

Первое знакомство Айвазовского с русским военно-морским флотом состоялось весной 1836 г., когда он стал свидетелем учебных занятий кораблей на Балтийском флоте.

Будущий генерал-адмирал-великий князь Константин Николаевич, в то время еще ребенок, со своим наставником Ф.П. Литке совершает плавание на военных кораблях по Балтийскому морю. Официально прикомандированный художник близко сходит с талантливым адмиралом Литке. В этом плавании Айвазовский знакомится с укладом жизни русских боевых кораблей, детально изучает конструкцию парусников, сложную систему их управления.

Результатом учебной практики на военных кораблях в течение всего лета 1836 г. являются

семь работ, осенью представленных на выставку Академии художеств. Успехи начинающего художника определяют решение Академического совета. Айвазовский получает золотую медаль и право учиться за рубежом.

В творческую поездку за границу Айвазовский отправляется сформировавшимся живописцем. Специфика творческой деятельности художника требует постоянного обогащения его новыми знаниями. Вобрав в себя все лучшее, что было в русской живописи, Айвазовский получает возможность расширить свои познания в области классического искусства.

Впитывая новые впечатления, художник остается верен своей глубокой привязанности к художественной манере Щедрина. Ему захотелось написать те же виды, которые когда-то привлекли любимого мастера.

Работа на пленэре приводит Айвазовского к принятию решения больше не писать с натуры. Его влечет свободное творчество, которое позволит осуществить самые смелые замыслы. Айвазовского отличают прекрасная зрительная память, творческая фантазия. Им накоплен богатый запас наблюдений, что дает возможность работы без натуры. «Не в том еще дело, чтобы написать ту или иную сцену из истории или из действительной жизни, – считал И.Е. Репин. – Она будет простой фотографией с натуры, этюдом, если не будет освещена философским мировоззрением автора и не будет носить глубокого смысла жизни» [Репин, 1964, 170-171].

Полотна художника отражают то, что он прочувствовал, наблюдая в действительности.

В конце 1843 г. завершается трехлетнее пребывание Айвазовского за границей. За этот период им было написано более пятидесяти живописных полотен. Он считается лучшим маринистом в Европе. Пейзажист удостоивается золотой медали в Париже, получает звание академика в Амстердаме.

Через год, 21 сентября 1844 г., Айвазовский в звании живописца был причислен к Главному морскому штабу. Ему дается право ношения мундира Морского министерства с тем, чтобы «звание сие считать почетным» [Барсамов, 1962, 53]. Так художник получает возможность ближе познакомиться с жизнью русского военно-морского флота.

В 1845 г. Айвазовский отправляется с хорошо знакомым адмиралом Литке к берегам Турции, Малой Азии, островам греческого архипелага. Во время этого похода он заполняет карандашными рисунками сотни альбомных листов, которые впоследствии будут положены в основу новых картин. Эта своеобразная памятная книжка наполнена топографически точными и художественно-выразительными зарисовками многочисленных портовых городов.

Картины побед русского флота в изображении Айвазовского

Зачисление на должность художника Главного морского штаба, несомненно, помогает формированию тематики полотен Айвазовского, значительная часть которых посвящается отображению славных подвигов русского военно-морского флота. Картины живописца становятся их художественной летописью. Дружеские отношения с такими флотоводцами, как В.И. Истомин, В.А. Корнилов, Ф.П. Литке, П.С. Нахимов, способствуют правдивому изображению жизни моряков. Их подвиг Айвазовский воспринимает как проявление лучших душевных качеств русских людей. Героизм представлен как романтический порыв. «Каждая победа наших войск, – писал художник, – на суше или на море радует меня как русского в душе и дает мысль как художнику изобразить ее на полотне» [Там же, 67].

Картина Айвазовского «Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года» (1848 г.) отражает события Русско-Турецкой войны 1768-1774 гг., когда российская боевая эскадра, возглавляемая

адмиралом Г. Спиридовым и графом А. Орловым, раскрыла дислокацию главных сил неприятеля. Корабли закрепились в Чесменской бухте. Они были спрятаны в проливе и стояли на якорю. Турецкое командование планировало избежать боя с русской эскадрой, но этим планам не суждено было осуществиться.

Рисунок 1 - Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года

На картине показан один из кульминационных моментов сражения: парусники обеих враждующих сторон выстроились в линию, и начался поединок флагманских кораблей – русского судна «Св. Евстафий Плакида» и турецкого парусника «Реал-Мустафа». Известно, что в ходе этого боя «Реал-Мустафа» вспыхнул, огонь перешел на русский корабль, в конечном итоге оба флагмана взорвались и пошли ко дну. После гибели флагмана остальные суда

турецкой эскадры начали беспорядочное отступление в Чесменскую бухту. Это их не спасло: эскадра была заблокирована русскими кораблями и практически целиком истреблена.

Суда на картине Айвазовского окутаны оружейным дымом, этот же дым густыми облаками поднимается в голубое небо. Море волнуется и бурлит из-за падающих в него снарядов. Художник применяет прием низкого горизонта, чтобы усилить мощь и величие русской эскадры: корабли как будто поднимаются над уровнем моря и устремляются ввысь. Флагманы уже притерлись бортами друг к другу, они оба дымятся, бой в самом разгаре. Красные флаги на главном турецком корабле создают один из эмоциональных центров картины, контрастируя с мрачным серо-синим колоритом полотна и приковывая внимание к поединку двух флагманов.

Рисунок 2 - Чесменский бой в ночь с 25 на 26 июня 1770 года

Живописное полотно «Чесменский бой в ночь с 25 на 26 июня 1770 года» (1848 г.) непосредственно продолжает тематику предыдущей картины Айвазовского. Как известно, Чесменское сражение явилось одним из важнейших моментов Русско-Турецкой войны 1768-1774 гг., отчасти предопределившим ее исход. В ночь с 25 на 26 июня 1770 г. корабли российского флота заблокировали в Чесменской бухте турецкие суда и уничтожили значительную их часть.

Художник не принимал участия в этом великом сражении, но в своей работе убедительно, с большой выразительностью показал один из его кульминационных моментов. Центральная часть композиции освещена огнями от взрывов, которые кажутся особенно яркими в суровой темноте ночи. Это горят и тонут на втором плане турецкие корабли, а первый план занимает изображение российского флагманского судна и неподалеку – неприятельской лодки под красным флагом, на которой пытаются спастись турецкие моряки. Как и на полотне «Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года», пронзительно-красный цвет флага на вражеской спасательной лодке создает драматический акцент и подчеркивает мощь и победную силу русского флота. Поражение и страх врага показаны и в фигурах чудом уцелевших после взрывов турецких солдат, отчаянно хватающихся за обломки мачт.

Небо над Чесменской бухтой сизо-серое, облака перемешаны с дымом от взрывов. Луна, как немой и беспристрастный свидетель, освещает холодноватым светом происходящее жаркое сражение. В одном «кадре» соединились стихии воды, воздуха и огня, образуя подобие ада на земле – прежде всего ада для побежденных.

Невзирая на страшную и жестокую суть совершающегося на картине, общий ее дух – боевой и мажорный. Чувствуется, что в ходе написания полотна Айвазовский ощущал радостно-тревожное волнение, восторг от победы русских моряков, гордость за российский флот. И это чувство сопричастности, душевного подъема и упоения блестящей победой позволило ему создать одно из ярчайших победоносных произведений в своем творчестве.

Картину «Синопский бой» Айвазовский написал в 1853 г., непосредственно после масштабного сражения, произошедшего между судами Российской и Османской империй. Бой шел под предводительством адмирала Нахимова и был выигран благодаря его умелым тактическим маневрам и техническому превосходству русских кораблей. Сразу после этой блестящей победы российские власти заказали Айвазовскому как опытному и талантливому маринисту создание тематического полотна, причем необходимо было написать картину быстро, чтобы приурочить ее демонстрацию к награждению Нахимова. Прежде чем начать работу, художник побеседовал с основными участниками этого грандиозного исторического события, получил необходимые подробности и проникся героическим духом битвы.

В картине «Синопский бой» отражен момент самого начала сражения. Рассвет, море относительно спокойно, волны лишь слегка поднимаются, небо затянуто серыми тучами, и на нем уже видны клубы пушечного дыма от первых выстрелов орудий. Русские и турецкие корабли выстроились в линии, они пока невредимы и только начинают «пристреливаться» друг к другу. Айвазовскому удалось передать утреннее состояние природы и флотилий перед боем: пока все еще почти спокойно, но уже наполнено нарастающим напряжением от разгорающегося боя, чувствуется, что он будет тяжелым и долгим.

Айвазовский написал и вторую картину на сюжет этого сражения – «Синопский бой 18 ноября 1853 года (Ночь после боя)». Оба полотна объединены логически: если на первом запечатлено самое начало великого сражения, то на втором показаны его результаты: корабли российского флота стоят единой, нерушимой грядой, а от вражеской флотилии почти ничего не

осталось; останки кораблей догорают, и пламя отражается в черноте морских вод. Обломок мачты на переднем плане картины особенно ярко подчеркивает поражение вражеской армады.

Рисунок 3 - Синопский бой

Рисунок 4 - Синопский бой 18 ноября 1853 года (Ночь после боя)

Рисунок 5 - Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года

Произведение Айвазовского «Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года» (1846 г.) включено в цикл работ живописца о русско-турецких военных конфликтах. Оно повествует о взятии в октябре 1827 г. силами русской военной экспедиции турецкой крепости Наварин, располагавшейся возле греческого города Пилос.

В композиционном центре картины «Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года» представлено мощное российское флагманское судно «Азов». Оно сильно повреждено в сражении. Несмотря на это, его капитан предпринимает попытку взять на abordаж вражеский корабль. На переднем плане, справа от неприятельского судна, турецкие моряки на лодках пытаются спастись бегством.

Треть пространства полотна занимает небо в плотных облаках, смешанных с дымом от снарядов. На заднем плане справа видны взрывающиеся турецкие суда. Уже обугленные мачты, контрастно выделяющиеся в зареве пожара, выглядят особенно зловеще. Интересна задумка художника. Композиционно полотно словно делится на две части: слева, там, где плывут российские корабли, взрывов и огня нет, и сквозь облака словно даже пробиваются лучи солнца; справа, в стороне турецкой эскадры, – пожар, раскаленный воздух и беспросветное небо. Таким образом, исход этого боя зрителю становится абсолютно ясен. Умелое композиционное и колористическое решение подчеркивает силу и неустрашимость русской флотилии, ее безоговорочную победу.

Заключение

Айвазовским изображены все главные победы русского военно-морского флота. Следует отметить, что художник не стремится к хронологической последовательности в своей работе. Живописец часто пишет батальные сцены вслед за историческим событием, реже связывает их с памятной датой. В батальных полотнах Айвазовского всегда есть что-то эффектное, возвышенное, усиливающее эмоциональность образов. До сих пор нет полного каталога батальных произведений художника. Причина этого связана с рассеянием картин по всему миру. Несмотря на это, известная нам часть живописных полотен дает возможность судить о гениальности художника.

Библиография

1. Айвазовский. Известный и неизвестный. Самара: Агни, 2000. 183 с.
2. Алехин А.Д. Изобразительное искусство. Художник. Педагог. Школа. М.: Просвещение, 1984. 160 с.
3. Астафьев Б.В. Русская живопись: мысли и думы. М.: Республика, 2004. 391 с.
4. Барсамов Н.С. Айвазовский. М.: Искусство, 1962. 275 с.
5. Богемская К.Г. Пейзаж. Страницы истории. М.: Галактика, 1992. 336 с.
6. Иван Айвазовский. М.: Белый город, 2008. 63 с.
7. К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. 464 с.
8. Козина Т.Н. Духовная основа русской ментальности в литературно-художественном творчестве. Тамбов: Юком, 2018. 100 с.
9. Кузин В.С. Психология живописи. М., 2005. 304 с.
10. Репин И.Е. Далекое близкое. М.: Искусство, 1964. 512 с.
11. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: ЭКСМО, 2007. 729 с.
12. Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 490 с.

The Russian character of I.K. Aivazovsky's paintings

Viktor S. Vinokurov

Senior Lecturer at the Department of fine arts and cultural studies,
Penza State University,
440026, 37 Lermontova st., Penza, Russian Federation;
e-mail: pspu-izo2012@yandex.ru

Tat'yana N. Kozina

Doctor of Cultural Studies, Docent,
Head of the Department of fine arts and cultural studies,
Penza State University,
440026, 37 Lermontova st., Penza, Russian Federation;
e-mail: pspu-izo2012@yandex.ru

Abstract

The article aims to study the battle canvases by I.K. Aivazovsky. It points out that thanks to many innate features of talent, the artist manages to reach the height of skill and expressiveness of works that put him in the first ranks of marine artists in the world. Aivazovsky's art is imbued with

patriotic pathos. He feels the sea element in close connection with the life of the people. Since childhood, familiar with the Russian people, having repeatedly received help from them, the artist understands the feelings of his characters perfectly well. Personal acquaintance with the great Russian naval commanders, ordinary sailors gives Aivazovsky the factual material for creating battle canvases that glorify their military exploits in the struggle for the power of Russia. The artist's paintings depict many military victories of the Russian state at sea. The authors of the article make an attempt to carry out an analysis of the following paintings by I.K. Aivazovsky: The Battle of Chios on 24 June 1770 (1848); The Battle of Chesme, 25-26 June 1770 (1848); The Battle of Sinop (1853); The Battle of Sinop on 18 November 1853 (Night after Battle) (1853); The Battle of Navarino, 20 October 1827 (1846).

For citation

Vinokurov V.S., Kozina T.N. (2021) Russkii kharakter kartin I.K. Aivazovskogo [The Russian character of I.K. Aivazovsky's paintings]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 42-52. DOI: 10.34670/AR.2021.49.96.006

Keywords

Russian painting, marina, navy, heroism, battle genre.

References

1. Aivazovskii. *Izvestnyi i neizvestnyi* [Aivazovsky. Known and unknown] (2000). Samara: Agni Publ.
2. Alekhin A.D. (1984) *Izobrazitel'noe iskusstvo. Khudozhnik. Pedagog. Shkola* [Fine art. Artists. Teachers. Schools]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
3. Astaf'ev B.V. (2004) *Russkaya zhivopis': mysli i dumy* [Russian painting: thoughts]. Moscow: Respublika Publ.
4. Barsamov N.S. (1962) *Aivazovskii* [Aivazovsky]. Moscow: Iskusstvo Publ.
5. Bogemskaya K.G. (1992) *Peizazh. Stranitsy istorii* [Landscapes. The pages of history]. Moscow: Galaktika Publ.
6. Florenskii P.A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Pravda Publ.
7. *Ivan Aivazovskii* [Ivan Aivazovsky] (2008). Moscow: Belyi gorod Publ.
8. *K. Leont'ev, nash sovremennik* [K. Leontiev, our contemporary] (1993). St. Petersburg.
9. Kozina T.N. (2018) *Dukhovnaya osnova russkoi mental'nosti v literaturno-khudozhestvennom tvorchestve* [The spiritual basis of the Russian mentality in literary and artistic creativity]. Tambov: Yukom Publ.
10. Kuzin V.S. (2005) *Psikhologiya zhivopisi* [The psychology of painting]. Moscow.
11. Repin I.E. (1964) *Dalekoe blizkoe* [Far near]. Moscow: Iskusstvo Publ.
12. Tereshchenko A.V. (2007) *Istoriya kul'tury russkogo naroda* [A history of the culture of the Russians]. Moscow: EKSMO Publ.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.10.53.007

Исследовательская группа по сопоставлению и охране нематериального культурного наследия в России

Янь Цюцзюй

Кандидат педагогических наук,
Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли,
510000, Китай, Гуанчжоу, просп. Байюнь, 2;
e-mail: qiuju.yan@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема сохранения нематериального культурного наследия России и других стран мира, что является одной из основных задач специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в современных условиях глобализации. Автор анализирует развитие деятельности по охране и изучению нематериального культурного наследия различных стран мира на основании документации организации и анализа практических мер, предпринимаемых ЮНЕСКО. В настоящее время существует несколько организаций, входящих в «семью ООН», однако только ЮНЕСКО обладает наивысшей степенью важности выполняемых ею обязательств и возложенных на нее полномочий. Статья является актуальной, так как нематериальное наследие способно изменяться и приобретать новые характеристики вместе с культурным развитием сообществ. Такая гибкость делает его особенно уязвимым в то время, когда процесс глобализации распространяется на все области общественной жизни и становится все труднее контролировать данный процесс. В результате многие нематериальные формы культурного наследия могут оказаться под угрозой исчезновения. Поэтому чрезвычайно важно выявить, описать и систематизировать все формы нематериального наследия. ЮНЕСКО ставит перед собой задачу помочь странам-участницам в сохранении и популяризации их наследия, но сами государства также должны принимать активное участие в определении культурного наследия и этнических характеристик отдельных наций. Защита нематериального культурного наследия означает обеспечение его жизнеспособности среди нынешних поколений и выживание среди будущих поколений. Этому способствуют программы, разработанные и принятые ЮНЕСКО.

Для цитирования в научных исследованиях

Янь Ц. Исследовательская группа по сопоставлению и охране нематериального культурного наследия в России // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 53-60. DOI: 10.34670/AR.2021.10.53.007

Ключевые слова

ЮНЕСКО, защита нематериального культурного наследия, эволюция, документальные основы, практические мероприятия.

Введение

На сегодняшний день на мировой арене политических и других международных отношений активными участниками являются не только суверенные государства, но также различного рода организации, в которые объединяются страны. На современном этапе развития одной из наиболее масштабных и глобальных из них является ООН. Целями создания ООН являются эффективное регулирование мирового порядка, обеспечение результативного мирового сотрудничества и сохранение мировой безопасности.

Основная часть

«Семья ООН» сегодня включает в себя несколько организаций, деятельность которых сосредоточена на различных направлениях. Одной из них является специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). ЮНЕСКО обладает широким перечнем стратегических задач, обязательств и возложенных на нее полномочий. В частности, деятельность ЮНЕСКО ориентирована на разрешение проблем и вопросов в области культуры, образования, науки, обмена информацией, международных коммуникаций. Под юрисдикцию деятельности ЮНЕСКО также попадают вопросы регулирования проблемы изменения мирового климата, развития молодежного образования, сохранения самобытности и разнообразия мировых культур и т. д.

Таким образом, одним из ключевых секторов деятельности ЮНЕСКО является культурный сектор. Деятельность, реализуемая в рамках данного вектора, характеризуется диверсифицированными целями, задачами, направлениями. Сюда входят:

- содействие реализации международного культурного диалога;
- работа, направленная на обеспечение сохранения разнообразия мировых культур;
- организация мероприятий и программ, направленных на распространение и защиту объектов как материального, так и нематериального культурного наследия и т. д.

Важно отметить, что под материальным культурным наследием подразумеваются архитектурные комплексы, здания, сооружения, объекты и локации, которые обладают мировым значением.

В течение нескольких последних десятилетий понятие «культурное наследие» претерпело ряд кардинальных изменений. Этому поспособствовали программы и нормативные документы, разработанные и принятые в рамках реализуемой деятельности ЮНЕСКО. Таким образом, понятие культурного наследия теперь не ограничивается исключительно объектами материальной культуры. Оно подразумевает под собой также устные традиции, знания о природе и вселенной, церемонии и культурные праздники, обычаи, национальные ремесла и прочие формы нематериального наследия. Необходимо учитывать следующее: основной характеристикой культурного наследия является то, что оно было создано и передано предками, а на современном человечестве лежит задача его сохранения и передачи своим потомкам. Важность культурного наследия заключается в преемственности культурных знаний и сохранении, защите этнической культурной идентичности каждого народа и нации [What..., www].

Проблема актуальна как для Российской Федерации, так и для всех современных государств. На данный момент проблема изучается рядом исследователей. Все они единогласны во мнении, что защита и сохранение нематериального культурного наследия являются

стратегической задачей современного общества. Одним из механизмов для достижения поставленной цели является принятие международных документов с последующей ратификацией в различных странах [Галкова, 2010; Кирюшина, 2011; Bak, 2015; Lenzerini, 2011].

Нематериальное культурное наследие обладает такими характеристиками, как постоянное развитие и совершенствование. Данные процессы могут привести к исчезновению форм культурного наследия. В связи с этим особую важность обретают выявление, определение, систематизация, описание, последующая охрана и защита форм культурного наследия. Одной из задач ЮНЕСКО является оказание комплексной всесторонней поддержки и помощи странам-участницам в области сохранения и популяризации имеющегося на их территории или в истории их народа культурного наследия. С этой целью в 2003 г. была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия, что является важным событием направления защиты мирового нематериального культурного наследия. Разработке и принятию данного документа предшествовали годы кропотливой работы, чтобы разработать программу и принять Конвенцию в той форме, в которой она используется по сегодняшний день [What..., www].

Если говорить о программах ЮНЕСКО, направленных на защиту культурного наследия и развитие международного сотрудничества в данном направлении, то каждая из них обладает рядом отличительных индивидуальных характеристик и ориентирована на признание уникальности каждой культуры. Начиная с 1953 г. осуществляется выпуск специализированных печатных изданий, посвященных вопросам разнообразия и единства мировых культур. Целями публикации данных печатных материалов являются способствование познанию культур различных наций, понимание их особенностей и выстраивание продуктивных взаимоотношений. Это стало основой для принятия в 1966 г. Декларации принципов международного культурного сотрудничества, ставшей первым официальным документом, который содержал ряд идей, посвященных дальнейшему развитию диалога между культурами и распространению получаемых знаний среди всего населения мира.

В 1972 г. ЮНЕСКО был принят план исследования группы африканских языков, а также был проведен фестиваль искусств в Тихоокеанском регионе, было организовано исследование культуры народов Латинской Америки [1946-1981..., www]. Это ознаменовало ориентир ЮНЕСКО на работу во всех частях света и на всех континентах.

В 1982 г. в Мексике была организована и реализована серия конференций под названием «Mondiacult». В ходе работы конференций был выполнен анализ результатов проведения встреч, принятых правил, а также обсуждались вопросы дальнейшего совершенствования диалога между культурами. Важным событием стало принятие нового определения понятия культуры. После 1982 г. понятие культуры стало включать в себя ценности, образ жизни, верования и традиции. Было выдвинуто предложение о выделении нематериального культурного наследия в отдельную категорию. Это был первый раз, когда термин использовался официально.

В 1989 г. ЮНЕСКО был принят новый план на 10 лет, который был посвящен развитию ремесел в мире. Также в этом году были разработаны и опубликованы рекомендации по охране национального фольклора [1982-2000..., www].

В 1997 г. состоялся старт программы определения и распространения шедевров устного и нематериального наследия человечества. Главной задачей данной программы было информирование мирового сообщества о необходимости защиты этой формы наследия. В период с 2001 по 2005 г. 90 предметов были признаны шедеврами; в 2001 г. ЮНЕСКО принята

Всеобщая декларация о культурном разнообразии, в которой признавалось, что культура – это не только литература и искусство, но также верования, народные традиции, образ жизни, система ценностей. Следует также отметить, что на нынешнем этапе международного сотрудничества уважение к культурному разнообразию может в большей степени влиять на уровень безопасности в мире. В 2002 г. началась работа непосредственно над принятием основного нормативного документа в области защиты нематериального культурного наследия. Министры культуры разных стран приняли участие в круглом столе по нематериальному наследию и культурному разнообразию, на котором была признана исключительная ценность нематериального культурного наследия и принято решение о принятии международной конвенции. После нескольких встреч по предварительному проекту этой Конвенции 17 октября 2003 г. Конвенция об охране нематериального культурного наследия была окончательно принята большинством голосов.

Еще одним инструментом в области охраны нематериального наследия является Конвенция 2005 г. об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Конвенция 2005 г. посвящена развитию форм культурного самовыражения каждой страны и отдельных народов. Она обращает внимание на то, как творчество отдельных людей и народов в их богатом разнообразии способствует их экономическому развитию, а также развитию и сохранению культурного разнообразия в мире [2000..., www].

В последнее время, помимо документирования форм культурного самовыражения, подчеркивается необходимость сохранения культурных традиций в современном обществе. Следует обратить внимание на восприятие культуры как развивающейся системы. По данным ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие постоянно развивается. Именно оно может наиболее эффективно способствовать устойчивому развитию, поскольку его сохранение напрямую зависит от участия в нем людей [Alivizatos, 2008, 47].

Одна из главных проблем нашего времени – процесс глобализации и негативное влияние, которое он оказывает на культурные традиции, в том числе нематериальное наследие. Однако существует ряд других проблем, таких как технологический прогресс и модернизация во всем мире, процессы миграции и урбанизации, демографические и экономические кризисы, глобальные экологические проблемы и многие другие факторы, которые в совокупности угрожают существованию определенных типов нематериального культурного наследия. Вот почему сегодня основной задачей остаются выявление, сохранение и популяризация всех форм нематериального культурного наследия.

Методы защиты нематериального культурного наследия отличаются от тех, которые используются для защиты материального культурного наследия. Основное различие между нематериальным культурным наследием состоит в том, что оно живое, а все живые существа характеризуются постоянными изменениями, которые могут придать наследию новый, не всегда отрицательный вид. Поэтому главный приоритет в защите нематериального культурного наследия – попытаться сохранить его, а не «заморозить».

Существуют как общие для всех форм нематериального наследия методы сохранения и популяризации объектов, так и индивидуальные стратегии для каждой области нематериального культурного наследия. Согласно Конвенции 2003 г., к формам нематериального культурного наследия относятся:

- устные традиции и языки (например, свистящий язык острова Гомера в Испании);
- исполнительское искусство (например, аргентинское танго или полифонические песни

пигмеев ака в Центральной Африке);

- обычаи, церемонии и праздники (например, ежегодный карнавал «звонарей» в Хорватии);
- знания и обычаи, связанные с природой (например, традиционные знания шаманов племени ягуаров в Колумбии);
- навыки, связанные с традиционными ремеслами (например, техника изготовления шелковых тканей в Японии) [Рязанцева, 2009; Text..., www; The Lists..., www].

Отсюда следует, что каждая область нематериального культурного наследия требует особого подхода к изучению, сохранению и распространению для получения наилучших результатов.

Что касается охраны нематериального наследия на общем уровне, то здесь прежде всего необходимо обеспечить непосредственное участие сообществ, несущих информацию, являющуюся исконным искусством. Согласно Конвенции 2003 г., защита нематериального культурного наследия включает участие сообществ, дающее им свободу творчества. Они должны способствовать выявлению, классификации и сохранению всех форм нематериального наследия, к которому их страна относится или имеет отношение. Задача ЮНЕСКО будет заключаться в предоставлении помощи и содействия в форме организации консультативных и научных центров на местах для реализации программ защиты и исследований.

Согласно первым идеям экспертов ЮНЕСКО, охрана нематериального культурного наследия была разделена на несколько процессов:

- консервация (исследования, документация и архивирование);
- сохранение (образование, доступ к информации, моральная и материальная поддержка);
- распространение (организация различных мероприятий, услуги для образовательных и информационных учреждений);
- защита (гарантия прав интеллектуальной собственности перевозчика и информатора).

Сегодня во всем мире проходят обучение 79 специалистов ЮНЕСКО. Обновление штата сети координаторов – важный процесс, в ходе которого специалисты имеют возможность поделиться своим опытом. Данные экспертные встречи проводятся ЮНЕСКО несколько раз в год.

Общий процесс сохранения нематериального культурного наследия можно разделить на два типа: теоретический и практический. Первый обычно включает создание описаний, документации и архивную работу и происходит в два этапа – «идентификация» и «инвентаризация». «Идентификация» – это процесс выявления и описания различных форм «живого» наследия с их последующим включением в Репрезентативный список нематериального культурного наследия. Процедура «инвентаризации» нематериального наследия следующая. Каждое государство – участник Конвенции должно обеспечить, чтобы наследие, принадлежащее его территории, исследовалось с участием сообществ с целью систематизации и включения в Список, чтобы в дальнейшем начать реализацию определенных программ, разработанных для конкретного объекта нематериального культурного наследия.

Формы практического сохранения могут стать наиболее актуальными для защиты нематериального культурного наследия. Одна из этих форм – «передача» (передача знаний от поколения к поколению). Однако этот процесс ни в коем случае не означает восстановление наследия в первоизданном виде. Для того чтобы он оставался «живым», необходимо передать основные навыки или значение того или иного предмета [Кирюшина, 2011].

Заключение

Для каждого вида нематериального культурного наследия имеется индивидуальная защита. На практике ЮНЕСКО в сотрудничестве с национальными учреждениями культуры разрабатывает и реализует долгосрочные проекты, направленные на сохранение и популяризацию нематериального культурного наследия.

Глобализация, которая часто воспринимается как угроза культурному разнообразию, на практике имеет гораздо более разнообразные последствия. Хотя в некотором смысле она может привести к утрате культурного разнообразия, она также меняет некоторые его формы, в частности из-за развития цифровых технологий. Поэтому задача, стоящая перед ЮНЕСКО, состоит в том, чтобы уменьшить негативное влияние глобализации на культурное разнообразие, что в первую очередь требует лучшего понимания ее последствий. Создание Всемирной обсерватории культурного разнообразия могло бы сыграть важную роль в этом отношении.

Также очень важно признать, что национальная идентичность, в отличие от культурной идентичности, до некоторой степени все еще является историческим элементом. Никакая культура никогда не бывает замороженной или изолированной, а национальная идентичность всегда является продуктом процессов эволюции и взаимодействия. Перед лицом глобализации культуры не равны, поэтому необходимо приложить все возможные усилия для сохранения форм культурного самовыражения, которые борются за свое выживание. Таким образом, необходимо понимать сложность сохранения нематериального культурного наследия и тщательно продумывать разработку и реализацию проектов. Следует уделять особое внимание уникальности каждой формы проявления живого наследия и культурным особенностям каждой страны, а также принимать индивидуальные меры защиты, адаптированные к каждому месту.

В отличие от материального культурного наследия, нематериальная культура намного динамичнее. С одной стороны, это позволяет нематериальному культурному наследию постоянно обновляться и отражать культурную самобытность его создателей и владельцев. Нематериальное наследие способно изменять и формировать свои собственные характеристики вместе с культурным развитием сообществ. С другой стороны, такая гибкость делает его особенно уязвимым в то время, когда процесс глобализации распространяется на все области общественной жизни и становится все труднее его контролировать. Защита нематериального культурного наследия означает обеспечение его жизнеспособности среди нынешних поколений и выживание среди будущих поколений.

Библиография

1. Галкова О.В. Международные документы о сохранении и защите нематериального культурного наследия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4. С. 167-172.
2. Кирюшина Ю.В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1. С. 244-247.
3. Рязанцева Н.Б. Проблемы сохранения культурного наследия в деятельности ЮНЕСКО. СПб., 2009. 62 с.
4. 1946-1981: first steps. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00308>
5. 1982-2000: from Mondiacult to Our Creative Diversity. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/?pg=00309>
6. 2000 onwards and the drafting of the Convention. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00310>
7. Alivizatou M. Contextualising intangible cultural heritage in heritage studies and museology // International journal of intangible heritage. 2008. Vol. 3. P. 44-54.
8. Bak S. Similarities and differences among intangible cultural heritages: implications of UNESCO lists in anthropological perspective // Asian journal of humanities and social studies. 2015. Vol. 3. No. 1. P. 8-12.
9. Declaration of the Principles of International Cultural Cooperation. URL: <http://www.un-documents.net/dpicc.htm>
10. Lenzerini F. Intangible cultural heritage: the living culture of peoples // European journal of international law. 2011.

Vol. 22. No. 1. P. 101-120.

11. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=EN&pg=00022>
12. The Lists of intangible cultural heritage and the Register of good safeguarding practices. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00011>
13. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13179&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
14. What is intangible cultural heritage? URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00002>

The research group on the comparison and protection of intangible cultural heritage in Russia

Quju Yan

PhD in Pedagogy,
Guangdong University of Foreign Studies,
510000, 2 Baiyun N av., Guangzhou, China;
e-mail: qiuju.yan@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of preserving the intangible cultural heritage of Russia and other countries of the world, which is one of the main tasks of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) in the modern conditions of globalization. It analyzes the development of activities aimed at the protection and study of the intangible cultural heritage of various countries of the world on the basis of the organization's documentation and analysis of practical measures taken by UNESCO. Currently, there are several organizations within the "UN family", but only UNESCO has the highest degree of importance for the obligations it fulfills and the mandate entrusted to it. Intangible heritage is capable of changing and acquiring new characteristics along with the cultural development of communities. This flexibility makes it especially vulnerable at a time when the globalization process is spreading to all areas of public life and it becomes increasingly difficult to control this process. As a result, many intangible forms of cultural heritage could be threatened with extinction. Therefore, it is extremely important to identify, describe and systematize all forms of intangible heritage. UNESCO sets itself the task of helping the participating countries to preserve and popularize their heritage, but the states themselves should also take an active part in defining the cultural heritage and ethnic characteristics of nations. Protecting intangible cultural heritage means ensuring its viability among present generations and survival among future generations. This is facilitated by programs developed and adopted by UNESCO.

For citation

Yan Q. (2021) Issledovatel'skaya gruppa po sopostavleniyu i okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Rossii [The research group on the comparison and protection of intangible cultural heritage in Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 53-60. DOI: 10.34670/AR.2021.10.53.007

Keywords

UNESCO, protection of intangible cultural heritage, evolution, documentary basis, practical measures.

References

1. 1946-1981: *first steps*. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00308> [Accessed 19/03/21].
2. 1982-2000: *from Mondiacult to Our Creative Diversity*. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/?pg=00309> [Accessed 19/03/21].
3. 2000 onwards and the drafting of the Convention. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00310> [Accessed 19/03/21].
4. Alivizatou M. (2008) Contextualising intangible cultural heritage in heritage studies and museology. *International journal of intangible heritage*, 3, pp. 44-54.
5. Bak S. (2015) Similarities and differences among intangible cultural heritages: implications of UNESCO lists in anthropological perspective. *Asian journal of humanities and social studies*, 3 (1), pp. 8-12.
6. *Declaration of the Principles of International Cultural Cooperation*. Available at: <http://www.un-documents.net/dpicc.htm> [Accessed 19/03/21].
7. Galkova O.V. (2010) Mezhdunarodnye dokumenty o sokhranении i zashchite nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [International documents relating to the preservation and protection of intangible cultural heritage]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 4, pp. 167-172.
8. Kiryushina Yu.V. (2011) Nematerial'noe kul'turnoe nasledie – aktual'noe ponyatie sovremennosti [Intangible cultural heritage as a popular concept of modernity]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2-1, pp. 244-247.
9. Lenzerini F. (2011) Intangible cultural heritage: the living culture of peoples. *European journal of international law*, 22 (1), pp. 101-120.
10. Ryazantseva N.B. (2009) *Problemy sokhraneniya kul'turnogo naslediya v deyatel'nosti YuNESKO* [The problems of preserving cultural heritage in UNESCO's activities]. St. Petersburg.
11. *Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage*. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=EN&pg=00022> [Accessed 19/03/21].
12. *The Lists of intangible cultural heritage and the Register of good safeguarding practices*. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00011> [Accessed 19/03/21].
13. *UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity*. Available at: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13179&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html [Accessed 19/03/21].
14. *What is intangible cultural heritage?* Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00002> [Accessed 19/03/21].

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.97.14.008

Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем в социально-гуманитарном знании

Лебедева Мария Сергеевна

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: Masha93@list.ru

Аннотация

Работа посвящена раскрытию междисциплинарного подхода и понятийного аппарата, развитию в системе наук и его проблематике. На основе анализа ряда концепций культуры выявлены особенности культурологического подхода к исследованию мира сложных объектов и артефактов культуры. Раскрывается понятие «культура» в выбранном методологическом ключе. В статье рассматривается процесс становления культурологии в Российской Федерации, где междисциплинарность выступает одним из сущностных признаков этой науки о культуре. Также были выявлены различия между междисциплинарностью и трансдисциплинарностью, изучена специфика междисциплинарного исследования в науках о культуре, раскрыты преимущества и ограничения данного метода, описана специфика культурологического подхода. Указывается на необходимость институализации междисциплинарности для того, чтобы не отставать от мирового научного сообщества, дать дорогу молодым ученым, чьи работы намного шире своей монодисциплины.

Для цитирования в научных исследованиях

Лебедева М.С. Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем в социально-гуманитарном знании // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 61-73. DOI: 10.34670/AR.2021.97.14.008

Ключевые слова

Науки о культуре, культурология, междисциплинарность, трансдисциплинарность, системность, когнитивистика, синергетика, культурологический подход.

Введение

Культурологический подход применяется в различных областях науки, таких как социология, история, философия, политика, международные отношения. Это связано с необходимостью «новой методологической оптики», которая позволяет преодолеть дисциплинарные границы и выйти на понимание сложных проблем современности.

Дело в том, что дисциплинарность всегда считалась базой гуманитарного знания, однако с течением времени подход к рассмотрению вопроса исключительно с точки зрения одной дисциплины привел к признанию невозможности полноценного познания объекта изучения. К одной и той же проблематике начали применять разнообразные научные методы изучения, которые ранее применялись исключительно в рамках одной дисциплины. Учеными признается, что обращение к междисциплинарности в первую очередь связано с познавательной потребностью, когда «возникает какая-то большая практическая, прикладная проблема, решение которой предполагает участие многих людей, представителей разных дисциплин» [Аршинов и др., 2016, 20].

Междисциплинарность стала одним из основных инструментов в научном познании еще в XX в. и сохраняет актуальность и в нынешнем столетии прежде всего потому, что в настоящее время инструменты научного познания в отечественном социально-гуманитарном знании расширяются и старые методы пересматриваются, тем самым междисциплинарность выходит на передний план. Вместе с этим на сегодняшний день в геополитике неустойчивого, динамично меняющегося мира именно культура и искусство становятся инструментами влияния. Тенденция обращения к этим сложным феноменам в качестве «мягкой силы» видна во многих развивающихся странах.

Данное явление было изучено учеными в разных областях научного знания и раскрыто в естественнонаучных и социально-гуманитарных исследованиях О.Н. Астафьевой, В.Г. Буданова, В.И. Вернадского, П.С. Гуревича, М.С. Кагана, Л.А. Микешиной, Э.М. Мирского, А.П. Огурцова, Э.О. Орловой, К.Э. Разлогова, А.Я. Флиера и др.¹

Объектом изучения является методология междисциплинарности в современной научно-исследовательской системе, предметом – обоснование междисциплинарности как основы культурологических исследований.

¹ См., например: Астафьева О.Н. Динамика культуры в концептуальном каркасе культурологических идей конца XX – начала XXI веков // Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана «“Семиосфера” Ю.М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании»: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 57-66; Астафьева О.Н. Интегративность и междисциплинарность как основа познавательных стратегий культурологии // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций. М., 2010. С. 31-44; Астафьева О.Н. Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции. М.: Научно-политическая книга, 2012. С. 105-150; Астафьева О.Н. Методология гуманитарного знания: синергетический подход в трудах М.С. Кагана (к 95-летию со дня рождения) // Сборник статей научно-практической конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». М., 2017. Т. III. С. 388-400; Астафьева О.Н. Постнеклассические практики как предметная область междисциплинарного проекта // Постнеклассические практики: опыт концептуализации. СПб.: Мирь, 2012. С. 500-506; Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию культуры // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции. М.: Научно-политическая книга, 2012. С. 395-436; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012; Микешина Л.А. «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 14-23; Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980; Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.

Главная цель – выявить особенности обращения к методологии междисциплинарности как исследовательской стратегии для сложных объектов культурологического анализа. Такой подход необходим для объяснения динамики социокультурных процессов, сложных артефактов культуры и т. д.

Новизна исследования и практическая значимость заключаются в обосновании специализированного культурологического подхода к объяснению междисциплинарности и трансдисциплинарности.

Междисциплинарность в системе социально-гуманитарного знания

XX в. переосмыслил традиционные подходы к наукам и заложил новый вектор развития философско-гуманитарного знания. Начала складываться новая форма взаимодействия наук: диалогность усложнялась за счет раскрытия многоаспектности проблематики, изучения ее с разных социальных сторон. Вслед за естественно-научным знанием такая оптика проявилась и в социально-гуманитарных науках. В ряду первых можно назвать филолога У. Эко, который назвал новый метод познания «открытое отношение миру».

Дело в том, что в социально-гуманитарных науках, как и в естественных, часто происходят «обмен парадигмами и рождение новых парадигм на стыке областей знаний, что представляет собой продуктивные формы диалога и синтеза познавательных практик» [Микешина, 2008, 20]. Показательным примером данного феномена служат физика и химия.

До появления информационного общества существовали исторически сложившиеся границы между дисциплинами, у которых имелись свои предметы. Однако с развитием технологий четкая граница дисциплинарности начала размываться, устанавливается междисциплинарность, отличительной чертой которой является «сквозная» проблематика.

«Сквозная» проблематика – проблема, сохраняющая в различных областях знаний. Данный термин рассматривали М. Вебер, Г. Зимель, К. Поппер, Дж. Уоткинс. Наиболее наглядно можно рассмотреть на примере методологии индивидуализма и коллективизма, где решения вопроса находятся в абсолютно разных областях знаний, таких как экономика, социология, философия и др.

Современная наука основывается не только на изучении отдельных явлений, объектов, процессов, но и на изучении междисциплинарного пространства. В условиях глобализации современные гуманитарные науки интегрируются друг в друга.

В настоящее время междисциплинарный синтез широко используется в социально-гуманитарном знании. Первоначальное изучение проблематики исследования проходит в тех смежных областях наук, которые еще не поделены. Междисциплинарность обладает высоким потенциалом для изучения и использует такие методы, как вычленение общеполитического, общенаучного и специального научного уровня.

Рассмотрим сформировавшийся понятийный аппарат и методологические принципы и функции междисциплинарных стратегий.

Первое, на что необходимо обратить внимание, – это взаимосвязь между междисциплинарностью и системным подходом, т. е. объяснение междисциплинарности в рамках системного направления. Это требует уточнения, поскольку системность присутствовала в трудах многих философов. Аристотель и Платон рассматривали системность в рамках логики и геометрии. В XVII в. немецкий философ Готфрид Лейбниц попытался создать «всеобщую науку» в работе «Новая система природы». В XIX в. немецкий философ Гегель

обобщил полученный опыт философии с XV в., тем не менее сам принцип сформулирован не был.

Одним из первых ученых, который рассмотрел интегративный метод изучения, стал академик В.И. Вернадский. Его учение о биосфере – основа междисциплинарного анализа. Данный метод помог более эффективно проанализировать сложные социологические проблемы.

Истоки преставлений академика Вернадского прослеживаются в трудах М.В. Ломоносова, который известен своей разносторонней деятельностью и развитием многих областей познания. В.И. Вернадский изучал глобализм М.В. Ломоносова с 1900 г. и «акцентировал свое внимание в основном на изучении естественных процессов, но так или иначе он выходил и в сферу социально-гуманитарного знания. В естественных и других науках значительное внимание он уделял междисциплинарным исследованиям и это дает возможность какой-то, пусть весьма предварительной, оценки его идей и концепций, выходящих за пределы дисциплинарного видения науки» [Урсул, В.И. Вернадский..., 2018, 5].

Еще в начале своей карьеры Вернадский рассматривал общую картину мира, а не влияние отдельного организма, тем самым затрагивая идеи глобализма. «Под глобальным мировоззрением или глобализмом в широкой интерпретации понимается миропонимание, базирующееся на видении мира как единого целого, а человечества как взаимосвязанного мирового сообщества, в котором общепланетарные характеристики преобладают, формируется осознание сопричастности к общечеловеческим проблемам и глобальным процессам» [Урсул, Глобальный мир..., 2018, 103]. Было введено понятие живого существа как совокупности всех живых организмов. В.И. Вернадский рассматривал мир как единое целое, шарообразную форму Земли, географические открытия, тем самым заложив истоки глобализации.

У Вернадского существуют два типа глобальности: «Законы – охватывают всю реальность – как нашу планету и ее биосферу, так и космические просторы, – это науки, объекты которых отвечают основным, общим явлениям реальности. Другой тип связан с явлениями, которые свойственны и характерны для нашей Земли. В этом последнем случае можно теоретически допускать два случая научных объектов, научно изучаемых: общепланетные явления и индивидуальные, чисто земного явления» [Вернадский, 1991, 240].

Научные искания также привели его к вопросу о возникновении культуры и цивилизации, а биохимические исследования – к вопросу междисциплинарного подхода. Академик опередил во многом свое время, начав рассматривать проблемы глобализации задолго до появления самого термина.

Свою глобальную научную мысль он также применил и к ноосферогенезу. Первоначально появилась понятие «биосфера» – живое вещество планеты и созданный неживой мир. С появлением человека разумного биосфера преобразовалась в ноосферу, т. е. сферу разума. Ноосфера – это «биосфера, преобразованная человеческой мыслью и трудом, в котором определяющим фактором динамики становится научная мысль, берущая все процессы под свой контроль» [Астафьева, Грушевицкая, Садохин, 2015, 132]. Таким образом идеи глобализма и ноосферы слились в единую научную мысль.

От идей глобализма Вернадский перешел в более узкую направленности, а именно в исследования междисциплинарности, трансдисциплинарности и мультидисциплинарности. А.Н. Чумаков пишет, что «глобалистику можно определить как междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных

последствий» [Чумаков, 2012, 4]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что глобалистика также может рассматриваться как и с помощью мультидисциплинарного подхода, т. е. квинтэссенции всех знаний, так и с помощью междисциплинарного подхода, рассмотрения проблемы с позиций различных углов познания (природного, социального, культурного, исторического, космического) для выявления различных аспектов, процессов, законов и развития.

Междисциплинарный подход помог Вернадскому более тщательно изучить явления социума. Как писал Вернадский, именно с появлением ноосферы появилась и культура. Человек и культура являются частью биосферы. В геологическую силу человечество превращают междисциплинарная деятельность, технологический процесс, а также удовлетворение основных человеческих потребностей. Вернадский отдавал роли разума первое место, считая, что только с его помощью может происходить не только развитие человечества, но и эволюция биосферы.

Глобалистика применима и к культурологии. Культурология является глобальной сферой познания, которая взаимосвязана со всем окружающим миром и переплетена с различными смежными науками.

В.И. Вернадский оказал огромное влияние на науку, заложив истоки глобализма, тем самым дав толчок для сближения наук, развитию междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов.

С появлением широких междисциплинарных подходов возникли и глобальные дисциплины, актуализировалась необходимость систематизации. В наше время системность рассматривается как «универсальное положение о том, что все предметы и явления мира – это системы различных типов и видов целостности и сложности» [Микешина, 2005, 381].

Существуют два направления, в русле которых рассматривается системность: онтология и эпистемология. В первом случае системностью наделяется сам объект исследования, а задачами являются систематизация системы, связей, типологизация. Во втором же случае системность является принципом, который может сформировать системный объект исследования.

Как следствие, сформировался системный подход – «общенаучный междисциплинарный и частнонаучная системная методология, а также социальная практика, рассматривающая объекты как системы» [Там же, 382].

Данный метод помогает оценить все издержки дисциплинарного подхода, нецелостного рассмотрения проблематики, а также находить новые области для исследований.

Другая концепция – синергетика – «междисциплинарное направление научных исследований, которое изучает закономерности и принципы, лежащие в основе процессов самоорганизации в системах разной природы: физических, химических, биологических, технических, социальных и др.» [Можейко, www].

Синергетика внесла новые понятия в методологию естествознания и показала свою применимость в социальных системах и процессах, включая культуру. По мнению многих российских ученых, данный тип научного мышления можно охарактеризовать как любой процесс, который содержит уже временную информацию, многовариативность, а также как систему, зависящую от процессов разных уровней.

Появление и развитие новых технологий в 1970-е гг. в США привели к окончательному становлению когнитивной науки. Когнитивистика – совокупность наук о познании, в которую входят философия, психология, лингвистика, антропология, нейронаука, а также искусственный интеллект (Х. Гарднер). В данной научной сфере возникает понятие не только междисциплинарности, но и наддисциплинарности, которая имеет «зонтиковое» свойство для

многих наук. Методология помогает исследователям изучать формы знаний, моделировать понимание и распознавать когнитивные феномены. Следовательно, взаимодействие областей знаний является базой представленной науки.

Напомним, междисциплинарные исследования проводили многие ученые: А.А. Богданов, О. Конт, К. Маркс, П.А. Флоренский. В различных текстах можно встретить схожие понятия, такие как кроссдисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, мультидисциплинарность, трансдисциплинарность, однако четкая граница между этими определениями не была выявлена. В большинстве случаев можно встретить именно понятие междисциплинарности. Многие авторы полагают, что это связано с поиском форм взаимодействия между науками.

Так утвердилось новое понятие «трансдисциплинарность» – взаимодействие всех наук и их взаимодополнение. Данный подход помогает решать проблемы, которые в рамках дисциплины не могли быть решены, а также интегрирует различные методы исследования. В 1970 г. впервые был использован Жаном Пиаже – швейцарским философом и психологом, который являлся основателем теории когнитивного развития, а также Женевской школы генетической психологии. Для своей работы он использовал ученых из различных областей знаний. Также в 1987 г. был основан Международный центр трансдисциплинарности. Впоследствии была принята Хартия о трансдисциплинарности.

Одним из ученых, проводящих исследования в данной области, был румынский физик Базараб Николеску, который выявил три основных принципа. Во-первых, он пишет, что существуют несколько уровней реальности. Определенная наука изучает только определенный фрагмент, т. е. один уровень. Трансдисциплинарность анализирует все уровни реальности и создает общую картину мира. Во-вторых, трансдисциплинарность дополняет междисциплинарность. В-третьих, только трансдисциплинарность может проанализировать мировую реальность.

Трансдисциплинарность рассматривается в двух вариантах: в определенной науке существуют универсальные подходы, которые присутствуют в различных дисциплинах, а также изучение феноменов взаимодействия науки с другими науками.

Можно сделать следующий вывод о том, что трансдисциплинарность интегрирует в себе знания. Например, после проведенного анализа определенной сферы выявляется проблема, решение которой могут найти ученые из абсолютно другой сферы деятельности.

Реальность и знания есть основы трансдисциплинарности. Создается специальный научный метаязык, который широко используется на международной арене, например в документах специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

В современном мире междисциплинарность проявляется во многих явлениях и процессах, окружает нас уже повсюду. Любая социальная практика становится междисциплинарной. В XXI в. междисциплинарность и трансдисциплинарность выходят на первые места изучения. С появлением сложных систем наука начала синтезироваться с высокими технологиями, мировой экономикой, информационными ресурсами и др.

В.Г. Буданов выдвигает пять типов использования термина: согласование языков; согласование языков дисциплин с помощью трансдисциплинарности; эвристическая гипотеза-аналогия; проект, в котором взаимодействуют различные дисциплины; самоорганизующаяся коммуникация [Буданов, 2015].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что междисциплинарность – достаточно молодая

ветвь науки. По мнению В.И. Аршинова, уделяется пристальное внимание «в связи с необходимостью осмысления процессов инновационного развития в сфере так называемых конвергентных (или критических) технологий, понимания значения новых способов производства научного знания, отличных от тех, которые традиционно сформировались в рамках дисциплинарно ориентированной академической науки» [Аршинов и др., 2016, 6].

Из практики можно проследить, что междисциплинарность решает не одну, а несколько задач и при этом субъект всегда выводит их из одной монодисциплины на следующий уровень. Проблема междисциплинарности возникает тогда, когда необходимо опубликовать данные исследований и возникает вопрос, к какой все же науки их отнести. На практике выходит так, что чаще всего публикуют именно под номером мононауки, из которой автор пришел.

Слияние наук и сокращение институтов для расширения влияния междисциплинарности лишь ухудшают качество исследований в монодисциплинах и, как следствие, наносят урон и междисциплинарным исследованиям.

Культурологический подход в гуманитарных исследованиях

Культурология – интегративное научное направление социально-гуманитарного знания. Проблематика данной науки целиком зависит от раскрытия самого термина «культура».

Многогранность и эволюцию понятия «культура» наиболее явно можно наблюдать в историческом контексте, когда каждая эпоха характеризовалась своими отличительными особенностями, сформированными под воздействием наиболее значимых социальных факторов.

Культурологию как науку впервые пытались рассмотреть Томас Гоббс и Самуэль Пуффендорф в XVII в. Томас Гоббс рассматривал государство, науку и религию как составляющие части культуры, Самуэль Пуффендорф – как результат деятельности человека, а также как результат противостояния природе.

Иоган Готфрид Гердер в XVIII в. в своей книге «Идеи к философии истории человечества» рассматривал историю человечества через призму различных культур.

Классическая немецкая философия заложила основы идеалистической концепции культуры, в которой разум является главным достижением, но вместе с тем является и некой высшей силой. И. Кант и Г. Гегель рассматривали человека как единое существо, в котором соединяются и разум, и нравственность, и эстетика.

Немецкий романтизм вдохнул новое веяние в культуру (Ф. Шеллингер, Ф. Шиллер, братья Шлегели). Развитие эстетики стало первоочередной задачей. Именно творчество стало движущей силой искусства. Вместе с этим романтики поставили вопрос соотношения национальной и всемирной культуры, заложив этот тезис в изучении гуманитарно-исторических наук. Культуру изучали с ракурса истории, философии, религии различных народов.

Можно сделать вывод о том, что само понятие «культура» неоднозначно, многокомпонентно, многогранно, в различных концепциях и философских идеях оно рассматривается по-своему. Как следствие, саму науку культурологию невозможно рассматривать однобоко.

В конце XIX – начале XX в. проблемы культуры начали выходить на первый план, что способствовало появлению и формированию отдельных наук. Началось зарождение культурологических концепций, что постепенно привело к появлению культурологии – науке о

культуре. Также философия перестает быть «царицей наук» и выделяется в отдельное гуманитарное знание, появляется философия культуры.

Одновременно возникают многочисленные концепции культуры, такие как марксистская концепция, позитивистский подход к культуре, классический эволюционизм Э. Тайлора, концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского, морфологическая концепция истории О. Шпенглера, концепция локальных цивилизаций А. Тойнби, социологические концепции Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина, психоаналитические теории З. Фрейда и К. Юнга, функциональная теория Б. Малиновского, теологические и игровые концепции, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, символическая теория культуры Э. Кассирера.

Культурология как научная дисциплина в России была введена в 1990-е гг. В Российской Федерации данная сфера научного познания развивается по двум направлениям: как полидисциплинарность, а также как постнеклассический тип научного знания [Астафьева, Разлогов, 2010, www].

Культурология как наука до сих пор находится в процессе становления. Однако на протяжении долгого времени культурологию продолжали изучать в рамках социологического и антропологического знания. Это свидетельствует о том, что каждая наука дополняет культурологию и формирует ее как целостную науку, которую необходимо рассматривать с разных сторон, так как она является комплексной.

Культурологию нельзя не рассматривать без таких областей знаний, как философия, история, психология, теология, социальная антропология, лингвистика, ведь она включила в себя их часть и произошла на пересечении их проблематики.

Однако возникает вопрос о том, для чего тогда нужна культурология как отдельная наука и какое место она занимает. По мнению А.Я. Флиера, все социогуманитарные науки можно разделить на две группы: 1) группа специализированных видов человеческой деятельности, таких как политика, экономика, право; 2) сферы деятельности человека, которые не специализируются на предмете, т. е. такие науки, как история, социология, философия. Но культурология относится сразу к двум группам, она двойственная, и, как следствие, данное понятие может рассматриваться в узком и широком смысле [Флиер, 2002].

Наука интегрируется, взаимодействует, проникает в различные области знаний и представляет собой комплекс знаний. Каждый аспект знания дополняет культурологию, тем самым формируя целостную дисциплину. Как следствие, монодисциплинарный подход не уместен в связи с многогранностью, а также многомерностью объекта исследования. Однако остаются такие проблемы, как определение предмета исследования и классификация понятийного аппарата.

Если в философии культуры вопросы понимания культуры рассматривают с точки зрения понимания культуры как явления, то в культурологии анализируются конкретные явления, формы с учетом конъюнктурных факторов. Следствием является разный методологический инструментарий.

Культурологу необходимо объяснить, почему некое культурное явление имело место быть в определенную временную точку, какие потребности общества удовлетворил тот или иной феномен и какую ценность для развития он будет иметь.

«Формирующаяся именно как особое междисциплинарное направление, в рамках которого проблемы обуславливают обращение к определенной методологии и аналитическому аппарату, культурология “собирает” культурную реальность, “разбросанную” по проблемным областям

социально-гуманитарного знания, онтологизируя культуру как целостность (А.С. Запесоцкий, А.П. Марков)» [Астафьева, Разлогов, 2010, www].

Таким образом, культурология в широком смысле – это все те учения о культуре, ее истории, сущности, закономерностях функционирования и развития, которые можно встретить в трудах ученых, представляющих различные варианты осмысления феномена культуры. В узком же смысле культурология рассматривается как теория культуры и сразу же приобретает свой собственный объект исследования.

Одновременно с междисциплинарностью, по мнению многих ученых, культурология является также трансдисциплинарной наукой (Ж. Бодрийяр, В.Г. Буданов, Э. Гидденс, П.С. Гуревич, Л.А. Микешина, Э.А. Орлова, Ю. Хабермас).

Если представить исследования культурологии только в жестких рамках одной дисциплины, то будет невозможно найти решение проблем из-за неценности и односторонности исследований.

Исследование данной темы предусматривает исследования вычленение культурологической риторики в разных областях науки и вывод ее в отдельное пространство изучения.

Для изучения культуры на сегодняшний день используются основные инструменты: анализ различных сфер социума, изучение истории и теории культуры, социокультурное моделирование, научный анализ профессиональным сообществом.

«Остановимся подробнее на словосочетаниях “трансдисциплинарность культуры” и “культура трансдисциплинарности”, чтобы через уточнение содержания и смысла их отношений, которые складываются между феноменами культуры и трансдисциплинарности, приблизиться к границам их определений и проложить каналы взаимоперехода между ними. Правомочность употребления термина “культура” по отношению к трансдисциплинарности представляется уместной, если вспомним, что она сама является предметом изучения многих дисциплин: философии, культурологии, истории, искусствоведения, лингвистики (этнолингвистики), политологии, этнологии, психологии, экономики, педагогики и др. Тем самым она является по существу трансдисциплинарный феномен, демонстрируя единство множественных дисциплин» [Киященко, 2017, 60].

Можно сделать вывод о том, что культурология является уникальной наукой, которая использует инструментарию, такие как междисциплинарность и трансдисциплинарность, для выработки своего собственного научного направления.

На формирование мировоззрения оказывают влияние эмпирический и теоретический подходы. Мировоззрение – это синтез личных и мировых смыслов (мировоззренческих универсалий). «Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир» [Дианова, 2008, 121]. Их можно разделить на две группы:

- сформированные вследствие субъект-объектных отношений, которые обозначаются такими философскими категориями, как «пространство», «время», «случайность», «необходимость», «мера», «содержание»;
- сформированные как следствие межсубъектного взаимодействия, как результат взаимодействия человека с социумом, межличностных отношений, среди них: «человек», «общество», «культура», «добро», «зло», «красота», «долг», «справедливость», «свобода» и др., которые попадают в ракурс рассмотрения культурологов [Там же].

Важность культуры на мировой арене растет, она становится неотделимой частью устойчивого развития наравне с экономикой, экологией и социологией. Геокультура начинает доминировать, так как в настоящее время мировая экономика находится в жестких рамках, постоянная гонка вооружения заставляет сдерживаться в принятии решений. Культура из-за своей многомерности стала куда большим рычагом давления.

Так как каждый ученый вносит в само понятие «культура» свой смысл, то диалог часто не может сложиться, так как расстраиваются разные слои знаний. Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий и С.А. Посашков полагают, что необходимо произвести математическое моделирование знаковых культурных феноменов, которое поможет структурировать науку [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, 2017].

Согласно теории универсалий культуры В.С. Степина, «программы деятельности, поведения и общения, представленные разнообразием культурных феноменов, имеют сложную иерархическую организацию. В них можно выделить три уровня. Первый – это реликтовые программы, осколки прошлых культур, которые живут в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие... Второй уровень – это слой программ поведения, деятельности, общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества... И, наконец, третий уровень культурных феноменов образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее» [Степин, 2001, 524-526].

Сейчас именно второй уровень пытаются переиначить в своих интересах. Возвращаясь к научным работам С. Хантингтона, отметим, что он полагал, что единственным конфликтом на земле останется конфликт между цивилизациями, а цивилизации – это различные типы культур. Также идет конкуренция за информацию. Выбор информации является частью культуры.

Культура также не стоит на месте и постоянно развивается. «Мы стоим на пороге формирования новой, компьютерной культуры и идентичности, ориентированной сейчас на разрыв с прошлым, с традицией» [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, 2017, 265]. С развитием компьютерных технологий, формируется новая виртуальная реальность. Эпидемиологическая ситуация в мире лишь подтолкнула этот процесс. Появляются виртуальные музеи, концерты, можно соприкоснуться с любым пластом культуры, не выходя из дома. Культура начинает быть смежной наукой уже и с новыми технология, IT-сферой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурология изучает особенности мировоззренческих универсалий. Глобальное и узконаправленное понимание культурологии не только не взаимоисключают, но и взаимодополняют друг друга, а также создают новый универсальный мировой язык.

Заключение

Междисциплинарность актуальна в современной науке. Границы между науками размываются и возникает сквозная проблематика. Хотя данный подход начал складываться относительно недавно, междисциплинарность имеет глубокие корни, которые можно найти и в античной философии. Также ее истоками можно назвать научные труды В.И. Вернадского и его учения о глобализме.

С помощью системного подхода можно выявить недостатки изучения проблематики в рамках определенной науки, синергетика помогает выявить закономерности и принципы в смежных науках.

С развитием междисциплинарности возникло огромное количество смежных терминов, в

которых граница размыта. В ходе работы удалось выявить различия между междисциплинарностью и трансдисциплинарностью; трансдисциплинарность создается свой язык для междисциплинарности.

Науки интегрируются друг в друга, появляется баланс между ними, оптимизируется результат познания. Сейчас перед лицом науки актуализируется ряд проблем, связанных с распространением междисциплинарного подхода. Во-первых, это язык междисциплинарности. Во-вторых, из-за того, что у междисциплинарности отсутствует свой предмет, а есть только проблематика, защита работ, их публикация довольно затруднительны, так как все равно необходимо оставаться в рамках определенной мононауки.

Также необходимо институализировать междисциплинарность для того, чтобы не отставать от мирового научного сообщества, дать дорогу молодым ученым, чьи работы намного шире своей монодисциплины. Однако не стоит сразу синтезировать науки, ведь именно развитие дисциплины и дает новые знания для вывода ее на уровень междисциплинарной коммуникации.

На своем пути становления культурология изучалась в рамках различных областей научного знания, включая смежные отрасли, такие как философия, история, психология, антропология. Из этого можно сделать вывод о том, что культурология и есть междисциплинарная наука. Для изучения ее в определенном узконаправленном русле необходимо уйти в другую отрасль. Например, для детального изучения истории культуры необходимо уйти в отрасль истории, однако часть монодисциплины является составной частью междисциплинарной науки.

Культурологии присущи черты глобализма, с которого начинал В.И. Вернадский. Культура является инструментом такого понятия, как «мягкая сила» (механизм политической власти, с помощью которого формируется позитивный образ страны на международной арене). При этом культура создает свой международный универсальный язык.

Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем заключаются в следующем: раскрытие проблематики будет зависеть от того, как будет рассматриваться сам термин «культура», который многогранен и включает в себя различные области познания.

Библиография

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Горохов В.Г., Киселева М.С., Киященко Л.П., Кузнецов В.Ю., Лапин Н.И., Лекторский В.А., Мамчур Е.А., Никольский С.А., Пирожкова С.В., Розин В.М., Степин В.С., Юдин Б.Г., Ярославцева Е.И., Бургете Аяла М.Р. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 5-35.
2. Астафьева О.Н., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Культурология: теория культуры. М., 2015. 488 с.
3. Астафьева О.Н., Разлогов К.Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura/viewer>
4. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Культура. Самоорганизация. Моделирование // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 3. С. 260-267.
5. Буданов В.Г. Архетипы междисциплинарности и трансдисциплинарности в современной науке // Материалы 2-й летней школы по интегральной философии и философии неовсединства «Образы постнеклассической интегральной философии». М., 2015. С. 83-98.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
7. Дианова В.М. Миссия культурологии в формировании универсального мировоззрения. Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания // Материалы Второго собрания Российского культурологического общества и научно-практического семинара «Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания». СПб., 2008. С. 119-123.
8. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб., 2005. 474 с.
9. Киященко Л.П. Личность как голограмма в трансдисциплинарной культуре // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 58-67.

10. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. М., 2005. 464 с.
11. Микешина Л.А. Философия познания. Проблема эпистемологии гуманитарного знания. М., 2008. 560 с.
12. Можейко М.А. Синергетика. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6876>
13. Степин В.С. Культура // Всемирная энциклопедия: философия. М., 2001.
14. Урсул А.Д. В.И. Вернадский и глобальные исследования (к 155-летию со дня рождения ученого) // Век глобализации. 2018. № 3. С. 3-14.
15. Урсул А.Д. Глобальный мир В.И. Вернадского // Стратегические приоритеты. 2018. № 3. С. 102-112.
16. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический Проект, 2002. 496 с.
17. Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3-16.

The features of the culturological approach to studying interdisciplinary problems in social and humanities knowledge

Mar'ya S. Lebedeva

Postgraduate,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Masha93@list.ru

Abstract

The article is devoted to the disclosure of the interdisciplinary approach and its conceptual apparatus, its development in the system of sciences and its problems. Taking into account the results of the analysis of a number of cultural concepts, the author of the article makes an attempt to reveal the features of the culturological approach to the study of the world of complex objects and cultural artifacts. The concept "culture" is considered from the chosen methodological perspective. The article aims to examine the process of the formation of cultural studies in the Russian Federation, where interdisciplinarity is viewed as one of the essential features of this science of culture. It also reveals differences between interdisciplinarity and transdisciplinarity, studies the specifics of interdisciplinary research in the sciences of culture, describes the advantages and limitations of this method, and identifies the specifics of the culturological approach. Having carried out an analysis of the features of the culturological approach to studying interdisciplinary problems in social and humanities knowledge, the author points out the need to institutionalize interdisciplinarity in order to keep up with the world scientific community, as well as to give way to young scientists whose work is much broader than their monodiscipline.

For citation

Lebedeva M.S. (2021) Osobennosti kul'turologicheskogo podkhoda k issledovaniyu mezhdistsiplinarnykh problem v sotsial'no-gumanitarnom znanii [The features of the culturological approach to studying interdisciplinary problems in social and humanities knowledge]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 61-73. DOI: 10.34670/AR.2021.97.14.008

Keywords

Sciences of culture, cultural studies, interdisciplinarity, transdisciplinarity, systematicity, cognitive science, synergetics, culturological approach.

References

1. Akhromeeva T.S., Malinetskii G.G., Posashkov S.A. (2017) Kul'tura. Samoorganizatsiya. Modelirovanie [Culture. Self-organization. Modeling]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of culture], 14 (3), pp. 260-267.
2. Arshinov V.I., Budanov V.G., Gorokhov V.G., Kiseleva M.S., Kiyashchenko L.P., Kuznetsov V.Yu., Lapin N.I., Lektorskii V.A., Mamchur E.A., Nikol'skii S.A., Pirozhkova S.V., Rozin V.M., Stepin V.S., Yudin B.G., Yaroslavtseva E.I., Burgete Ayala M.R. (2016) Problema mezhdistsiplinarnosti v kontekste reform rossiiskoi nauki. Materialy "kruglogo stola" [The problem of interdisciplinarity in the context of Russian science reforms. The proceedings of the "round table"]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 21 (1), pp. 5-35.
3. Astaf'eva O.N., Grushevitskaya T.G., Sadokhin A.P. (2015) *Kul'turologiya: teoriya kul'tury* [Cultural studies: the theory of culture]. Moscow.
4. Astaf'eva O.N., Razlogov K.E. (2010) Kul'turologiya: predmet i struktura [Cultural studies: the subject and structure]. *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of cultural research], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura/viewer> [Accessed 19/02/21].
5. Budanov V.G. (2015) Arkhetipy mezhdistsiplinarnosti i transdistsiplinarnosti v sovremennoi nauke [The archetypes of interdisciplinarity and transdisciplinarity in modern science]. *Materialy 2-i letnei shkoly po integral'noi filosofii i filosofii neovseedinstva "Obrazy postneklassicheskoi integral'noi filosofii"* [Proc. 2nd School "The images of postnonclassical integral philosophy"]. Moscow, pp. 83-98.
6. Chumakov A.N. (2012) Globalistika v sisteme sovremennogo nauchnogo znaniya [Globalistics in the system of modern scientific knowledge]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 7, pp. 3-16.
7. Dianova V.M. (2008) Missiya kul'turologii v formirovanii universal'nogo mirovozzreniya. Innovatsionnyi potentsial kul'turologii i ee funktsii v sisteme gumanitarnogo znaniya [The mission of cultural studies in the formation of a universal worldview. The innovative potential of cultural studies and its functions in the system of humanities knowledge]. *Materialy Vtorogo sobraniya Rossiiskogo kul'turologicheskogo obshchestva i nauchno-prakticheskogo seminara "Innovatsionnyi potentsial kul'turologii i ee funktsii v sisteme gumanitarnogo znaniya"* [Proceedings of the 2nd Meeting of the Russian Culturological Society and the scientific and practical seminar "The innovative potential of cultural studies and its functions in the system of humanities knowledge"]. St. Petersburg, pp. 119-123.
8. Flier A.Ya. (2002) *Kul'turologiya dlya kul'turologov* [Cultural studies for cultural scientists]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.
9. Ikonnikova S.N. (2005) *Istoriya kul'turologicheskikh teorii* [A history of culturological theories]. St. Petersburg.
10. Kiyashchenko L.P. (2017) Lichnost' kak gologramma v transdistsiplinarnoi kul'ture [Personality as a hologram in a transdisciplinary culture]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 11, pp. 58-67.
11. Mikeskina L.A. (2005) *Filosofiya nauki: sovremennaya epistemologiya* [The philosophy of science: contemporary epistemology]. Moscow.
12. Mikeskina L.A. (2008) *Filosofiya poznaniya. Problema epistemologii gumanitarnogo znaniya* [The philosophy of cognition. The problem of the epistemology of humanities knowledge]. Moscow.
13. Mozheiko M.A. *Sinergetika* [Synergetics]. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6876> [Accessed 19/02/21].
14. Stepin V.S. (2001) Kul'tura [Culture]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: filosofiya* [World encyclopedia: philosophy]. Moscow.
15. Ursul A.D. (2018) Global'nyi mir V.I. Vernadskogo [The global world of V.I. Vernadsky]. *Strategicheskie priority* [Strategic priorities], 3, pp. 102-112.
16. Ursul A.D. (2018) V.I. Vernadskii i global'nye issledovaniya (k 155-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [V.I. Vernadsky and global studies (on the 155th anniversary of the scientist's birth)]. *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 3, pp. 3-14.
17. Vernadskii V.I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 316.73

DOI: 10.34670/AR.2021.60.95.009

Охрана культурного и природного наследия в Республике Крым: современное состояние и перспективы

Новосельская Вера Вадимовна

Кандидат педагогических наук,
Министр культуры Республики Крым,
Министерство культуры Республики Крым,
295005, Российская Федерация, Симферополь, просп. Кирова, 13;
e-mail: arinanovoselskaya@gmail.com

Аннотация

Выявление, изучение, сбережение и охрана объектов культурного и природного наследия – это жизненно необходимая деятельность общества, затрагивающая важнейшие аспекты его функционирования и развития. При этом очень важно исходить из того, что культурные и природные объекты в социуме существуют в органическом единстве и взаимозависимости, а проблемы и возможности их охраны и соответствующего использования наиболее явно определяются и решаются на региональном уровне. Анализ положений действующего законодательства Российской Федерации позволяет отметить межведомственный характер государственного и муниципального управления в системе охраны объектов культурного и природного наследия, в том числе в Республике Крым. Охрана объектов культурного и природного наследия осуществляется различными ведомствами и в разных режимах, и в отечественном законодательном поле объекты культурного и природного наследия также разделены. Поэтому существует потребность в совершенствовании правового регулирования отношений в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного и природного наследия, прежде всего на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Проведенный анализ сложившейся системы охраны культурного и природного наследия в Республике Крым позволил сформулировать соответствующие рекомендации, к которым относится решение следующих вопросов: разграничение государственной собственности на памятники природы, истории и культуры; межведомственное подчинение; различное охранное законодательство и режим охраны; необходимость создания межведомственной комиссии и разработки общей стратегии сохранения и эффективного использования объектов культурного и природного наследия Республики Крым.

Для цитирования в научных исследованиях

Новосельская В.В. Охрана культурного и природного наследия в Республике Крым: современное состояние и перспективы // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 74-87. DOI: 10.34670/AR.2021.60.95.009

Ключевые слова

Культурное наследие, природное наследие, охрана, Республика Крым, законодательство Российской Федерации.

Введение

В международной практике культурное и природное наследие рассматривается как система природных и созданных человеком объектов (памятников), приоритетными задачами по отношению к которым, по определению ЮНЕСКО, являются их изучение, сохранение и охрана в силу их уникальности, незаменимости и особой ценности (см. Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия).

Такая трактовка определяет первостепенную задачу по отношению к объектам культурного и природного наследия – обеспечение их сохранности и, соответственно, организацию охраны. Поэтому формирование и обеспечение эффективного функционирования системы охраны культурного и природного наследия являются необходимостью как для государства в целом, так и для системы территориального управления любого уровня иерархии.

Выявление, изучение и сбережение объектов культурного и природного наследия – это жизненно необходимая деятельность общества, затрагивающая важнейшие аспекты его функционирования и развития: нравственные и духовные (памятники отражают и формируют восприятие людьми окружающего их мира), культурные (памятники запечатлевают практику и отношение общества и каждого человека к этому миру), экономические (сохранение памятников обязывает к выделению средств на проведение работ по выявлению и осуществлению соответствующих мероприятий, и в то же время культурные и природные достопримечательности могут использоваться как ресурс социально-экономического развития), организационно-управленческие (охрана памятников предполагает создание системы нормативно-правовых актов и соответствующей деятельности как институтов власти, так и общества в целом), научные (охрана памятников требует изучения и научного обоснования дальнейших действий) и т. д.

Именно поэтому в нормативно-законодательных актах, касающихся вопросов природопользования в сферах практически каждой отрасли, отдельным разделом выделяется охрана окружающей природной среды и объектов культурного наследия.

Ученые отмечают, что в современном мире сохранение природного и культурного наследия следует рассматривать в глобальном межсекторальном контексте, что должно представлять собой не просто отдельную задачу, но и способ достижения целого ряда других целей (в сфере туризма, науки, образования) в области устойчивого территориального развития [Баранов, 2017].

При этом очень важно понимать, что культурные и природные объекты в социуме существуют в органическом единстве и взаимозависимости. В частности, «аксиология природных ценностей есть производное определенной культуры», «объекты природного наследия выполняют важнейшие культурные функции» [Кулешова, 2017, 33].

Если культуру понимать в широком смысле слова как образ жизни, созидательную человеческую деятельность и т. п. [Астафьева, Синецкий, 2017], то фактически разделить памятники культуры и природы невозможно: все они охвачены тем или иным видом человеческой практики, а потому «изучение и решение всех современных проблем человеческой жизни и мира в целом должно осуществляться в разрезе “природа – человек – культура”, где особое внимание следует уделять процессам изменения и сохранения человеком окружающей среды как единства культурного и природного компонентов» [Новосельская, 2017, 48].

Многогранность проблем, возникающих в сфере изучения и сохранения культурного и

природного наследия, чрезвычайно обширна, что неоднократно отмечалось в концептуальных документах и в трудах отечественных ученых А.С. Баранова, А.А. Буторина, Ю.А. Веденина, Т.Е. Исаченко, Ю.П. Князевой, А.С. Красовской, М.Е. Кулешовой, Н.В. Максаковского, Ф.Н. Милькова, В.А. Низовцева, В.А. Николаева, Р.Ф. Туровской, Р.Ю. Федорова и др.

Тем не менее вследствие многообразия объектов всемирного наследия, уникальности каждого из них, различных условий их нахождения и возможности использования, а также различной ведомственной принадлежности особо охраняемых территорий различные аспекты формирования системы управления охраной культурного и природного наследия на региональном уровне изучены недостаточно [Максаковский, Крогиус, Буторин, 2010].

А ведь именно на региональном уровне непосредственно и явно обнаруживаются те проблемы, которые возникают в связи с изучением, использованием, популяризацией и охраной памятников культуры и природы, а также соответствующие возможности, ресурсы и субъекты [Астафьева, Горенкин, Швецова, 2019]. Поэтому государственное управление в сфере охраны объектов природного и культурного наследия в субъектах Российской Федерации обусловлено прежде всего социально-экономической спецификой соответствующего региона, количеством и качеством объектов культурного и природного наследия [Новосельская, 2019].

Это определило цель данного исследования – рассмотрение актуальных проблем, требующих научного изучения и принятия соответствующих управленческих решений, так как современный этап развития Крыма требует максимального вовлечения потенциала культурного и природного наследия в процессы социального развития.

Основная часть

Исходя из современной практики, основные меры по охране объектов культурного и природного наследия можно сгруппировать по следующим направлениям:

- выявление и учет объектов культурного и природного наследия, а в случаях, предусмотренных законодательством, и установление границ их территорий;
- сохранение объектов природного и культурного наследия – комплекс мер, направленных на обеспечение физической сохранности и сбережение историко-культурной ценности соответствующих объектов;
- установление зон охраны объектов культурного и природного наследия, а также ограничения землепользования, градостроительства и иных видов хозяйственной деятельности в целях обеспечения сохранности объекта в его исторической среде;
- установление и соблюдение специальных требований в сфере оборота объектов культурного и природного наследия, особого порядка приватизации объектов культурного наследия с целью обеспечения их сохранности;
- государственное и иное финансирование деятельности по охране объектов культурного и природного наследия (см. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ).

Эти направления деятельности осуществляются на региональном уровне органами государственной власти и местного самоуправления в пределах полномочий и компетенций, определенных законодательством.

Анализ положений действующего законодательства Российской Федерации позволяет отметить межведомственный характер государственного и муниципального управления в системе охраны объектов природного и культурного наследия, что наблюдается при их конкретном рассмотрении, в том числе в Республике Крым.

В области государственной охраны объектов культурного наследия и государственного надзора в данной сфере главным является специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти – Министерство культуры Республики Крым. Управление особо охраняемыми природными территориями (далее – ООПТ) осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии Республики Крым. Управление объектами природного и культурного наследия, которые расположены на рассматриваемой территории, но находятся в федеральной собственности, осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) осуществляет кадастровый учет недвижимости, регистрацию прав на объекты недвижимого имущества, являющиеся объектами культурного наследия, регистрацию соответствующих ограничений, обременений, а также государственный надзор в сфере использования земель (рис. 1).

Рисунок 1 - Структура государственной охраны объектов культурного наследия и государственного надзора

Как видим, охрана объектов культурного и природного наследия осуществляется различными ведомствами, и в отечественном законодательном поле объекты культурного и природного наследия также разделены. В частности, охрану объектов культурного наследия действующее законодательство определяет как «систему правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных решений, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в пределах их компетенции мер и направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия,

предотвращение их разрушения или причинения им вреда» (см. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ).

В силу этого едва ли не самой главной задачей государственной культурной политики является совершенствование системы государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации, направленное на сохранение культурного наследия, т. е. «обеспечение физической сохранности объектов материального культурного наследия, собирание, документирование и изучение объектов нематериального культурного наследия, вовлечение в культурный и научный оборот объектов культурного наследия» (см. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808).

Предметная область охраны объектов культурного наследия чрезвычайно многообразна. Согласно федеральному законодательству, объекты культурного наследия сгруппированы в следующие виды:

- *памятники*, которые представлены отдельными постройками, зданиями и сооружениями с исторически сложившимися территориями; мемориальными квартирами; мавзолеями; отдельными захоронениями; произведениями монументального искусства; объектами науки и техники, включая военные; объектами археологического наследия;
- *ансамбли*, представляющие четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения; памятники и сооружения религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; *произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары)*; некрополи; объекты археологического наследия;
- *достопримечательные места* – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, *культурные и природные ландшафты*, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места. В границах территории достопримечательного места могут находиться памятники и (или) ансамбли (см. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ).

Многоплановая предметная область культурного наследия требует привлечения ученых и специалистов многих направлений к научным исследованиям указанных объектов, к проведению экспертиз, определению их возможного использования, но с обязательным условием не разрушать при этом сам объект и сохранять его охранный статус.

Подобная ситуация сложилась и с объектами природного наследия, охрана которых так же гарантируется отечественным законодательством. Согласно природоохранному законодательству, ООПТ – это «участки земной и водной поверхности, а также воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, и которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или

частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны» (см. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ).

Особенности режима ООПТ определяет отнесение их к следующим категориям:

- государственные природные заповедники, в том числе биосферные;
- национальные парки;
- природные парки;
- государственные природные заказники;
- памятники природы;
- дендрологические парки и ботанические сады [Доклад..., www].

Обратим внимание на то, что объекты культурного наследия, представленные в группе *ансамбли*, а именно произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), а также в группе *достопримечательные места*, такие как культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей, с историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей, в смысловом значении аналогичны ООПТ, охрана которых определяется природоохранным законодательством. В российском законодательном поле такие территории выступают как возможные объекты культурного наследия, ООПТ и земли со статусом особо ценных категорий [Лавров, 2016].

В научных исследованиях такие объекты рассматриваются как культурные и (или) смешанные, культурно-природные ландшафты, хотя определения указанных объектов природного и культурного наследия однозначны, а отнесение их к различным системам управления объясняется только отраслевыми принципами [Новосельская, 2016].

Действительно, невозможно определить историческую ценность Ливадийского, Массандровского или Воронцовского дворцовых комплексов без окружающих их природных ландшафтов и парков, имеющих статус парков – памятников садово-паркового искусства и относящихся к ООПТ [Новосельская, 2017].

Ресурсная база объектов культурного и природного наследия Крыма чрезвычайно разнообразна. На относительно небольшой территории расположено более 10 тысяч объектов природного наследия, памятников истории и культуры [Доклад..., www].

После вхождения Крыма в 2014 г. в состав России юридический статус объектов культурного и природного наследия потребовал законодательного подтверждения на федеральном уровне. Федеральным законом был установлен упрощенный порядок отнесения памятников Крыма и Севастополя к объектам культурного наследия в соответствии с российской системой охраны памятников (см. Федеральный закон от 12 февраля 2015 г. № 9-ФЗ).

По информации Департамента охраны культурного наследия Республики Крым, на территории Республики Крым расположены:

- 218 объектов культурного наследия федерального значения;
- 1809 объектов культурного наследия регионального значения;
- 2567 выявленных объектов культурного наследия, в том числе археологических – 2290 [Список..., www].

Работа по выявлению культурных памятников и постановки их на учет продолжается. В последние годы выявлено около более 90 объектов археологии, которые находятся в зоне строительства подъездных путей к Крымскому мосту и федеральной трассы «Таврида» [Внуков,

Шаров, 2019].

Потенциал объектов природного наследия, расположенных на территории Республики Крым, в настоящее время составляют объекты федерального (площадь 8 129 697,6483 га), регионального (площадь 19 095 434,973 га) и местного (площадь 10,0713 га) значения [Доклад..., www].

Объектами федерального значения являются государственные природные заповедники, государственные природные заказники и национальные парки. К объектам регионального значения относятся природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки, ботанические сады, заповедные урочища, ландшафтно-рекреационные парки, парки – памятники садово-паркового искусства, зоологические парки. Объекты местного значения представлены природными территориями, подлежащими особой охране (Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ).

Управление ООПТ регионального значения передано Государственному автономному учреждению Республики Крым «Управление особо охраняемыми природными территориями Республики Крым». В его управлении находятся 106 территорий и объектов общей площадью 44 657,5026 га, в том числе природные парки, заказники, памятники природы, дендропарки, парки – памятники садово-паркового искусства, ландшафтно-рекреационный парк, заповедное урочище, зоопарк. Объекты управления расположены по всему Крыму, а также в акватории Черного и Азовского морей.

Кроме переданных Управлению функций осуществления государственного экологического надзора в области охраны окружающей среды на ООПТ регионального значения, значительное внимание уделяется развитию рекреационной инфраструктуры на ООПТ, главной целью создания которых, наряду с выполнением природоохранных функций, является развитие рекреационной деятельности. К таким объектам относятся природные, ландшафтно-рекреационные парки, парки – памятники садово-паркового искусства [Доклад..., www].

Кроме того, на территории лесного фонда Республики Крым создано 59 ООПТ, в том числе 22 природных заказника, 27 памятников природы, 4 ландшафтно-рекреационных парка, 5 заповедных урочищ, а также парк – памятник садово-паркового искусства, общая площадь которых составляет около 35 000 га. Создание ООПТ в пределах горно-лесной зоны, особенно популярной у туристов, определяется необходимостью сохранения уникальных ландшафтов, растительного и животного мира, а также снижения негативного воздействия походов и пребывания на данных территориях неорганизованных посетителей. Управление такими объектами регионального значения, расположенными на территории лесного фонда, выполнение всех работ и осуществление мероприятий по их организации, охране и функционированию выполняют 7 подведомственных Министерству природы Крыма лесохозяйственных хозяйств [Там же].

Прохождение по разрешенным экскурсионным экологическим маршрутам в пределах ООПТ обеспечивается обустройством лестниц, перил и ограждений на пешеходных тропах, проведением маркировки экскурсионных экологических маршрутов, установлением и обновлением граничных охранных знаков, информационных щитов аншлагов, а также обустройством мест стоянок. Природоохранная ценность ООПТ обусловлена высоким биологическим и ландшафтным разнообразием, наличием «краснокнижных» видов растений и животных, а также насыщенностью этих территорий объектами культурного наследия.

В настоящее время наиболее распространенной формой использования объектов природного и культурного наследия является экскурсионный показ. С целью получения

туристскими и экскурсионными фирмами достоверной информации министерствами обеспечивается доступ к данным об объектах культурного и природного наследия региона, обновляются соответствующие сайты в Интернете, издается масса краеведческой литературы, проводятся научно-практические конференции, различные фестивали и праздники, которые отражаются в ежегодном событийном календаре Республики Крым, и т. д.

При этом проблема сбережения и охраны памятников культуры и природы становится все более актуальной, ведь их эксплуатация и вовлечение в туристско-экскурсионную деятельность могут приводить к их износу и даже к разрушению.

Поэтому изучение и решение проблем формирования и функционирования охранных мероприятий по отношению к культурному и природному наследию являются непрестанной задачей ученых, политиков, всего общества. В частности, отмечается, что в настоящее время существует потребность в совершенствовании правового регулирования отношений в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов природного и культурного наследия, прежде всего на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (см. Постановление Совета министров Республики Крым от 31 января 2017 г. № 28).

Остаются актуальными общие проблемы, отмеченные многими исследователями:

- в отношении значительного количества объектов природного и культурного наследия всех категорий историко-культурного значения, а также выявленных объектов культурного наследия не утверждены границы территорий и режим использования земель;
- некоторые объекты природного и культурного наследия не имеют утвержденных положений предмета охраны и выделенной зоны охраны, зарегистрированного собственника или полных сведений о них;
- некоторые объекты природного и культурного наследия не зарегистрированы в государственном кадастре объектов недвижимости; значительное количество объектов культурного наследия находится в неудовлетворительном состоянии; на объектах археологического наследия отмечаются несанкционированные раскопки [Буторин, www; Кудрявцев, 2016; Максаковский, Крогиус, Буторин, 2010; Стратегия..., 2016].

Рассматривая в этом контексте сложившуюся в Крыму ситуацию, необходимо отметить, что списки объектов природного и культурного наследия постоянно составляются, в них вносятся изменения, что обеспечивает доступность к соответствующей информации ученым, разработчикам экскурсий, проектов и другим заинтересованным лицам. Разнообразные ландшафты (горные, горно-лесные, степные), множество памятников природы, лечебные природные ресурсы и объекты богатейшего культурного наследия полуострова вызывают туристский интерес, создают благоприятные условия для развития туризма, а следовательно, и для развития всего региона.

Анализ списка объектов культурного и природного наследия в Крыму показал следующее: большую часть наследия составляют военно-исторические памятники (около 30%), также имеются группы курганов (около 15%), археологические и архитектурные памятники (по 13%), памятники монументального искусства (около 6%), комплексные памятники (около 6%), культовые объекты (около 5%) и природные объекты (около 12%) [Список..., www].

По территории Крыма они также распределяются неравномерно. Лидирует по количеству объектов наследия Большая Ялта, где преобладают архитектурные памятники, памятники монументального искусства, исторические памятники и природные объекты; на втором месте – Ленинский и Бахчисарайский районы; наименьшее их количество прослеживается в

Нижнегорском и Первомайском районах и на территории Армянского горсовета.

В списки объектов культурного наследия Республики Крым включены бывшие дворцы (например, дворец княгини Гагариной), бывшие дачи (например, дача Кичкине), дворцовые комплексы (комплекс сооружений Воронцовского дворца и др.), культовые объекты и сооружения, крепости, памятники монументального искусства и др.

Но в отношении основного объекта наших исследований – культурно-природных ландшафтов – ситуация не изменилась. По-прежнему отдельно учитываются в списках Министерства культуры дворцовые комплексы и сооружения, а в перечне Министерства экологии и природных ресурсов – парки – памятники садово-паркового искусства, ландшафтно-рекреационные парки, заповедные урочища и природные парки, находящиеся на одних и тех же территориях. Так, разные учетные номера имеют бывший дворец княгини Гагариной (ныне административный корпус санатория «Утес»), парк – памятник садово-паркового искусства «Утес-Карасан» с различными архитектурными формами и памятник природы «Мыс Плака», хотя все они находятся в пределах одной территории. На территории ландшафтно-рекреационного парка «Урочище “Кизил-Коба”», который в настоящее время активно развивается как туристский познавательный, научный и развлекательный комплекс, расположены карстовые пещеры, уникальное природное урочище, водопад, выходы скальных пород, обрывы и стоянка древнего человека (а это уже археологический объект культурного наследия). Примеров таких комплексов, сочетающих на одной территории несколько объектов природного и культурного наследия, множество. Только комплексных объектов (парков – памятников садово-паркового искусства, природных парков и урочищ), которые требуют особого подхода к разработке программ дальнейшего развития, на территории республики насчитывается более 40. Большую их часть составляют следующие сочетания:

- дворцовые комплексы + парки – памятники садово-паркового искусства с малыми архитектурными формами;
- природные урочища, памятники природы + пещерные стоянки, пещерные святилища;
- культовые объекты + природные урочища, памятники природы;
- крепости + природные урочища, памятники природы;
- бывшие усадьбы, загородный дом + ботанический сад.

Игнорирование комплексного подхода приводит иногда к непоправимым последствиям. Примером служит сегодняшняя ситуация, когда при реконструкции зданий, а по сути – осуществлении нового строительства, на территории парка – памятника садово-паркового искусства «Форосский» уничтожено несколько десятков реликтовых деревьев, нарушены пейзажная привлекательность и целостность особо охраняемого природного объекта [Форосский парк..., [www](http://www.forospark.ru)].

Заключение

Анализ сложившейся системы охраны культурного и природного наследия в Республике Крым позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации:

- в настоящее время сложной проблемой для осуществления комплексной охраны культурного и природного наследия является разграничение государственной собственности на памятники природы, истории и культуры, которое осуществляется на основе действующих нормативных правовых актов;
- межведомственный характер государственного и муниципального управления в данной

сфере общественных отношений создает определенные сложности в исследовании, оформлении документации, учете и разработке охранных мероприятий. Объекты культурного наследия, информация о которых входит в состав сведений государственного кадастра недвижимости, могут находиться в границах особо охраняемых природных территорий, правовой режим которых регулируется природоохранным законодательством, отдельными положениями земельного законодательства, а содержание охранных обязательств указывается в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним;

- охрана объектов культурного и природного наследия осуществляется с целью реализации конституционного права каждого на доступ к культурным и природным ценностям, что должно обеспечиваться публичным обязательством собственника или иного правообладателя объекта культурного наследия;
- с учетом мирового опыта и опыта государственно-частного партнерства субъектов Российской Федерации необходимо разработать общую стратегию сохранения и эффективного использования объектов культурного и природного наследия Республики Крым, в том числе увеличения числа национальных парков, что определит специфическую форму реализации охранных мероприятий, а также следует составить «дорожную карту» реализации мероприятий в данном направлении;
- необходимо активизировать работу по выявлению, изучению, сохранению и эффективному использованию объектов культурного и природного наследия в Республике Крым, а также определению путей, форм и методов популяризации соответствующих памятников, в том числе проводить различного рода культурные мероприятия с привлечением населения (различные фестивали, выставки, представления, конкурсы и т. п.);
- принятие решений по выполнению мероприятий по охране культурно-природных ландшафтов как комплексных объектов культурно-природного наследия, проектов их реконструкции, преобразования или изменения каких-либо качеств, включение реализации соответствующих проектов в соответствующие федеральные и региональные целевые программы следует рассматривать на межведомственной комиссии, включающей представителей всех заинтересованных ведомств, ученых соответствующего профиля, представителей органов местного самоуправления;
- необходимо продолжить практику проведения научно-практических конференций и целенаправленных научных исследований по актуальным вопросам охраны и использования культурного и природного наследия Республики Крым.

Библиография

1. Астафьева О.Н., Горенкин В.А., Швецова А.В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации. Симферополь: АРИАЛ, 2019. 156 с.
2. Астафьева О.Н., Синецкий С.Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4. С. 70-80.
3. Баранов А.С. Феномен всемирного наследия в системах образования, науки и туризма: ретроспективный анализ // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. СПб., 2017. С. 22-29.
4. Буторин А.А. Роль Конвенции об охране всемирного наследия в сохранении биологического и ландшафтного разнообразия России. URL: <http://www.nhpfund.ru/informational-materials/2014-04-08-13-20-50.html>
5. Внуков С.Ю., Шаров О.В. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017-2018 гг. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 1. С. 6-12.

6. Доклад о состоянии и охране окружающей среды на территории Республики Крым в 2019 году. URL: https://meco.rk.gov.ru/uploads/txteditor/meco/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998cf8427e/phpCCpsTg_1.pdf
7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15464#05622672823355253>
8. Кудрявцев А.П. Стратегия сохранения и развития исторического наследия РФ. Перечень проблем и направление их решения // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 5-16.
9. Кулешова М.Е. Формы охраны природно-культурного наследия и категория культурного ландшафта // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 4. С. 31-43.
10. Лавров В.В. Актуальные проблемы охраны и использования объектов природного и культурного наследия. СПб., 2016. 64 с.
11. Максаковский Н.В., Крогиус В.Р., Буторин А.А. Проблемы управления всемирным наследием: российский опыт в мировом контексте // Наследие и современность. М., 2010. Вып. 17. С. 22-48.
12. Новосельская В.В. Крымские ландшафты: единство культурного и природного // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4. С. 47-57.
13. Новосельская В.В. Культура как ресурс инновационного развития территорий. Симферополь: АРИАЛ, 2019. 152 с.
14. Новосельская В.В. Культурно-природный ландшафт как предмет комплексного анализа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. Т. 1. № 37. С. 18-31.
15. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.2002: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14.06.2002. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
16. Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. закон Рос. Федерации от 12.02.2015 № 9-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.01.2015: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 04.02.2015. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70766584/>
17. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон Рос. Федерации от 14.03.1995 № 33-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 15.02.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/
18. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20.12.2001: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26.12.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
19. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым» и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым: постановление Совета министров Республики Крым от 31.01.2017 № 28. URL: <http://docs.cntd.ru/document/413919057>
20. Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. URL: <http://base.garant.ru/70828330/>
21. Список объектов культурного наследия (памятники архитектуры, истории, монументального искусства и выявленные объекты культурного наследия), расположенных на территории Республики Крым. URL: <https://docplayer.ru/29001574-Tablica-1-spisok-obektov-kulturnogo-naslediya-pamyatnikov-arhitektury-raspolozhennyh-na-territorii-respubliki-krym-po-sostoyaniyu-na.html>
22. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект. М.: Институт Наследия, 2016. 136 с.
23. Форосский парк: что дальше. URL: <https://crimea.ria.ru/interview/20210329/1119408726/Forosskiy-park-chto-dalshe.html>

The protection of the cultural and natural heritage in the Republic of Crimea: the current state and prospects

Vera V. Novosel'skaya

PhD in Pedagogy,
Minister of Culture of the Republic of Crimea,
Ministry of Culture of the Republic of Crimea,
295005, 13 Kirova av., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: arinanovoselskaya@gmail.com

Abstract

Taking into account the fact of the identification, study, preservation and protection of cultural and natural heritage objects, the author of the article points out that this is a vital activity of the society, affecting the most important aspects of its functioning and development. It is very important to precede the fact that cultural and natural objects in the society exist in the organic unity and interdependence, and the problems and opportunities of their protection and appropriate usage are most clearly defined and solved at the regional level. The analysis of the provisions of the current legislation of the Russian Federation allows the researcher to note the interdepartmental nature of the state and the municipal management in the system of the protection of cultural and natural heritage objects, including those located in the Republic of Crimea. The protection of cultural and natural heritage objects is carried out by different departments and under different regimes; cultural and natural heritage are also divided in the Russian legislative field. Therefore, there is a need to improve the legal regulation of relations in the field of the preservation, usage, promotion and state protection of cultural and natural heritage objects, primarily at the level of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities. The analysis of the existing system of the protection of cultural and natural heritage in the Republic of Crimea allow the author to formulate the appropriate recommendations.

For citation

Novosel'skaya V.V. (2021) Okhrana kul'turnogo i prirodnogo naslediya v Respublike Krym: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [The protection of the cultural and natural heritage in the Republic of Crimea: the current state and prospects]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 74-87. DOI: 10.34670/AR.2021.60.95.009

Keywords

Cultural heritage, natural heritage, protection, Republic of Crimea, legislation of the Russian Federation.

References

1. Astaf'eva O.N., Gorenkin V.A., Shvetsova A.V. (2019) *Sotsiokul'turnaya politika v Rossiiskoi Federatsii: strategii, urovni, innovatsii* [The sociocultural policy of the Russian Federation: strategies, levels, innovations]. Simferopol: ARIAL Publ.
2. Astaf'eva O.N., Sinetskii S.B. (2017) *Filosofskie i prikladnye aspekty kul'turnoi politiki na poselencheskome urovne* [Philosophical and applied aspects of the cultural policy at the settlement level]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and

- arts herald], 4, pp. 70-80.
3. Baranov A.S. (2017) Fenomen vseirnogo naslediya v sistemakh obrazovaniya, nauki i turizma: retrospektivnyi analiz [The phenomenon of the world heritage in education, science and tourism: a retrospective analysis]. In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie* [Natural and cultural heritage: interdisciplinary research, preservation and development]. St. Petersburg, pp. 22-29.
 4. Butorin A.A. Rol' Konventsii ob okhrane vseirnogo naslediya v sokhranении biologicheskogo i landshaftnogo raznoobraziya Rossii [The role of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage in the preservation of biological and landscape diversity in Russia]. Available at: <http://www.nhpfund.ru/informational-materials/2014-04-08-13-20-50.html> [Accessed 18/03/21].
 5. Doklad o sostoyanii i okhrane okruzhayushchei sredy na territorii Respubliki Krym v 2019 godu [The report on the state and protection of the environment in the Republic of Crimea in 2019]. Available at: https://meco.rk.gov.ru/uploads/txteditor/meco/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpCCpsTg_1.pdf [Accessed 18/03/21].
 6. Foroskii park: chto dal'she [Foros Park: what's next?]. Available at: <https://crimea.ria.ru/interview/20210329/1119408726/Foroskiy-park-chto-dalshe.html> [Accessed 18/03/21].
 7. Konventsiya ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya [Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15464#05622672823355253> [Accessed 18/03/21].
 8. Kudryavtsev A.P. (2016) Strategiya sokhraneniya i razvitiya istoricheskogo naslediya RF. Perechen' problem i napravlenie ikh resheniya [The strategy for the preservation and development of the historic heritage of the Russian Federation. The problems and their solution]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and construction], 1, pp. 5-16.
 9. Kuleshova M.E. (2017) Formy okhrany prirodno-kul'turnogo naslediya i kategoriya kul'turnogo landshafta [The forms of the protection of natural and cultural heritage and the category "cultural landscape"]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanities knowledge], 4, pp. 31-43.
 10. Lavrov V.V. (2016) Aktual'nye problemy okhrany i ispol'zovaniya ob'ektov prirodnogo i kul'turnogo naslediya [Topical problems of the protection and use of the objects of natural and cultural heritage]. St. Petersburg.
 11. Maksakovskii N.V., Krogus V.R., Butorin A.A. (2010) Problemy upravleniya vseirnym naslediem: rossiiskii opyt v mirovom kontekste [The problems of world heritage management: Russian experience in the global context]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and modernity], Vol. 17. Moscow, pp. 22-48.
 12. Novosel'skaya V.V. (2017) Krymskie landshafty: edinstvo kul'turnogo i prirodnogo [Crimean landscapes: the unity of the cultural and the natural]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural studies. The Russian South], 4, pp. 47-57.
 13. Novosel'skaya V.V. (2019) Kul'tura kak resurs innovatsionnogo razvitiya territorii [Culture as a resource for innovative development of territories]. Simferopol: ARIAL Publ.
 14. Novosel'skaya V.V. (2016) Kul'turno-prirodnyi landshaft kak predmet kompleksnogo analiza [Cultural and natural landscapes as a subject matter of complex analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 1 (37), pp. 18-31.
 15. Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.06.2002 № 73-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 14.06.2002 [On the objects of cultural heritage (historic-cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 73-FZ of June 25, 2002]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ [Accessed 18/03/21].
 16. Ob okhrane okruzhayushchei sredy: feder. zakon Ros. Federatsii ot 10.01.2002 № 7-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 20.12.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 26.12.2001 [On environmental protection: Federal Law of the Russian Federation No. 7-FZ of January 10, 2002]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ [Accessed 18/03/21].
 17. Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnoshenii v oblasti kul'tury i turizma v svyazi s prinyatiem v Rossiiskuyu Federatsiyu Respubliki Krym i obrazovaniem v sostave Rossiiskoi Federatsii novykh sub'ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya: feder. zakon Ros. Federatsii ot 12.02.2015 № 9-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.01.2015: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 04.02.2015 [On the features of the legal regulation of relations in the field of culture and tourism in connection with the accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new constituent entities within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the city of federal significance of Sevastopol: Federal Law of the Russian Federation No. 9-FZ of February 12, 2015]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70766584/> [Accessed 18/03/21].
 18. Ob osobo okhranyaemykh prirodnym territoriyakh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 14.03.1995 № 33-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 15.02.1995 [On specially protected natural areas: Federal Law of the Russian Federation No. 33-FZ of March 14, 1995]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/

[Accessed 18/03/21].

19. *Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy Respubliki Krym "Razvitie kul'tury, arkhivnogo dela i sokhranenie ob"ektov kul'turnogo naslediya Respubliki Krym" i priznanii utrativshimi silu nekotorykh postanovlenii Soveta ministrov Respubliki Krym: postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 31.01.2017 № 28* [On approving the State Program of the Republic of Crimea "The development of culture, archival affairs and the preservation of the objects of cultural heritage in the Republic of Crimea" and invalidating certain resolutions of the Council of Ministers of the Republic of Crimea: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea No. 28 of January 31, 2017]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/413919057> [Accessed 18/03/21].
20. *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2014 № 808* [On approving the Basics of the state cultural policy: Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014]. Available at: <http://base.garant.ru/70828330/> [Accessed 18/03/21].
21. *Spisok ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatniki arkhitektury, istorii, monumental'nogo iskusstva i vyyavlennye ob"ekty kul'turnogo naslediya), raspolozhennykh na territorii Respubliki Krym* [The list of the objects of cultural heritage (monuments of architecture, history, monumental art and identified objects of cultural heritage) located in the Republic of Crimea]. Available at: <https://docplayer.ru/29001574-Tablica-1-spisok-obektov-kulturnogo-naslediya-pamyatnikov-arhitektury-raspolozhennyh-na-territorii-respubliki-krym-po-sostoyaniyu-na.html> [Accessed 18/03/21].
22. *Strategiya sokhraneniya kul'tury i kul'turno-istoricheskogo naslediya narodov Rossiiskoi Federatsii. Proekt* [The strategy for preserving the culture and cultural and historical heritage of the peoples of the Russian Federation. A project] (2016). Moscow: Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.
23. Vnukov S.Yu., Sharov O.V. (2019) Issledovaniya Krymskoi novostroechnoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN v 2017-2018 gg. [Research conducted by the Crimean new-building archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 2017-2018]. In: *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017-2018 gg.* [Crimea – Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017-2018], Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 6-12.

УДК 316.7**DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010****Современные подходы к исследованию культурного пространства****Искра Анна Александровна**

Учитель истории,

Школа № 463 им. Героя Советского Союза Д.Н. Медведева,
115470, Российская Федерация, Москва, ул. Судостроительная, 10/1;
e-mail: anna-sh1@yandex.ru**Аннотация**

В статье рассматриваются подходы к анализу процессов формирования современного культурного пространства России. Выявляются обстоятельства, существенно повлиявшие на трансформацию российского культурного пространства за последние два десятилетия. Ключевыми факторами в этом процессе являются трансформация структуры социальной и культурной памяти и возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений. Указывается на то, что именно культурологический подход позволяет включать в анализ не только фактические данные, но и образные, проективные. Пространство, в котором происходит мистерия создания социальной памяти, и есть культурное пространство. Задача научного сообщества как добросовестных служителей истории – не оставлять нагромождение руин – неосмысленных событий, имеющих социальную и культурную значимость, ради того, чтобы история базировала свое знание на истине доступного нам понимания на каждом конкретном этапе нашей жизни, предопределяя будущее человечества вектором развития его культуры. В результате синтеза выявленных тенденций предложена авторская модель результата трансформации российского культурного пространства ближайшего будущего.

Для цитирования в научных исследованиях

Искра А.А. Современные подходы к исследованию культурного пространства // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010

Ключевые слова

Культурное пространство, социальная память, духовная культура, социальная культура, цифровизация, нарратив, таксономизация.

Введение

Актуальность научного осмысления состояния культурного пространства России, проблемных точек его формирования обусловлена целым рядом факторов, в том числе его ролью как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности. Необходимость целенаправленного проективного развития российского культурного пространства для преодоления угрозы «гуманитарного кризиса», а также в качестве инструмента «мягкой силы» укрепления роли России на международной арене подчеркивается в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление культурного единства общества прямо отнесены к угрозам национальной безопасности.

Вынесенная в заглавие тема обширна и практически неисчерпаема. В рамках данной статьи предпринята попытка определиться с подходами к такому анализу. Актуальность данной темы была заявлена еще в 2005 г. исходя из результатов исследований общественного мнения Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Директор ВЦИОМ В.В. Федоров отмечает, что данное взаимодействие было отражено в стремлении властей определять характер отношений во всех сферах общественной деятельности. Метод поиска баланса между источниками культурного и социального пространств с тех пор принципиально не изменился: «Когда самое страшное позади, внимание наших соотечественников постепенно переключается на более прозаические, но и более спокойные и близкие темы и вопросы. И когда это происходит, выясняется, что запас социального оптимизма и уверенности в себе у россиян далеко не растрочен. А вот как оценивать власть, как относиться к ее действиям – этот вопрос нашими соотечественниками пока далеко не решен и зависит во многом от действий самой власти» [Денисова, 2018; Как мы думали..., 2005; Колеватов, 1984].

Основная часть

Культурное пространство – та искусственная среда, которая находится в процессе ее сотворения Человеком, при этом она должна быть отделена от сиюминутного давления социальной обусловленности. Лучшее выражение сущности культурного пространства передает вопрос, приписываемый апостолу Петру: «Камо грядеши?» Задаваясь вопросом о том, к чему ведет человеческая экспансия в материальные и духовные пространства, мы открываем собственную подлинную природу и природу нашей культуры, а также предопределение будущего.

Во-первых, вышеизложенное говорит об историчности понятия «культурное пространство», об обязательной материальной фиксации его феноменов, что, в отличие от политической обусловленности и ангажированности теми или иными видами общественных отношений, имеет объективную высокую меру и значительную протяженность во времени. Во-вторых, индивидуальный выбор личного характера взаимоотношений с обществом и продуктами его материальной культуры имеет значение не только для восприятия, но и для формирования образа культурного пространства. Интеграции индивидуальных действий и представлений в историческом процессе можно отнести к хрестоматийной теме «роли личности в истории». Мир социума немислим вне культуры, в то же время культура возможна и вне социума. И не только как историческое свидетельство ее производства, например археологической природы, в ныне

мертвых цивилизациях, но и как спонтанное воспроизводство ее ребенком, оказавшимся в когнитивно сложной среде, многократно доказанное опытным путем. Признанный специалист в области детских субкультур М.В. Осорина приходит к выводу о том, что процессом становления социально интегрированной личности оказывается порождение культурных элементов, которые «естественным образом воспроизводятся в каждом новом поколении» [Осорина, 2008].

Исследования в этом направлении еще не дают окончательного представления о том, является ли присущее человеку производство культуры средством создания социальных объединений или онтологически объединенные стремлением к выживанию человеческие группы стали порождать культурный продукт как средство регуляции межличностных взаимоотношений. Во втором случае культуру можно представить как форму сублимации неизбежного подавления индивидуальной воли (постулируемого психоаналитическими теориями). Диалектический подход здесь кажется наиболее плодотворным, однако уже сейчас можно утверждать, что социум не может претендовать на исключительную роль источника культуры. Ее источниками являются и асоциальные личности, управляющие самой социальной системой в результате своей роли в ней, и внесистемные душевнобольные, и «гении». В современной научной среде наибольшее распространение получила позиция, согласно которой первый подход отражает сущность «культурного пространства», а второй – «пространства культуры». В своих работах по анализу понятия «культурное пространство» исследователи И.М. Гуткина, П.И. Касаткин, Е.В. Орлова приходят к выводу о том, что культурное пространство отражает связь явления или группы явлений с историческим процессом фиксации общественного или даже цивилизационного опыта, а пространство культуры обозначает среду самореализации различных уровней опыта [Гуткина, 2003; Касаткин, 2017; Орлова, 2010, [www](#)]. Настоящее несет угрозу культурному пространству через разрушение его гетерохронной связи с цивилизационным продуктом. М.Я. Сараф поясняет этот процесс следующим образом: «Мифологизируется и сочиняется заново история, рушатся фундаментальные связи с культурным пространством уже достигнутого и более высокого уровня организации и функциональности. Процесс расширения и активизации анклавов прямо направлен на уничтожение классического культурного пространства, на его вытеснение и замену закрытыми анклавыми, архаичными (хотя их называют традиционными) пространствами культуры» [Сараф, 2017, [www](#)]. Это подтверждают и результаты исследований ВЦИОМ, анализирующие актуальные дискурсы российского культурного пространства, сводящиеся к состоявшейся системе категорий (вариантам пространств культуры).

- 1) *«Политическая сфера»*. Поделена на актуальные политические события, функционирование политической системы, обстоятельства президентства в России, актуальные проблемы (в данном случае демократии).
- 2) *«Правоохранительная сфера»*. Подразделяется на анализ отношения россиян к коррупции, к судебной власти и к правоохранительным органам.
- 3) *«Социально-экономическая сфера»*. Здесь прямое отношение к социальной сфере имеет только категория «динамика настроений российского общества», остальные относятся к оценке социумом финансовых обстоятельств: конкурентоспособность России, финансовое поведение россиян, отношения с банками, отношение к страховым услугам, социальная ответственность предпринимателей [Как мы думали..., 2005, 318-319]. Отношение этих сфер, по сути, отражают отношения человека с «силой», «богатством», «властью». Так, «в культурном пространстве выделяется совокупность форм культуры, которые определяют

социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе. Сюда относятся нравственная, правовая, политическая культура. В этих формах культуры фиксируются социальные ценности и идеалы, а также общие регулятивы поведения, движимого стремлением к ним» [Кармин, Новикова, 2005, 134].

- 4) «Духовная сфера». Включает религию, философию, искусство. Он предлагает рассматривать эти элементы как «три лика культуры» [Там же, 133-136]. Все сценарии возможных взаимоотношений в обществе, часть из которых можно признать достаточно устойчивыми пространствами порождения специфической культуры создают искусственную среду нашего обитания, а в силу обязательной информационной фиксации еще и социальную память.

Основополагающую роль в духовной сфере играет язык, поскольку образ мира у человека в значительной степени строится через слово и именно через слово в процессах речемыслительной деятельности и общения в индивидуальной картине мире «кристаллизуются» фрагменты реальности: язык, моделируя мир, одновременно «моделирует и самого пользователя этим языком» [Успенский, 1994, т. 1, 7]. Иными словами, владение языком предполагает владение концептуализацией мира, т. е. знание заложенных в лингвокультуре национально-специфичных единиц [Денисова, 2020, 128-130]. Сказанное означает, что посредством предписанных языком готовых формул и текстов носителем усваивается «порядок культуры» – наиболее эффективный механизм внушения стереотипов, закодированных на языке социума и нужных этому социуму для регулирования поведения ее представителей. Сотканный из множества равноправных кодов, текст вплетается в «память» культуры и становится не столько устойчивым знаком, сколько условиями его порождения и той средой, в которую погружена речевая деятельность. Впитываемые еще на стадии освоения языка тексты ведут к образованию коллективных мифов, моделирующих действительность и охватывающих разные сферы жизни: мораль, эстетику, образование, литературу, искусство и быт. Миф в такой интерпретации тесно связывается с языком и информацией, становится объектом изучения семиотики. То, что является знаком в языке, превращается в мифе в обозначающее: «Разрушение, которому миф подвергает коллективный язык, абсолютно; к этому разрушению, собственно, и сводится вся его задача» [Барт, 1994, 128].

Благодаря осмыслению значимости духовных и материальных продуктов деятельности по формированию исторического наследия, культурное пространство выступает формой рационализации памяти о среде. Вопрос различения понятий «культурное пространство» и «пространство культуры» в теории культурологии не был актуален до недавнего времени. А.С. Кармин, описывая «пространство культуры» в терминах сегодняшнего дня, по сути, говорит именно о «культурном пространстве»: «Люди живут в пространстве культуры. Так же, как воздух, которым мы дышим, нас окружает воздух культуры, которым дышит наша душа. Пространство культуры – это не физическое, а духовное пространство. Это пространство смыслов – знаний, ценностей и идеалов, норм и правил жизни» [Кармин, 1999, 66]. Модель этого пространства графически можно отобразить так (рис. 1).

Согласно А.С. Кармину и Е.С. Новиковой, духовная культура отвечает за развитие когнитивных парадигм, к которым можно отнести житейскую, мистическую и рациональную – образцы, по которым строится знание о мире. И также отвечает за институализацию ценностей, которые можно разделить на финальные, инструментальные и производные. Именно в этой своей функции духовная культура наиболее тесно взаимодействует с культурой социальной. В связи с этим известный американский искусствовед и философ А. Данто отмечает: «Любое

повествование – это структура, налагаемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения. Поэтому осуществление такого отбора не может быть отличительной чертой какого-то одного типа повествования. Выражаясь банально, в повествовании упоминаются только важные события. Однако в этом случае для любого повествования встанет вопрос об определении важности событий: любое повествование, в идеале, будет включать только то, что имеет отношение к другим событиям или важно для них» [Данто, 2002, 129].

Пространственная модель культуры

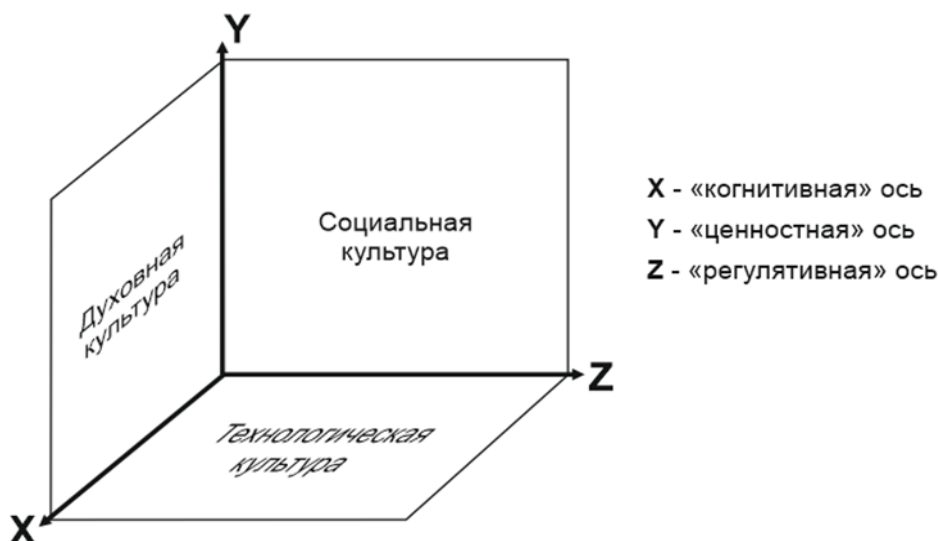

Рисунок 1 - Пространственная модель культуры в настоящем времени

В результате социальных изменений два самых серьезных, на наш взгляд, обстоятельства существенно повлияли на трансформацию российского культурного пространства за последние два десятилетия.

Первое из них связано с социальной памятью. В.А. Ребрин дает следующее определение данному понятию: «Социальная память – это осуществляемая обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире... Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания» [Ребрин, 1974, 44-45]. Для понимания сопряжения основных терминов данной работы следует понимать, что культурное пространство является актуализированным фрагментом социальной памяти. В текущем общественном процессе культурное пространство создается в результате взаимоотношений множества пространств культуры.

В сфере культурного пространства социальная память обуславливает его фиксацию, развитие и трансформации. Под трансформацией в данном случае мы понимаем процесс изменения, но не обязательно развития, происходящий в очень короткие сроки. Трансформация возможна за счет изменений в системе ценностей, способов их институализации,

целенаправленного воздействия ради смены направления развития когнитивных парадигм. Возможность такой трансформации заложена в самой вторичной природе социально обусловленного познания мира. Так, В.А. Колеватов пишет: «Проследив хотя бы в самых общих чертах процесс получения человеком представлений и понятий о мире, составляющих, как принято считать, его мировоззрения, мы прежде всего обнаружим, что ни один человек не изучает непосредственно, эмпирически “мир в целом”. Большую часть знаний он получает из самых различных источников – книг, аудио, телевидения, бесед с другими людьми и т. д. Во всех этих случаях он имеет дело не непосредственно с явлениями, а с их отображением, уже прошедшим через сознание людей и “записанным” в памяти общества» [Колеватов, 1984, 143].

Основным источником знания о мире, об эстетических и этических понятиях на протяжении столетий являлась традиционная семья, где минимум три поколения находящихся в родственной связи людей проживали вместе. Семья была основной единицей наблюдения с помощью переписи в Советском Союзе, пока в 2002 г. «в связи с изменением жилищных условий населения, родственных связей проживающих совместно людей» [Официальный сайт..., www] такой единицей не становится домохозяйство. Решение было принято по предложению ООН. Следует отметить, что такое изменение единицы наблюдения затруднило в дальнейшем анализ феномена семьи. И если проведенная в 1994 г. микроперепись показала, что всего 11,7% домохозяйств по своему составу могут содержать три поколения, проживающих вместе [Елисеева, www], то в 2002 г. способ представления данных переписи еще более затруднил анализ состава семей. Исходя из фактических представлений о составе семьи, можно предположить, что следует анализировать объединенную группу от 55 лет и старше, входящую в домохозяйства от пяти человек. Численность таких семей по данным 2002 г. составила уже всего 10,97% [Население..., www]. Поскольку в данную категорию в 2002 г. были включены «коллективные домохозяйства», включая обслуживающий персонал, реальная численность семей оказывается значительно меньше.

В результате переписи 2010 г., которая проводилась по той же методике подсчета, число таких «семей» снова сократилось (до 10,8%) [Там же]. Данные этой переписи любопытны еще и тем, что выявляют не столько неспособность старшего поколения к созданию традиционных семей, сколько отсутствие желания совместного проживания представителей разных поколений.

В настоящее время исследователи констатируют снижение роли житейского опыта в структуре социальной памяти. Опытное знание противостоит по своему смыслу экспертному знанию. Носитель последнего – *opening leader* – приносит в общество нарративное знание (от лат. слов *narrare* и *gnarus*, т. е. знающий о чем-либо эксперт) [Карабаева, www]. Приведенные выше данные показывают, что проблема с замещением нарративом опытной информации не является следствием развития технологической культуры. Цифровая революция XXI в. привела к перераспределению источников социокультурной памяти, но не явилась причиной этому. Революция обозначает себя резкими математическими кривыми, ее характеризующими, здесь же можно наблюдать планомерное снижение значимости роли пожилых людей в формировании социокультурной памяти. Скорее, третья плоскость, которая в схеме А.С. Кармина обозначена как «Социальная культура», отражает планомерное воздействие на преобразование структуры коллективной памяти.

Вторым обстоятельством, существенно повлиявшим на трансформацию российского культурного пространства за последнюю пару десятилетий, становится возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений. В сфере социальной

культуры наблюдается разрушение подлинно политического подхода: «С каждым последующим годом¹ другие политические фигуры, кроме президента, становились для граждан все менее авторитетными, их голоса – менее слышными, а образы – менее различимыми. А “президентский полюс” постепенно подминал под себя все больше политическое пространство, фактически поглотив сначала исполнительную власть, затем – представительную, информационную, начал подминать уже и региональную... Вот уже несколько лет ощущается идеологический вакуум, ставший результатом стремительного “разоружения” оппозиции перед президентом» [Как мы думали..., 2005; Кармин, Новикова, 2005]. Хотя ничего столь же смелого В.В. Федоров с 2005 г. не писал, сказанное заставляет задуматься о том, что подлинно политического пространства среди множества пространств культуры более не существует. Имеет место процесс тотальной реорганизация социальных пространств культуры. Страна, которая выступила против однополярного мира символической речью своего президента в 2007 г. (Мюнхенское выступление), вероятно, сама внутри должна была стать однополярной и достаточно однородной, чтобы представлять очевидную силу на мировой арене. Однако конец политики и рост государственной воли во всех пространствах культуры символизируют конец свободных взаимоотношений и борьбы этих пространств и объективируют их системную реорганизацию в соответствии с планами, которые принято называть социальной инженерией. З. Бауман выразил причину этих процессов следующим образом: «С углублением пропасти между властью и политикой – т. е. возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках территориально суверенного государства, – исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу» [Бауман, 2018, 442].

Прекращение естественного развития социальной культуры и ее структуризация относятся к области анализа, вышедшего из-под крыла систематики – типологизации на основе таксономии, т. е. соподчинения независимых иерархических структур [Фролов, 2013]. Таксономизация на сегодняшний день является наиболее точным определением процессов, происходящих с социальной культурой под влиянием государственной власти, где последняя определяет темы дискурсов, содержание нарративов, будущие состояния.

Возвращаясь к представленной модели пространства культуры А.С. Кармина, отметим, что роль фактора технологического развития несколько переоценена, хотя революция цифровизации так или иначе остается наиболее значимым фактором преобразования технологической культуры. Для трансформации некоторых областей социальной практики пространство технологической культуры может служить источником перестройки, однако для культурного пространства в целом роль носителя остается вторичным элементом, поскольку принципиально значимым является процесс обретения наследия, его принятия и осмысления того, что значит быть человеком. При этом источниками такой информации являются и социальные сети, и книги, и фильмы, и уголовный кодекс. Пожалуй, наиболее значимое влияние на процесс преобразования общества в последние годы оказали социальные сети, которые перенесли общение в онлайн-среду и VR-технологии, грозящие полным устранением пожилых членов общества от участия в его проективных процессах развития [Кармин, Новикова, 2005].

¹ После 2000 г. – А.И.

Если предположить модель антиутопии ближайшего будущего, базируясь на модели А.С. Кармина, то она будет выглядеть так (рис. 2).

Результат трансформации культурного пространства

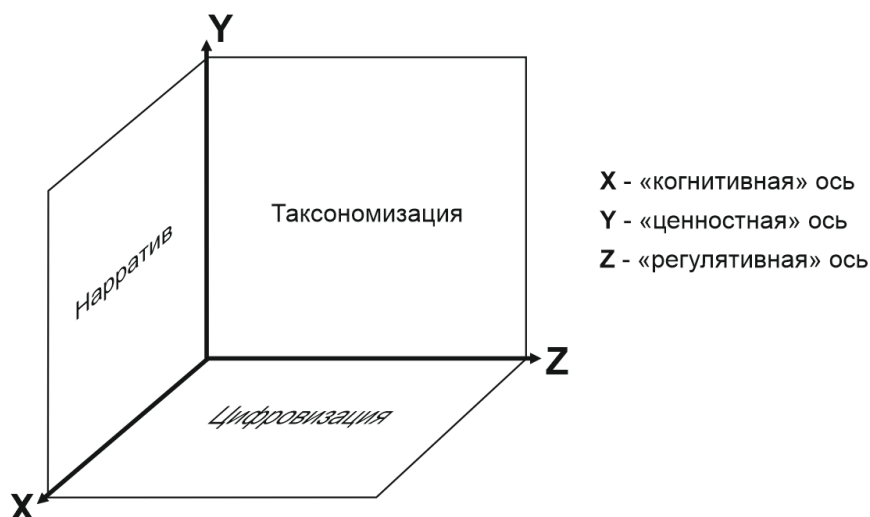

Рисунок 2 - Результат трансформации культурного пространства. Проект культурной модели будущего

Заключение

Именно культурологический подход позволяет включать в анализ не только фактические данные, но и образные, проективные. Пространство, в котором происходит мистерия создания социальной памяти, и есть культурное пространство. Задача научного сообщества как добросовестных служителей истории – не оставлять нагромождение руин – неосмысленных событий, имеющих социальную и культурную значимость, ради того, чтобы история базировала свое знание на истине доступного нам понимания на каждом конкретном этапе нашей жизни, предопределяя будущее человечества вектором развития его культуры.

Библиография

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 615 с.
2. Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435-442.
3. Гуткина И.М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // Философия и современность. Саратов: Научная книга, 2003. С. 79-87.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Денисова Г.В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 9. С. 184-193.
6. Денисова Г.В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 127-148.
7. Елисеева И.И. Социальная статистика. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx
8. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. 320 с.
9. Карабаева А.Г. Нарратив в науке и образовании. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii>
10. Кармин А.С. (ред.) Конфликтология. СПб.: Лань, 1999. 448 с.
11. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2005. 464 с.

12. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145-156.
13. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 190 с.
14. Население частных домохозяйств по полу и возрастным группам. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm
15. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/
16. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura/viewer>
17. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
18. Официальный сайт Всероссийской переписи населения. URL: <https://www.strana2020.ru>
19. Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. 169 с.
20. Сараф М.Я. Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kultury-tsivilizatsionnaya-geterohronnost/viewer>
21. Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. 364 с.
22. Фролов Д.П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122-150.

Modern approaches to studying the cultural space

Anna A. Iskra

History Teacher,
Comprehensive School No. 463 in Moscow,
115470, 10/1 Sudostroitel'naya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna-sh1@yandex.ru

Abstract

The article considers approaches to the analysis of the processes of the formation of the modern cultural space of Russia. It reveals the circumstances that have significantly influenced the transformation of the Russian cultural space over the past two decades. The key factors in this process are the transformation of the structure of social and cultural memory and the increasing role of state power in all segments of public relations. The author of the article points out that it is the culturological approach that makes it possible to include not only factual, but also figurative, projective data in the analysis. The cultural space is the space in which the mystery of the creation of social memory takes place. The task of the scientific community is not to leave a pile of ruins – unintelligible events of social and cultural significance, for history to base its knowledge on the truth of the understanding available to us at each specific stage of our life, determining the future of humanity by the vector of the development of its culture. The author proposes her own model of the result of the transformation of the Russian cultural space of the near future as a result of the synthesis of the identified trends.

For citation

Iskra A.A. (2021) *Sovremennye podkhody k issledovaniyu kul'turnogo prostranstva* [Modern approaches to studying the cultural space]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010

Keywords

Cultural space, social memory, spiritual culture, social culture, digitalization, narrative, taxonomization.

References

1. Barthes R. (1994) *Semiotika. Poetika* [Semiotics. Poetics]. Moscow.
2. Bauman Z. (2018) *Retrotopiya* [Retrotopia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 6, pp. 435-442.
3. Danto A. (1965) *Analytical philosophy of history*. Cambridge University Press. (Danto A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii*. Moscow: Ideya-Press Publ.)
4. Denisova G.V. (2018) Intertekstual'naya kompetentsiya lichnosti: vektor kul'turnoi evolyutsii [The intertextual competence of an individual: the vector of cultural evolution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 9, pp. 184-193.
5. Denisova G.V. (2020) Sotsiokul'turnye stereotipy v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Sociocultural stereotypes in cross-cultural communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science], 26 (3), pp. 127-148.
6. Eliseeva I.I. *Sotsial'naya statistika* [Social statistics]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx [Accessed 14/03/21].
7. Frolov D.P. (2013) Mnogourovnevaya ierarkhiya ekonomicheskogo prostranstva: formirovanie evolyutsionnoi taksonomii [The multilevel hierarchy of the economic space: the formation of evolutionary taxonomy]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 4, pp. 122-150.
8. Gutkina I.M. (2003) Kul'turnoe prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniya [The cultural space: problems and prospects for studying]. In: *Filosofiya i sovremennost'* [Philosophy and modernity]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., pp. 79-87.
9. *Kak my dumali v 2004 godu: Rossiya na pereput'e* [We thought so in 2004: Russia at a crossroads] (2005). Moscow.
10. Karabaeva A.G. *Narrativ v nauke i obrazovanii* [The narrative in science and education]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii> [Accessed 14/03/21].
11. Karmin A.S. (ed.) (1999) *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg: Lan' Publ.
12. Karmin A.S., Novikova E.S. (2005) *Kul'turologiya* [Cultural studies]. St. Petersburg: Piter Publ.
13. Kasatkin P.I. (2017) Kul'turnoe prostranstvo: aksiologicheskii aspekt [The cultural space: the axiological aspect]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 145-156.
14. Kolevats V.A. (1984) *Sotsial'naya pamyat' i poznanie* [Social memory and cognition]. Moscow: Mysl' Publ.
15. *Naselenie chastnykh domokhozyaistv po polu i vozrastnym gruppam* [The number of private households by gender and age]. Available at: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm [Accessed 14/03/21].
16. *Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 № 326-r* [On approving the Strategy for the state cultural policy for the period until 2030: Order of the Russian Government No. 326-r of February 29, 2016]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ [Accessed 14/03/21].
17. *Ofitsial'nyi sait Vserossiiskoi perepisi naseleniya* [The official website of the All-Russian Population Census]. Available at: <https://www.strana2020.ru> [Accessed 14/03/21].
18. Orlova E.V. (2010) Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, spetsifika, struktura [The cultural space: the definition, specificity, structure]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura/viewer> [Accessed 14/03/21].
19. Osorina M.V. (2008) *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the space of the adult world]. St. Petersburg: Piter Publ.
20. Rebrin V.A. (1974) *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya* [Methodological problems of social consciousness under socialism]. Novosibirsk.
21. Saraf M.Ya. (2017) Kul'turnoe prostranstvo i prostranstvo kul'tury: tsivilizatsionnaya geterokhronnost' [The cultural space and the space of culture: civilizational heterochrony]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], 12-3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kul'tury-tsilivizatsionnaya-geterokhronnost/viewer> [Accessed 14/03/21].
22. Uspenskii B.A. (1994) *Izbrannye trudy* [Selected works], Vol. 1. Moscow.

УДК 94(470-321.9)

DOI: 10.34670/AR.2021.95.13.011

Усадьба Ф.К. Мильгаузена в Симферополе**Билялова Ильмира Якубовна**

Старший преподаватель кафедры изобразительного искусства,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
295015, Российская Федерация, Симферополь, пер. Учебный, 8;
e-mail: ibilyalova@list.ru

Билялова Ленара Меметовна

Преподаватель кафедры изобразительного искусства,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
295015, Российская Федерация, Симферополь, пер. Учебный, 8;
e-mail: Lenara_77@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена Федору Карловичу Мильгаузену, известному врачу, одному из главных медицинских специалистов русской армии, который был владельцем усадьбы в Симферополе. Выйдя в отставку по болезни, Федор Карлович Мильгаузен приехал в Крым в качестве чиновника для особых поручений по врачебной части при Таврическом губернаторе и поселился в Симферополе. Федор Карлович принимал активное участие в ликвидации эпидемий холеры и чумы в Крыму в 1829 и 1833 гг. Известный врач покровительствовал странноприимному дому, мужской гимназии, городской библиотеке, тюремному комитету Симферополя. Прекрасный врач, ученый ботаник, метеоролог, он являлся основателем Симферопольской метеостанции. С 1821 г. до конца жизни он проводил метеорологические наблюдения. Федор Карлович Мильгаузен сохранил любовь и преданность избранной профессии в течение многих лет. Талант и профессионализм, а также готовность поделиться накопленным врачебным опытом, мудрость и доброжелательность врача всегда привлекали пациентов. Сохранившийся дом Федора Карловича Мильгаузена несет память о жизни хозяев, их гостей и постояльцах того времени. Это памятник архитектуры Крыма конца XVIII – начала XIX в.

Для цитирования в научных исследованиях

Билялова И.Я., Билялова Л.М. Усадьба Ф.К. Мильгаузена в Симферополе // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 98-102. DOI: 10.34670/AR.2021.95.13.011

Ключевые слова

Крым, усадьба, врач, общественный деятель, ученый, ботаник, метеоролог.

Введение

Федор Карлович Мильгаузен (1775-1853 гг.) был очень известной личностью в Крыму. Он родился 4 июля в городе Петербурге в многодетной семье потомственного кузнеца, по происхождению был немцем. В четырнадцать лет поступил в столичный медицинский институт в Петербурге. После окончания учебы работал в Обуховской больнице врачом. В 1806 г. получил звание гражданского генерала-лекаря и должность главного врачебного инспектора. Внес большой вклад в борьбу с эпидемиями.

Частые заграничные командировки, ежедневная частная практика серьезно сказались на здоровье Федора Карловича, из-за болезни у него развивалась астма, он вынужден был подать прошение об отставке с просьбой о поселении в Крыму. В Крым переехал в возрасте 45 лет. Уезжая из Петербурга, он был очень болен, и родные боялись, что он не доедет живым. Его внимание в Крыму привлекал целебный климат. Современники впоследствии отмечали, что здесь в благодатном после Петербурга климате, на вольном воздухе, среди садов Мильгаузен стал быстро выздоравливать [Белова, 2001].

Федор Карлович приобрел имение в 1819 г. у наследников члена Таврического областного правления Герасима Ивановича Беляева. К этому времени это было довольно расстроенное хозяйство, поэтому через год новый владелец приступил к благоустройству имения и строительству дома [Там же]. Это одно из немногих строений в городе, сохранившихся со дня основания. Дом был главным строением обширной загородной усадьбы, расположенной на правом берегу реки Салгир. Усадьба включала хозяйственный двор со службами и мельницей и фруктовый сад площадью около 60 га [Чернецкая, Олейникова, Асанова, 2014]. Одноэтажный барский дом, с мезонином и двумя симметрично расположенными флигелями, построен в стиле «усадебного классицизма». Строение выполнено из штучного камня-известняка. Дом одноэтажный, в плане прямоугольный с мезонином. К южному фасаду, выходившему в сад, примыкала терраса с портиком, который включал в себя четыре колонны тосканского ордера, мезонин венчали фронтоны. Порттик из четырех колонн поддерживал открытый на всю плоскость стены балкон мансарды. Традиционная схема трехчастной объемно-пространственной композиции дома, его стилевая особенность позволяют отнести это сооружение к раннему классицизму.

Знаменитые гости дома

Занимаясь врачебной деятельностью, он быстро заслужил авторитет среди простого народа: «Мильгаузен навсегда здесь [в Симферополе] поселился, выстраивает дом, рассаживает сад, лечит без денег и успел в короткое время приобрести любовь и почтение» [Гераков, 1828-1830].

Федор Карлович был превосходным врачом и разносторонне образованным человеком. В его доме в Симферополе бывали многие известные люди: ботаник Х.Х. Стевен, художник И.К. Айвазовский, литератор В.Г. Белинский, поэты В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков, актер театра М.С. Щепкин, историк П.И. Кеппен, хирург Н.И. Пирогов и многие другие. В сентябре 1820 г. доктор Мильгаузен у себя дома лечил тяжело больного Александра Сергеевича Пушкина, когда поэт путешествовал по Крыму. А.С. Пушкину предоставили флигель, здесь ему оказывали надлежащее лечение и уход. Здесь ему было уютней, чем в доме. Из комнаты, где расположился поэт, по его просьбе были вынесены ковры и картины. Много времени А.С. Пушкин проводил за столом. Вскоре болезнь отступила, и он стал много времени проводить в саду. Поэт любил ходить по дорожкам, проложенным вокруг каштана, сидел на скамье в его тени в солнечную

погоду. Перед отъездом А.С. Пушкин в благодарность подарил автограф, который стал семейной реликвией. Бывший заведующий Крымским областным комитетом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) А.И. Полканов в 1921 г. видел на стене кабинета Ф.К. Мильгаузена, в рамке под стеклом, неизвестный автограф А.С. Пушкина. Он представлял собой четверостишие с рисунком под ним. Почти 100 лет в одной из комнат дома в рамке висело, написанное рукой поэта, стихотворение в память об этих днях. В 1924 г. дальние родственники Мильгаузена вывезли всю обстановку дома в Москву, и следы этой реликвии затерялись¹.

Каштан

Имя К.Ф. Мильгаузена – в числе первых исследователей крымской природы. Он изучал флору и фауну Крыма, посадил вокруг своего дома чудесный сад, который стал образцом садовой культуры того времени.

В 1829 г. Федор Карлович с женой и детьми посадили пять саженцев, которые со временем срослись вместе. Пятиствольный каштан, объявленный памятником природы в 1972 г., и сейчас цветет и плодоносит, служит живой памятью об удивительном человеке.

В 1821 г. Мильгаузен создал первую в Крыму частную метеостанцию, сам вел систематические метеорологические наблюдения вплоть до 1853 г. Врач был действительным членом Московского общества испытателей природы, которому он подарил обширную коллекцию насекомых Крыма, а будущему Ботаническому саду в Петербурге – гербарий флоры Крыма и Закавказья.

В апреле 1846 г. общественность Крыма отмечала 50-летие врачебной деятельности ученого. Мильгаузену подарили серебряную вазу, которую расписал художник И.К. Айвазовский. На одной стороне вазы он изобразил Федора Карловича на фоне горы Чатыр-Даг, врач сидел в кресле, а ему с поклоном подносили хлеб-соль русский мужик, за ним в этнических костюмах стояли крымец (крымский татарин), немец, караим, еврей, армянин. Айвазовский отобразил тот факт, что Мильгаузен уважительно относился к культуре каждого крымского этноса [Сефер, 2017].

Заключение

Федора Карловича Мильгаузена не стало 23 марта 1853 г., ему было 77 лет. Он прожил длинную и в высшей степени достойную жизнь. Проводить его в последний путь вышел весь город Симферополь. На траурном митинге Мильгаузена звучали слова пастора Килиуса, врача Андрея Федоровича Аредта, раввина и многих соотечественников. На похороны Мильгаузена приехали отдать дань памяти немецкие колонисты со всего Крыма. В похоронах также приняли участие представители многочисленных этносов полуострова. Добрый, отзывчивый и бескорыстный врач 33 года прожил в Симферополе. Он сделал неоценимо много для развития в Крыму медицины, агрономии, географии, природоведения, истории и краеведения. Дом Мильгаузена – это не только память о хозяине, но и выдающихся деятелей русской культуры, которые лечились или были в гостях у Федора Карловича. Сохранение усадьбы, пережившей многие войны и потрясения, является обязанностью нашего поколения.

¹ Крымский облгосархив. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 330. Л. 9-18.

Библиография

1. Белова С.Л. Симферополь. Этюды истории, культуры, архитектуры. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. 183 с.
2. Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям: в 2 т. Петроград, 1828-1830.
3. Сефер К.Э. Диалог культур: Айвазовский и крымцы // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы формирования и развития научного пространства». Саратов, 2017. С. 84-89.
4. Чернецкая О.В., Олейникова А.И., Асанова Л.А. (сост.) Симферополь: самое интересное. Симферополь, 2014. 64 с.

The estate of F.K. Milgauzen in Simferopol

Il'mira Ya. Bilyalova

Senior Lecturer at the Department of fine art,
Crimean Engineering and Pedagogical University,
295015, 8 Uchebny ln, Simferopol, Russian Federation;
e-mail: ibilyalova@list.ru

Lenara M. Bilyalova

Lecturer at the Department of fine art,
Crimean Engineering and Pedagogical University,
295015, 8 Uchebny ln, Simferopol, Russian Federation;
e-mail: Lenara_77@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to Fedor Karlovich Milgauzen, a well-known doctor, one of the chief medical specialists of the Russian army, who was the owner of an estate in Simferopol. After retiring due to illness, Fedor Karlovich Milgauzen went to Crimea in 1820 as an official for special medical missions and settled in Simferopol. The authors of the article pay attention to the fact that Fedor Karlovich Milgauzen took an active part in the elimination of the cholera and plague epidemics in the Crimea in 1829 and 1833. The famous doctor patronized the hospice, the men's gymnasium, the city library, and the prison committee of Simferopol. Fedor Karlovich Milgauzen was an excellent doctor, scientist, botanist, meteorologist, he was the founder of the Simferopol weather station. From 1821 until the end of his life, he conducted meteorological observations. Fedor Karlovich Milgauzen kept his love and devotion to the chosen profession for many years. Talent and professionalism, as well as the willingness to share the accumulated medical experience, wisdom, and goodwill always attracted patients. The house of Fedor Karlovich Milgauzen bears the memory of the life of the owners and their guests. It is an architectural monument of the Crimea of the late 18th and the early 19th centuries.

For citation

Bilyalova I.Ya., Bilyalova L.M. (2021) Usad'ba F.K. Mil'gauzena v Simferopole [The estate of F.K. Milgauzen in Simferopol]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 98-102. DOI: 10.34670/AR.2021.95.13.011

Keywords

Crimea, estate, doctor, public figure, scientist, botanist, meteorologist.

References

1. Belova S.L. (2001) *Simferopol'. Etyudy istorii, kul'tury, arkhitektury* [Simferopol. Sketches of history, culture, architecture]. Simferopol: Tavriya-Plyus Publ.
2. Chernetskaya O.V., Oleinikova A.I., Asanova L.A. (comp.) (2014) *Simferopol': samoe interesnoe* [Simferopol: the most interesting sites]. Simferopol.
3. Gerakov G.V. (1828-1830) *Putevye zapiski po mnogim rossiiskim guberniyam: v 2 t.* [Travel notes on many Russian provinces: in 2 vols.] Petrograd.
4. Sefer K.E. (2017) *Dialog kul'tur: Aivazovskii i krymtsy* [The dialogue of cultures: Aivazovsky and the Crimean Tatars]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy formirovaniya i razvitiya nauchnogo prostranstva"* [Proc. Int. Conf. "Topical issues of the formation and development of the scientific space"]. Saratov, pp. 84-89.

УДК 75.03

DOI: 10.34670/AR.2021.49.49.012

О взаимосвязи социального и религиозного контекста в творчестве русских живописцев второй половины XIX века

Шахова Илона Валерьевна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Ленина, 20;
e-mail: i.shakhova@365.rsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируется ряд социокультурных и художественных особенностей творчества русских живописцев второй половины XIX века, особое внимание уделяется религиозному аспекту в их наследии. Обосновываются причины обращения ими к данной тематике, делается попытка обосновать амбивалентность религиозного сознания. В качестве примеров используются не только работы известнейших мастеров исследуемого периода (Н.В. Неврев, В.В. Пукирев, И.Е. Репин), но и картины не столь популярных в наши дни живописцев (Г.С. Седов, В.Н. Пчелин).

Для цитирования в научных исследованиях

Шахова И.В. О взаимосвязи социального и религиозного контекста в творчестве русских живописцев второй половины XIX века // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 103-109. DOI: 10.34670/AR.2021.49.49.012

Ключевые слова

Русское искусство, 19 век, русская живопись, Неврев, Пукирев, Репин, Седов, Пчелин, социокультурные особенности, духовенство, интеллигенция, религиозное мировосприятие, религиозное сознание, религиозная тематика.

Введение

На сегодняшний день необходимо расширить представления о проблеме религиозности в русской живописи, а что-то и переосмыслить. Учитывая духовные поиски современного российского общества, существует необходимость в актуализации христианской проблематики. Хотя для многих живописцев второй половины XIX века типичным было обращение к бытовой теме, ряд работ во многом были созданы под впечатлением от собственного религиозного опыта. Творчество художников рассматривается как явление светское, но имеющее определенные формы религиозного мировосприятия.

Социокультурные особенности развития российского общества во второй половине XIX века

Социально-политическое, экономическое развитие страны исследуемого периода показывает, что хотя реформа 1861 г. способствовала росту капиталистического уклада в экономике, но сохранялись многочисленные крепостнические пережитки. Воплощение реформ в жизнь происходило очень сложно: разрабатывали их молодые либералы, а претворяли в жизнь престарелые чиновники-консерваторы; либеральные реформы затронули многие стороны общественной жизни, но фактически ни одна из реформ не была успешно завершена.

Во второй половине XIX века, согласно Своду законов Российской империи, население страны делилось на четыре основных части: дворянство, духовенство, городские (почетные граждане, купцы, мещане, ремесленники) и сельские (крестьяне, казаки) обыватели [Свод законов Российской империи, www].

Подавляющим слоем населения было крестьянство. В результате многовекового существования общины им было свойственно чувство справедливости, коллективизма, уважение старших, почтительное отношение к носителям традиции, а также восприятие императора как заступника, стража справедливости. Отмена крепостного права привела к расслоению крестьян, выражавшемуся не только в имущественном плане, но и в отношении к хозяйствованию. Некоторые продолжали придерживаться традиций отцов и дедов, а другие, напротив, желали вести самостоятельное хозяйствование, выйдя из общины. Перемены, пришедшие в деревню, меняли устоявшиеся веками привычки. Хотя, к примеру, наемных рабочих из деревни старались нанимать в период от Покрова до Пасхи, чтобы была возможность сочетать сельскохозяйственный и промышленный труд. Соответственно, представители российского пролетариата были заняты не только в сельском, промысловом хозяйстве, но и в фабрично-заводском, горно-добывающем и железнодорожном деле.

Выросла численность дворянства, произошел мощный приток выходцев из других слоев населения. Реформа 1861 г. привела к началу постепенного ослабления экономического преимущества этого сословия. Резко стало сокращаться число помещиков среди дворян, а те, которые оставались таковыми, были обладателями мелких хозяйств, которыми управляли неумело, пользуясь дедовскими методами, что, в конечном счете, приводило к разорению. Правда, многие дворяне стали заниматься промышленной и предпринимательской деятельностью, а некоторые пополнили ряды врачей, учителей, юристов. В дворянской среде произошло расслоение, приведшее к утрате господствующего положения в российском обществе. Ведь политическая власть перешла фактически к чиновникам, экономическая – к представителям буржуазии, интеллектуальная – к интеллигентам, а некогда процветающее дворянство медленно стало изживать себя.

Интеллигенцию представляли в основном дворяне. Число представителей интеллигенции возросло после отмены крепостного права и либеральных реформ 1860-1870-х гг., когда образование стало гораздо доступнее. На смену дворянской пришла новая культура, главную роль в которой стали играть разночинцы. Большинство теоретиков и практиков теперь были выходцами из простого народа. Так, Н.Г. Чернышевский, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.М. Васнецов были сыновьями священников; из купеческих семей вышли И.К. Айвазовский, И.И. Шишкин. А.П. Чехов был сыном мелкого торговца, И.Н. Крамской происходил из семьи мелкого чиновника, В.И. Суриков – из сибирских казаков, И.Е. Репин – из военных поселян. Нужды народа были понятны этим людям, они хотели просвещать его, работать для него. На первом месте у представителей интеллигенции стояла свобода самовыражения, зачастую ущемлявшаяся властями. Согласно Б.А. Успенскому: «Интеллигенция прежде всего осмысляет себя в отношении к власти (в частности, к царю как олицетворению власти) и к народу. Отношение к власти и к народу определяет, так сказать, координаты семантического пространства, положительный и отрицательный полюсы: интеллигенция противопоставляет себя власти, и она служит народу (которому она, тем самым, фактически также себя противопоставляет)» [Успенский, 1999, 9]. Русскую интеллигенцию отличает оппозиционность к любому политическому режиму, религиозным или же идеологическим установкам. Интеллигенты сродни монахам, они в некотором смысле должны были отказаться от материальных благ, сосредоточившись в первую очередь на духовном. В формировании русской интеллигенции большую роль сыграли выходцы из духовенства.

Духовенство было особым сословием. С XVII века приход передавался по наследству сыну священника или ближайшему родственнику, так что постепенно белое духовенство превратилось в замкнутое сословие. Сословные перегородки были уничтожены в 1867 г., когда Синод принял решение о ликвидации наследственности приходов, что способствовало обновлению этого сословия.

Проявление религиозного мировосприятия художниками второй половины XIX века

Вышеописанные факты были интересны и важны передовым художникам второй половины XIX века. В это время в изобразительном искусстве одну из ведущих позиций стала занимать живопись бытовой направленности, но немало появлялось полотен, в которых использовались евангельские образы, образы служителей церкви, через которые можно проследить изменения в проявлении религиозного мировосприятия. При этом живописцы уделяли внимание как нравственному, так и социально-историческому аспектам. В 1860-е гг. стали особо проявляться кризисные стороны религиозного мировоззрения. М.В. Москалюк указывает, что «... религиозное сознание, обозначающееся через творчество художников-передвижников, дает систему неуравновешенную, противоречивую, кризисную» [Москалюк, 2006, 20]. К примеру, в творчестве знаменитого В.Г. Перова есть как ряд полотен антиклерикального характера, так и являющихся результатом личного религиозного опыта, где на первое место выходит именно моральная и собственно религиозная тема.

Впрочем, эту тенденцию можно обнаружить и в работах мастеров, напрямую не относящихся к товариществу. К примеру, Г.С. Седовым (1836-1886) была написана картина «В жаркий день» (1865). На холсте художник изобразил пышнотелого священнослужителя, спящего в тени развесистого дерева на мягком матрасе, большой пуховой подушке в окружении своей семьи, сидящей во дворе вокруг самовара. Жара передана мастерски: теплый, даже

раскаленный воздух всюду, солнце проникает во все уголки картины, видим переплетение света и тени на добротном доме, на фасаде церквушки на дальнем плане. Чувствуется усмешка в изображении происходящего, в показе далекого от духовных помыслов служителя. Вроде бы добродушный юмор, но стоит присмотреться к рыхлому телу, красному лицу главного героя, как появляется отторжение. В 1869 г. мастер создал полотно «Христос в темнице», в котором и стойкость, и боль, и отчаяние, и терпение. Иисус задумчив, сидит на выступе стены в темнице, на дальнем плане свет выхватывает фигуры стражников. Художник избрал непривычную цветовую гамму одежды Спасителя, синий хитон и пурпурный гиматий. Вероятно, это было сделано для создания эффекта ниспадающих алых тканей по телу Христа и стелющихся красными пятнами по босым ногам его, по холодному полу. Лицо Иисуса спокойно, взгляд твердый, перед нами уже не сомневающийся человек, а решившийся идти до конца. Особое внимание автором уделено левой руке, лежащей на колене и сжавшей в кулак волны тканей. В дальнейшем Г.С. Седов и за границей и на родине будет много работать для церквей, хотя преимущественно знаком он многим как исторический живописец.

В.В. Пукирев (1832-1890) прославился работой «Неравный брак» (1862). Картина не оставила никого равнодушным, не видела еще публика столь обличительную картину, где была передана так правдиво разворачивающаяся драма под темными сводами храма. Последующие работы не принесли такого же успеха, но среди них стоит отметить несколько полотен, продолживших череду жанровых работ 1860-х гг. К примеру, А.С. Варшавский дает меткую характеристику картине «Сбор Руги» (1866): «Бедная, убогая русская деревенька с покосившимися от ветхости, крытыми соломой избами, с разбитой, разъезженной дорогой. Осень уже позолотила деревья, кое-где обнажились ветви, набегают тучи – впереди долгая и тоскливая зима, и далеко не у всех жителей хватит хлеба до следующего урожая. А тут еще объезжает деревушку местный священник; его церковь “ружная”, она не имеет своей земли, и притч обязаны содержать крестьяне. Кто яиц должен дать попу, кто мяса, кто хлебушка. И стоит с мешком возле своей лошади ухмыляющийся поп, и сыплет в мешок хлебушко крестьянин в рваном армяке, в опорках на босу ногу, худой, несчастный» [Варшавский, 1963, 105]. Ярким персонажем здесь также является задумчиво идущая женщина, несущая корзину с едой. Картина «Дьячок объясняет картину страшного суда» (1868) являет собой жанровую сцену, не столь саркастического, сколько иронического содержания. Выразительны главные персонажи: дьячок, пугающий муками ада; мальчик, в страхе прижавшийся к матери; сидящая за столом пожилая крестьянка, о чем-то задумавшаяся и опечалившаяся; пожилой крестьянин, слушающий с неким недоверием.

Учился вместе с В.В. Пукиревым исторический и жанровый художник Н.В. Неврев (1830-1904) – яркий представитель передвижников. Хотя есть определенная общность тематики его полотен с работами В.Г. Перова, картины Н.В. Неврева отличаются самобытностью и оригинальностью. Полотно «Панихида на сельском кладбище» (1865) запрещали экспонировать и даже делать репродукции за гневное разоблачение церковников. В 1866 г. им был написан «Протодьякон, провозглашающий многолетие на купеческих именинах». В этой работе живописец вновь обращается к антиклерикальной теме, но в то же время, как знаток купеческого быта, он мастерски показывает московское купечество. Картина получилась очень яркой. Протодьякон не просто является композиционным центром, он фактически заполняет все пространство полотна. Его грузная фигура в ярко-лазоревом одеянии, одутловатое лицо с выпученными глазами громогласно, напряженно воспроизводит «Многая лета» имениннику, стоящему по правую руку и наливающему бокал вина, видимо, для исполнителя. Остальные персонажи также очень выразительны, автор не скрывает своего саркастического отношения к

происходящему. Об этой картине много говорили, отмечали выразительность образов [Артемов, 2004]. Трудно не согласиться с А.С. Варшавским: «Бессмысленное лицо дьякона, его разверстый рот, выкатившиеся от натуги, от излишнего тщания чуть ли не на лоб глаза, всю его диковинную фигуру никогда не забудешь, увидев картину» [Варшавский, 1963, 111-112]. Картина из-за сюжета не была допущена на конкурс Общества поощрения художников.

В 1870-е гг. появится еще один выразительный вариант изображения протодьякона, но вышедший уже из-под кисти И.Е. Репина (1844-1930). Вернувшись в 1876 г. из заграничной поездки, он не находит общий язык с И.Н. Крамским и поддержки среди друзей и, спустя время, уезжает в родной Чугуев (Харьковская область). Именно здесь создаст целую серию так называемых «чугуевских портретов», которые в 1878 г. будут выставлены на выставке Товарищества передвижников. Среди прочих окажется и «Протодьякон» (1877), эту работу великий князь Владимир Александрович даже запретит посылать на Всемирную выставку в Париж, чтобы не показывать французам такой портрет духовного лица. Прототипом выступил дьякон Иван Уланов, увиденный художником однажды в церкви. И.Е. Репин был великим психологом-портретистом. Пред нами высокий властный мужчина с посохом в руках. Живописец писал И.Н. Крамскому: «Это экстракт наших дьяконов, этих львов духовенства, у которых ни на одну йоту не попадаете ничего духовного – весь он плоть и кровь, лупоглазие, зев и рев, рев бессмысленный, но торжественный и сильный, как сам обряд в большинстве случаев» [Дядьковская, 1949, 125]. Не пройдет через цензуру и «Отказ от исповеди перед казнью» (1879-1885). Огромное впечатление произвела написанная в 1880-1883 гг. картина «Крестный ход в Курской губернии». С.А. Королева замечает: «Консервативно настроенные слои общества тут же подняли вокруг нее агрессивную полемику. В реакционной печати работу ругали за несправедливое обличение и ядовитый сарказм. Но все друзья художника, передовая молодежь, студенты, интеллигенция и образованные разночинцы приняли ее с восторгом» [Королева, 2010, 20].

Одним из учеников И.Е. Репина был В.Н. Пчелин (1869-1941), художник, писавший до революции в основном жанровые картины. На XXV передвижной выставке им была представлена работа «Жертва на монастырь» (1897). В журнале «Нива» от 1897 г. можно познакомиться с гравюрой картины, а в пояснениях «к рисункам» прочитать следующее: «Напряженные лица самого “благодетеля” и внимательно сидящего за ним молодого человека, вероятно, сына, точно боящегося, чтобы отец “не очень расщедрился”, и смиренная фигура монаха говорит нам, что здесь происходит один из актов “спасения души”, что здесь приносят “жертву” не по влечению сердца, а по другим побуждениям чисто мирского характера. Но ведь “всякое деяние благо”. Это, очевидно, и думает смиренный служитель церкви на картине г. Пчелина» [К рисункам, 1897, 400]. Знаменателен тот факт, что подобная трактовка картины была опубликована в самом распространенном иллюстрированном издании тех времен.

Заключение

На протяжении долгого времени в силу ряда идеологических причин религиозная проблематика в творчестве художников второй половины XIX века была почти закрытой, но с течением времени исследованию религиозности искусства стало уделяться все больше внимания. Рассмотренные полотна являются результатом религиозного опыта творческой интеллигенции, обращавшей свое пристальное внимание и на крестьянство, и на дворянство, и на духовенство. Через их художественное творчество можно увидеть специфику духовной

жизни русского общества второй половины XIX века, появившийся в ходе социально-политических и экономических изменений в стране. Можно обозначить следующую особенность: ряду мастеров исследуемого периода была свойственна амбивалентность религиозного сознания в отношении к церкви как социокультурному институту и восприятию понятия веры, что нашло отражение, к примеру, в выборе образов и сюжетов.

Библиография

1. Варшавский А.С. Крамольные полотна. М.: Детгиз, 1963. 160 с.
2. К рисункам // Нива. 1897. № 17. С. 399-402.
3. Москалюк М.В. Мировоззренческие и художественные особенности творчества передвижников: религиозный аспект: автореф. дис. ... доктора искусствоведения. М., 2006. 46 с.
4. Николай Неврев / авт. текста В.В. Артемов. М.: Белый город, 2004. 48 с.
5. Репин / авт. текста С.А. Королева. М.: Директ-Медиа: ЗАО «Издат. дом “Комсомольская правда”», 2010. 48 с.
6. Репин, Илья Ефимович (1844-1930) Переписка. 1873-1885. / И.Е. Репин, И.Н. Крамской; Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Т.А. Дядьковской; [Предисл. Л. Тарасова]. М.; Л.: Искусство, 1949 (М.: тип. «Кр. печатник»). 208 с.
7. Свод законов Российской Империи. Том IX. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/205/>.
8. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997 / Сост. Б.А. Успенский. М. Венеция, 1999. 150 с.

On the relationship between social and religious context in the works of Russian painters of the second half of the XIX century

Ilona V. Shakhova

PhD of culturology,
Associate professor at the Department of culturology,
Ryazan state university named after S.A. Yesenin,
390000, 20 Lenina st., Ryazan, Russian Federation;
e-mail: i.shakhova@365.rsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes a number of socio-cultural and artistic features of the work of Russian painters of the second half of the XIX century. Special attention is paid to the religious aspect in their heritage. The reasons for their appeal to this topic are substantiated, and an attempt is made to justify the ambivalence of religious consciousness. As examples, we use not only the works of the most famous masters of the studied period (N. V. Nevrev, V. V. Pukirev, I. E. Repin), but also paintings by less popular painters (G. S. Sedov, V. N. Pchelin). Artists' creativity is considered as a secular phenomenon, but it has certain forms of religious perception of the world. The canvases considered are the result of the religious experience of the creative intelligentsia, who paid close attention to the peasantry, the nobility, and the clergy. Through their artistic work, you can see the specifics of the spiritual life of Russian society in the second half of the XIX century, which appeared during the socio-political and economic changes in the country. It is possible to identify the following feature: a number of masters of the studied period were characterized by ambivalence of religious consciousness in relation to the Church as a socio-cultural institution and the perception of the concept of faith, which was reflected, for example, in the choice of images and subjects.

Ilona V. Shakhova

For citation

Shakhova I.V. (2021) *O vzaimosvjazi social'nogo i religioznogo konteksta v tvorčestve russkih zhivopiscev vtoroj poloviny XIX veka* [On the relationship between social and religious context in the works of Russian painters of the second half of the XIX century]. *Kul'tura i civilizacija* [Culture and civilization], 103-109. DOI: 10.34670/AR.2021.49.49.012

Keywords

Russian art, 19th century, Russian painting, Nevrev, Pukirev, Repin, Sedov, Pchelin, socio-cultural features, clergy, intelligentsia, religious worldview, religious consciousness, religious themes.

References

1. Varshavskij A.S. (1963) *Kramol'nye polotna* [Seditious canvases]. Moscow, Detgiz Publ.
2. *K risunkam* (1897) [To drawings]. Niva [Niva]. № 17, pp. 399-402.
3. Moskaljuk M.V. (2006) *Mirovozzrencheskie i hudozhestvennye osobennosti tvorchestva peredvizhnikov: religioznyj aspect* [The ideological and artistic features of works of the Wanderers: the religious aspect]: avtoref. dis. ... doktora iskusstvovedenija. Moscow.
4. *Nikolaj Nevrev* (2004) [Nikolai Nevrev], avt. teksta V.V. Artemov. Moscow, Belyj gorod Publ.
5. *Repin* (2010) [Repin], avt. teksta S.A. Koroleva. Moscow, Direkt-Media Publ, ZAO «Izdat. dom “Komsomol'skaja pravda”» Publ.
6. *Repin, Il'ja Efimovich (1844-1930) Perepiska. 1873-1885* (1949) [Repin, Ilya Efimovich (1844-1930) Correspondence. 1873-1885], I.E. Repin, I.N. Kramskoj; Pis'ma podgot. k pečati i primech. k nim sost. T.A. Djad'kovskoj; [Predisl. L. Tarasova]. Moscow; Leningrad, Iskusstvo Publ, (Moscow, tip. «Kr. pechatnik» Publ).
7. *Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Tom IX* [Code of laws of the Russian Empire. Volume IX]. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/205/>.
8. Uspenskij B.A. (1999) *Russkaja intelligencija kak specificheskij fenomen russkoj kul'tury* [Russian intelligentsia as a specific phenomenon of Russian culture]. *Russkaja intelligencija i zapadnyj intellektualizm: istorija i tipologija* [*Russian intelligentsia and Western intellectualism: history and typology*]: materialy mezhdunar. konf., Neapol', maj 1997, Sost. B.A. Uspenskij. Moscow, Venecija, pp. 7-19.

УДК 130.2:338.48**DOI: 10.34670/AR.2021.73.68.013****Аутентичность и коммодификация культурного туризма****Белкина Светлана Валентиновна**

старший преподаватель кафедры туризма

Крымский университет культуры, искусств и туризма
295017, Российская Федерация, Симферополь, ул. Киевская, 39;

e-mail: svbelkina7@gmail.com.

Аннотация

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам аутентичности и коммодификации культурного продукта в индустрии туризма. Рассмотрены подходы к определению аутентичности в туристской практике: объектно-обусловленная («объективистская», «конструктивистская»), деятельностьно-обусловленная («экзистенциальная») и искусственно созданная аутентичность. Также выявлена специфика аутентичности и коммодификации культурного продукта в современных условиях, в частности с позиции экономики впечатлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Белкина С.В. Аутентичность и коммодификация культурного туризма // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 110-116. DOI: 10.34670/AR.2021.73.68.013

Ключевые слова

Аутентичность культурного продукта, коммодификация культурного продукта, культурный туризм.

Введение

В современных условиях все большую актуальность приобретает рассмотрение аспектов аутентичности и коммодификации культурного продукта в индустрии туризма. Это связано с тем, что культурные ресурсы являются основой культурного туризма, а также частью других видов туризма. Культурное наследие представляет собой один из наиболее востребованных сегодня культурных ресурсов, в том числе и в индустрии туризма, способствующий устойчивому социально-экономическому развитию территории. Оно необходимо для реализации потенциала дестинации и развития туризма. Наследие становится отдельной индустрией, благодаря которой создается продукт, удовлетворяющий культурные потребности людей (местного населения, туристов). В данном ключе объекты «наследия становятся туристическими аттракциями и туризм превращает их в экономически востребованные экспонаты» [Чепайтене, 2010, 181].

Важной тенденцией развития туристского рынка является коммодификация или товаризация культурного наследия, обусловленная тем, что любой интересный и аттрактивный для туриста культурный материальный и нематериальный объект можно продать на рынке как товар [Карпова, Хорева, 2016, 10]. Ярким примером является, например, концепция экономики впечатлений [Гилмор, Пайн, 2005], основанная на удовлетворении потребностей туристов благодаря созданию ярких, уникальных эмоций и переживаний, являющихся частью любого культурного продукта. В настоящее время отмечается противоречие в вышеупомянутой концепции: «чем более вымышленным кажется мир, тем больше мы требуем того, что является реальным» [Гилмор, Пайн, 2009].

Основные подходы к определению аутентичности в сфере культурного туризма

Аутентичность в традиционном понимании рассматривается как «подлинность артефактов культуры, материального и нематериального культурного наследия, включенного в туристский продукт» [Мошняга, 2010, 110]. Причем, критерий аутентичности, как отмечает Е.В. Мошняга, не является универсальным, поскольку у потребителей будут разные ожидания относительно подлинности культурного продукта.

Кроме того, в настоящее время появился другой тип туризма под названием туризм впечатлений, рассматриваемый как «современная итерация культурного туризма» [Карпова, Хорева, 2016, 8]. В связи с чем, необходимо обратиться к понятию аутентичности в контексте экономики впечатлений как «новой покупательской восприимчивости» [Гилмор, Пайн, 2009], которая является важным условием признания ценности объектов культурного наследия для его посетителей. Сегодня растет спрос потребителей на аутентичные культурные продукты, оказывающие наибольшее влияние на их впечатления. Поэтому для удовлетворения запросов туристов важную роль играет аутентичность (подлинность) культурного продукта. В данном случае движущей силой туризма является потребность увидеть и ощутить настоящее, подлинное. Данные особенности должны учитывать производители соответствующего культурного продукта.

В туристской практике существует несколько подходов к определению аутентичности [Сущинская, 2012, 110-111]:

- 1) Объектно-обусловленная аутентичность связана с обозреваемым туристским объектом и

основана на двух позициях:

- «объективистская» предполагает, что к аутентичным объектам относятся те, в которых присутствуют черты первозданного оригинала (фольклор, собор, картина) или неподдельного (для туристов) образа обыденной жизни;

- «конструктивистская» аутентичность связана с созданием символических образов и значений с использованием технологии ассоциаций с известными людьми, событиями и т.д.

2) Деятельностно-обусловленная аутентичность («экзистенциальная») имеет отношение к настоящим ощущениям и эмоциям туриста, связанным с постижением отдельных аспектов культуры посещаемой территории.

3) Искусственно созданная аутентичность связана со смещением акцентов в отношении понятия аутентичности от настоящих объектов к «подлинным» впечатлениям, для которых применяются копии, имитации и т.д.

Аспекты аутентичности и коммодификации в сфере культурного туризма

Основные аспекты аутентичности и коммодификации культурного туризма проявляются в следующих шести положениях [Robinson, Phipps, www].

Во-первых, туризм, безусловно, является частью процесса глобализации, который изменил нашу идентификацию местных культур и заменил ее на глобальную осведомленность [Robinson, Phipps, www]. Постоянно расширяющаяся сеть связи, активизация международных транспортных потоков и растущее влияние транснациональных корпораций, снабжающих рынки, способствовали глобализации туризма, культур и экономики. Появилось понятие «глобальная деревня» [Маклюэн, 2003, 43], означающее чувство общности и общих культурных ориентиров, хотя и на все более виртуальном, опосредованном уровне. Таким образом, мировые жители становятся все более любознательными и способными посещать своих соседей по всему миру, о чем говорят прогнозы международных туристских поездок. Поскольку путешествие на большие расстояния становится более легким и дешевым, а развивающийся рынок туризма стремится к дифференциации через новизну, все больше регионов мира входят в индустрию туризма, а культурно ориентированные туристские маршруты становятся все более глобальными. Туристские объекты и события продаются в глобальном масштабе и имеют международное значение и привлекательность, например, растущий список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и международные зрелища, такие как Олимпийские игры.

Во-вторых, возрастающее влияние индустрии туризма, легкость перемещения и постоянное увеличение количества посещаемых мест, обуславливают влияние туризма на подлинность опыта туристов, на культуру местных жителей, на характер взаимоотношений местных жителей и гостей, на создание культурных объектов и событий (но не обязательно всецело) туристами [Robinson, Phipps, www]. Как экономическая деятельность туризм был обвинен в коммодификации культур, поскольку то, что было создано для местного населения, было ориентировано на рынок туризма. Такая коммодификация может разрушить аутентичность местных культурных продуктов и отношений и привести к «организованному» или поддельному опыту, созданному специально для внешних потребителей. Подобная утрата подлинности наносит ущерб местному населению и впечатлению посетителей. Принцип аутентичности сдает свои позиции, поскольку «подлинники поновляют, меняют, «развивают»; научная реставрация заменяется реконструкцией; профессиональное знание о наследии

заменяется компилятивными симулякрами» [Кулешова, 2017, 10]. Так, «при активной популяризации ландшафта, хранящего в себе большой пласт традиционной культуры, возникает опасность её деградации и потери» [Веденин, Кулешова, 2004, 72]. Особенно важно учитывать данное обстоятельство «при включении таких ландшафтов в туристский рынок, когда ценности традиционной культуры становятся туристским продуктом и постепенно превращаются в китч» [Веденин, Кулешова, 2004, 72].

В-третьих, с точки зрения туриста потребление подлинных продуктов и впечатлений может быть рассмотрено как являющееся либо основным смыслом для туризма, либо не имеющее отношения к осуществлению отдыха [Robinson, Phipps, www]. Подумайте об отпуске, который получит путешественник «в стороне от большой дороги», чтобы открыть подлинную культуру отдаленного сообщества. Такой турист будет участвовать в настоящих событиях и ритуалах, покупать предметы аутентичного ремесла, узнавать местных жителей и наслаждаться опытом, основанном на гостеприимстве и дружелюбии. Данный опыт, конечно, отличается от посещения тематического парка, связанного с потреблением симулякра в полностью искусственной, специально созданной среде. Здесь отдыхающий будет потреблять события и продукты, созданные специально для туристского рынка, будет впечатлен неожиданными встречами и ситуациями, которые являются чисто финансовыми и фактически не будет проводить время с местным населением. И тот, и другой отдых являются популярными продуктами мировой индустрии туризма; оба опыта в равной степени «реальны».

В-четвертых, беспокойство также часто возникает в отношении влияния туризма на принимающие сообщества, в частности на характер взаимоотношений хозяев и гостей и культурные продукты этих сообществ [Robinson, Phipps, www]. Коммерциализация отношений между хозяевами и гостями приводит к дискредитации обеих сторон, редуцируя аутентичную традицию гостеприимства к простой коммерческой сделке [Мошняга, 2010, 114]. В данном случае «местные жители могут стать составной частью туристического спектакля» [Чепайтене, 2010, 181].

В-пятых, зрелый туристский рынок также стремится найти более специализированные, нишевые туристские впечатления, и поэтому туристская индустрия предлагает более особенные, интересные праздники в отдаленных местах и знакомство с уникальными, яркими культурами. Критики современной культуры отмечают, что постмодернизм и туризм, лишённые какого-либо местного значения или культуры коренных народов, создали бесприютность пространства [Robinson, Phipps, www]. В этих безлюдных местах культурно обедневшие люди поглощают опосредованные переживания, далекие от подлинной жизни их предков, которая связана с их местностью, землей, древними традициями и их сообществом. В этом мировоззрении современная культура характеризуется и сильно обедняется отсутствием подлинности. И наоборот, постмодернистские теоретики и пост-туристы не заботятся о проблемах подлинности, которые теперь анахроничны. В этом видении мира все места одновременно являются реальными и недостоверными, а традиционные границы, существующие между реальным и поддельным, растворились.

В-шестых, один из подходов к вопросу о влиянии туризма на подлинность основан на предположении, что существуют реальные и подлинные туристские впечатления и продукты, которые могут быть получены как таковые, но, может быть, их не легко найти в современном обществе. В соответствии с уровнем ожиданий аутентичности артефактов культуры в составе туристского продукта выделяют следующие группы путешественников: ожидающие полной культурно-исторической подлинности на основе имеющихся знаний (могут оценить объект);

считающие подлинным те артефакты культуры, которые претерпели частичные изменения со временем или с учетом рыночного спроса (например, реставрированные объекты культурного наследия); не стремящиеся к исторической подлинности объектов и явлений культуры (например, постановочные обряды) [Мошняга, 2010, 110-111]. Важность относится к объектам, сделанным из того, что мы считаем подлинными материалами, а также местными ремесленниками или событиями и ритуалами, которые мы воспринимаем как традиционные эманации подлинной культуры [Robinson, Phipps, www]. Объективная аутентичность относится к авторитету оригиналов. Соответственно, аутентичный опыт в туризме приравнивается к эпистемологическому опыту (то есть познанию) подлинности оригиналов [Robinson, Phipps, www]. Как только посетители начинают прибывать, сообщества создают искусственно организованные мероприятия, чтобы удовлетворить желания своих гостей в подлинных, красочных культурных эманациях. Между тем реальная жизнь продолжает оставаться за кулисами. Области за кулисами становятся «Святыми Граалями» для приключений независимых путешественников. Там находится правда, но она недоступна для посторонних. Если объективный подход к аутентичности предполагает, что существует реальный туристский опыт, если только мы можем его отследить, то конструктивная же парадигма утверждает, что реальность на самом деле является созданным явлением. Она создается в наших собственных умах, на которые влияет наше личное мировоззрение и внешние социальные, культурные и политические факторы. Таким образом, представления о том, что является подлинным, не считаются статическими, но они могут появляться со временем и являются относительными и согласованными. В результате, если полученный туристский опыт соответствует целям, мотивам путешественников, то его можно назвать аутентичным [Мошняга, 2010, 110]. Требования повседневной жизни привели к опасениям, что мы упускаем из виду наши истинные «я» (более простые, более веселые, естественные «я», которые подавляются работой и обязанностями). Ритуалы туризма включают в себя расслабление, свободу от ограничений. Поэтому сам туризм можно рассматривать не как разрушающее и коммодификационное влияние, но как способ быть подлинным и естественным [Robinson, Phipps, www]. Туристы, вовлеченные в активное участие, а не наблюдение, с большей вероятностью испытывают чувство экзистенциальной аутентичности. В нашей повседневной жизни существует немного возможностей и мест, где можно испытать такую аутентичность, и поэтому те среды, которые предлагают такую возможность, становятся все более ценными. Например, в туристской деятельности, которая включает тесную связь с сельской местностью, аспекты аутентичности и коммодификации, связанные с кемпингом или пешеходным туризмом, пользуются популярностью, потому что они позволяют людям проверить свои возможности и заново открыть себя.

Выводы

Таким образом, к основным теоретическим и практическим аспектам аутентичности и коммодификации культурного продукта в индустрии туризма можно отнести: влияние туризма на подлинность опыта туристов, на культуру местных жителей, на характер взаимоотношений местных жителей и гостей, на создание культурных объектов и событий туристами; создание «организованного» или поддельного опыта и утрата аутентичности, связанные с коммодификацией, наносят ущерб местному населению и впечатлениям посетителей; потребление подлинных продуктов и впечатлений туристами или потребление симулякра;

аутентичная традиция гостеприимства сводится к простой коммерческой сделке; постмодернизм и туризм создали бесприютность, в связи с чем современная культура характеризуется и сильно обедняется отсутствием подлинности, а также постмодернистские теоретики и пост-туристы не заботятся о проблемах подлинности; туризм можно рассматривать не как разрушающее и коммодификационное влияние, но как способ быть подлинным и естественным.

При этом главные проблемы, связанные с аутентичностью и коммодификацией в туризме, основываются либо на тех изменениях, к которым он привел в месте пребывания, или на его воздействии на культуру самих туристов [Robinson, Phipps, www]. В данном ключе дискуссии вращаются вокруг путешествующих, характера их отношений с местным населением и культурными продуктами, столь важными для индустрии туризма. Также аутентичность занимает важное место в восприятии культурного наследия как продукта культурного туризма, поскольку в данной сфере сегодня растет спрос потребителей на подлинные культурные продукты, оказывающие наибольшее влияние на их впечатления.

Библиография

1. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. (ред.) Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия, 2004. 620 с.
2. Гилмор Дж., Пайн Дж. Аутентичность: чего по-настоящему хотят потребители. Санкт-Петербург: Best business books, 2009. 347 с.
3. Гилмор Дж., Пайн Дж. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005. 171 с.
4. Карпова Г.А., Хорева Л.В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т.10. № 9 (70). С. 6-14.
5. Кулешова М.Е. (ред.) В фокусе наследия: сборник статей, посвященных 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. М.: Институт географии РАН, 2017. 688 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
7. Мошняга Е.В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации: монография. М.: Советский спорт, 2010, 218 с.
8. Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 298 с.
9. Сущинская М.Д. Развитие модели туризма впечатлений в культурном туризме // Известия СПбГЭУ. 2012. № 2. С. 107-111.
10. Robinson M., Phipps A. Cultural Tourism in a Changing World. Politics, Participation and (Re) presentation URL: <http://www00.unibg.it/dati/corsi/44108/50648-smith-robinson-proofs.pdf>.

Authenticity and commodification of cultural tourism

Svetlana V. Belkina

Senior Lecturer, Department of Tourism
Crimean University of culture arts and tourism,
295017, 39 Kievskaya st., Simferopol, Russian Federation;
email: svbelkina7@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the theoretical and practical aspects of the authenticity and commodification of a cultural product in the tourism industry, which are manifested in the following:

Authenticity and commodification of cultural tourism

the influence of tourism on the authenticity of the experience of tourists, on the culture of local residents, on the nature of the relationship between local residents and guests, on the creation of cultural objects and events by tourists; the creation of "organized" or bogus experiences and the loss of authenticity associated with commodification are detrimental to the local population and the visitor experience; consumption of genuine products and experiences by tourists or consumption of simulacrum; an authentic tradition of hospitality comes down to a simple business deal; postmodernism and tourism have created homelessness, in connection with which modern culture is characterized and severely impoverished by a lack of authenticity, and postmodern theorists and post-tourists do not care about issues of authenticity; tourism can be seen not as a destructive and commodifying influence, but as a way to be authentic and natural. Approaches to the definition of authenticity in tourist practice are considered: object-conditioned ("objectivist", "constructivist"), activity-conditioned ("existential") and artificially created authenticity. It also reveals the specificity of the authenticity and commodification of a cultural product in modern conditions, in particular from the standpoint of the economy of impressions.

For citation

Belkina S.V. (2021) Autentichnost' i kommodifikatsiya kul'turnogo turizma [Authenticity and commodification of cultural tourism]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 110-116. DOI: 10.34670/AR.2021.73.68.013

Keywords

Authenticity of a cultural product, commodification of a cultural product, cultural tourism.

References

1. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. (eds.) (2004) *Kul'turnyi landschaft kak ob"ekt naslediya* [Cultural landscape as a heritage site]. Moscow: Institut Naslediya.
2. Gilmor Dzh., Pajm Dzh. (2009) *Autentichnost': chego po-nastojashhemu hotjat potrebiteli* [Authenticity: What Consumers Really Want]. St. Petersburg: Best business books.
3. Gilmor Dzh., Pain Dzh. (2005) *Ekonomika vpechatlenii: rabota – eto teatr, a kazhdyi biznes – stsena* [Experience economy: work is theater, every business is a stage]. Moscow: Publishing house "Williams".
4. Karpova G.A., Khoreva L.V. (2016) Kommodifikatsiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v sisteme uslug kul'turnogo turizma [Commodification of intangible cultural heritage in the cultural tourism]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], Vol. 10, 9 (70), pp. 6-14.
5. Kuleshova M.E. (eds.) (2017) *V fokuse naslediya: sbornik statei, posvyashchennykh 80-letiyu Yu. A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhacheva* [Heritage Focus: A collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Yu. A. Vedenin and the 25th anniversary of the creation of the D.S. Likhachev.]. Moscow: Institut geografii RAN.
6. Maklyuen M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the extensions of man]. Moscow: Publishing house "Kuchkovo Pole".
7. Moshnyaga E.V. (2010) *Kontseptual'noe prostranstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii v turizme v usloviyakh globalizatsii: monografiya* [Conceptual space of intercultural communication in tourism in the context of globalization: monograph]. Moscow: Sovetskii sport.
8. Chepaitene R. (2010) *Kul'turnoe nasledie v global'nom mire* [Cultural heritage in the global world]. Vilnius: EGU.
9. Sushchinskaya M.D. (2012) Razvitie modeli turizma vpechatlenii v kul'turnom turizme [Developing an experience tourism model in cultural tourism]. *Izvestiya SPbGEU* [Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta], 2, pp. 107-111.
10. Robinson M., Phipps A. "Cultural Tourism in a Changing World. Politics, Participation and (Re) presentation", available at: <http://www00.unibg.it/dati/corsi/44108/50648-smith-robinson-proofs.pdf>.

УДК 81.112**DOI: 10.34670/AR.2021.20.40.014****Синхроническое и диахроническое изучение языка****Любезнова Наталья Владимировна**Кандидат филологических наук,
доцентСаратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
410003, Российская Федерация, Саратов, Театральная пл., 1,
e-mail: lubeznovanat@mail.ru**Выходцева Ирина Сергеевна**Кандидат филологических наук,
доцентСаратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
410003, Российская Федерация, Саратов, Театральная пл., 1,
e-mail: amoskvin81@mail.ru**Аннотация**

Статья посвящена определению понятий синхронии и диахронии в языке, делается акцент на том, что эти два подхода к изучению языка взаимосвязаны. Особое внимание обращается на системность диахронии и нестатичность синхронии. Рассматривается связь этих подходов при изучении словообразования. Обсуждению проблем, связанных с определением понятий синхронии и диахронии, разграничением областей и задач синхронических и диахронических исследований, в лингвистической науке отводится особое место. Указанные проблемы всегда входили в число тех кардинальных проблем языкознания, от правильного понимания которых зависит не только общее направление всей массы частных описаний отдельных языков, но и в значительной степени эффективность языковедческих исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Любезнова Н.В. Выходцева И.С. Синхроническое и диахроническое изучение языка // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 117-125. DOI: 10.34670/AR.2021.20.40.014

Ключевые слова

Синхрония, диахрония, словообразование, производность, мотивированность.

Введение

Обсуждению проблем, связанных с определением понятий синхронии и диахронии, разграничением областей и задач синхронических и диахронических исследований, в лингвистической науке отводится особое место. Это не случайно. Указанные проблемы всегда входили в число тех кардинальных проблем языкознания, от правильного понимания которых зависит не только общее направление всей массы частных описаний отдельных языков, но и в значительной степени эффективность языковедческих исследований. Проблемы синхронии - диахронии продолжают интенсивно разрабатываться как у нас в стране, так и за рубежом. Естественно, что в освещении и трактовке данного вопроса появилось много нового материала, который позволяет показать внутреннюю связь, существующую между известной ревизией сложившихся взглядов на соотношение синхронии и диахронии, и теми общими изменениями, которые произошли за последнее время в теории языка в целом.

Синхрония и диахрония

Разграничивая синхронию и диахронию, мы не считаем эти два подхода к языку полными противоположностями. Синхрония и диахрония - это два аспекта одного и того же языка. Ф. де Соссюр говорил, что синхрония статична, а диахрония бессистемна. На наш взгляд, такое понимание этих явлений не соответствует действительности. Во-первых, диахрония, как и синхрония, системна, так как исторические изменения - это не случайные и разрозненные удары, которым подвергается система языка в своём развитии, но и изменения, которые приводят к упрочению, совершенствованию языковой системы. Во-вторых, синхрония не статична. Методологическое обоснование динамического аспекта синхронии содержится уже в философской аксиоме об относительности состояния покоя и абсолютности движения. В теоретической лингвистике на динамику как каузальную часть науки о языке впервые указал Бодуэн де Куртенэ. Изучение языка должно быть синхронным, учитывающим его эволюцию, но не статичным. Синхронное изучение языка представляет не меньше трудностей, чем диахроническое (историческое) исследование.

Изменчивость языка предполагает и предопределяет его изучение как динамической системы. Отрицание динамичности синхронии фактически приводит к отрицанию всякого движения в языке. Движение характерно для любого состояния языка. Изменение - форма существования языка. Оно нехарактерно только для мёртвых языков. Только изменяясь и прогрессируя, язык в состоянии обслуживать постоянно возрастающие потребности общества в своих номинациях, выполнять общественные функции. В то же время язык, чтобы он мог успешно выполнять свои общественные функции, должен быть стабильным, устойчивым.

Понятие динамичности синхронии уже глубоко проникло в методику современных исследований синхронной системы языка. Динамический подход к синхронному изучению лингвистических объектов позволяет выявить различные типы колебаний в функционирующей системе языка. Колебания свойственны каждому срезу языка и проявляются они в самых разных формах на всех уровнях. Их изучение позволяет обнаружить стабильные (неподвижные) и подвижные элементы системы.

Без понятия динамики невозможно изучение проблем варьирования языковых единиц. Дело в том, что каждый синхронный срез характеризуется тем, что в системе языка сосуществуют факты настоящего и элементы «прошлого», а также «ростки будущего». (Ср.: *ворота* и *врата*,

совершить и *свершить*, *отряхнуть* и *отряхивать*). Члены таких пар занимают разное положение в синхронной системе языка и хорошо отражают различные процессы, происходящие в стилистической, семантической, грамматической и словообразовательной подсистемах. Варьирование наблюдается на любом синхронном срезе языка, на всех его ярусах и является объективным показателем совершенствования системы языка.

К динамическому аспекту синхронного изучения языка относится описание всевозможных различий между продуктивными и непродуктивными типами образований, между прогрессирующими и «затухающими» моделями, между регулярными и нерегулярными формами.

Важно также подчеркнуть, что внедрение системного принципа в историю языка (а раньше системность связывали только с синхронией) ознаменовалось новыми успехами не только в изучении организации языка как динамической системы, но и позволило сделать серьёзный шаг вперёд в поисках причин языковых изменений. Исходя из предпосылки об общей согласованности языковых явлений в любом состоянии языка, мы можем предусмотреть, что будет с тем или иным элементом системы, если данный изменится определённым образом: структурные модели, основанные на данном принципе, позволяют поэтому установить число допустимых переходов от одного состояния к другому. Создание подобных моделей означает реальную возможность представить историю языка как цепь трансформаций последовательных состояний языка, связанных сеткой закономерных переходов.

Системность языка требует соответственного его изучения. Особое назначение языка (быть средством коммуникации) ставит неперенным условием в его изучении рассмотрение языка как целенаправленной системы и как системы знаков. Наконец, изменчивость языка обуславливает необходимость его анализа как динамической системы, а особый характер развития этой системы (темпов ее преобразования и неравномерности перестройки отдельных звеньев системы) ведёт в конечном счёте к необходимости разграничить методы изучения разных «состояний» языка. В одном случае мы описываем состояние языка в том его виде, в каком он существует для его носителей. В другом - тоже как часть объективной истории его существования, но под другим углом зрения, то есть в плане происхождения и генезиса систем.

В силу своего назначения язык может существовать только как объект, нестатичный по своей природе. Он должен удовлетворять изменяющимся нуждам своих носителей, и для того, чтобы обеспечить обмен информацией, ее передачу и хранение, он должен развиваться вместе с тем обществом, которое данный язык обслуживает. Но главное свойство языка (служить адекватным средством коммуникации) налагает на систему языка не только вполне определённые требования в смысле постоянного приспособления к новым нуждам и потребностям, но и вполне определённые ограничения. Реальные возможности и пределы перемен в языке всегда не только социально обусловлены, но и социально ограничены.

Развитие языка осуществляется как чрезвычайно медленный процесс, попеременно затрагивающий разные звенья языковой системы, и положение о том, что язык непрерывно изменяется, следует, по всей видимости, понимать лишь в том смысле, что процесс совершенствования и созидания системы языка никогда не прекращается. Это не означает, однако, что язык постоянно перекраивается. Динамика составляет абсолютное и не ограниченное в своих пределах качество живого языка, статика же - свойство относительное, но неограниченное и, главное, временное. Определение тех или иных явлений как устойчивых или, напротив, как нестабильных, подвижных, обязательно предполагает их рассмотрение в определённых исторических границах.

Синхронию и диахронию можно рассматривать как разные системы измерения. В одной из этих систем измерения мы устанавливаем отношения между соответствующими элементами и, анализируя текст как непосредственную данность, определяем распределение элементов и их функциональную нагрузку по соотносительности вычлененных единиц. В другой системе измерения, сравнивая одну непосредственную данность с другой, мы устанавливаем отношения преемственности или отношения замещения и начинаем судить о языковых элементах в терминах взаимозависимости во временном следовании.

Наиболее общей тенденцией, обнаруживаемой сегодня при анализе синхронии - диахронии, является попытка связать ее решение с разработкой методологии языкознания. Иначе говоря, вопрос о соотношении этих понятий нередко переносится в методологическую плоскость и рассматривается как вопрос о разграничении двух научных условных приёмов описания языка. Отсюда полемика по вопросу об эффективности одного метода по сравнению с другим, длительная дискуссия о примате того или другого подхода, спор о принципиальной возможности использования диахронических данных при синхронном исследовании языка. Нам представляется, что акцентирование методических и методологических аспектов рассматриваемой проблемы подменяет вопрос о сущности явления вопросом о приёмах его описания.

Сложный и подчас опосредованный характер связей между объективными свойствами языка и материалом, который наиболее наглядно обнаруживает эти свойства, между особенностями существования языка в тот или иной отрезок исторической действительности и планами их рассмотрения, между наиболее рациональными для данной ситуации способами описания и его конечными целями, заставляет нас признать, что проблема разграничения синхронии и диахронии есть не только методологическая, но и онтологическая проблема.

В следующей части нашей статьи мы хотим рассмотреть понятия синхронии и диахронии применительно к одному языковому, а, именно, к словообразовательному уровню.

Синхронное и диахронное исследование каждого яруса языка имеет свою специфику, что определяется особенностями самого изучаемого объекта. Различается словообразование современного русского языка (или синхронное) и историческое (или диахронное) словообразование. Историческое словообразование связано с этимологией и изучает, когда и каким образом в языке образовалось то или иное производное слово, как менялись его формально смысловые связи с родственными словами, как развивалась его словообразовательная структура. Синхронный словообразовательный анализ опирается на живые отношения между родственными словами и не учитывает этимологических связей, утраченных в ходе развития языка. Например, с точки зрения диахронного словообразования слово *забыть* производно от *быть*, но в современном русском языке глагол *забыть* ощущается как непроемный, поскольку смысловые связи между *быть* (существовать, присутствовать) и *забыть* (перестать помнить) давно утрачены; глаголы теперь не воспринимаются как однокоренные.

Рассмотрим взаимосвязь синхронии и диахронии в словообразовании. Можно согласиться с М. Лукиным в том, что книга В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» - прекрасный образец сочетания синхронии и диахронии. М. Лукин считает, что из синхронии нельзя исключить диахронию. Поэтому ориентация исследований языка на синхронию не должна исключать диахронию: она присутствует в самой синхронии, хотя это присутствие далеко не всегда ощутимо. Ведь в сущности и синхрония ретроспективна, потому что современное состояние грамматических форм обусловлено их развитием в прошлом и

непонятно иногда без исторического экскурса в это прошлое.

В современном языкознании ведутся постоянные дискуссии относительно объектов и границ синхронного словообразования, отсутствует единое понимание самой синхронной системы словообразования. По широко распространённому мнению, синхронное словообразование — это система словообразовательных типов, существующих в современном языке. Поскольку в современном языке имеются продуктивные и непродуктивные, активные и неактивные, регулярные и нерегулярные, развивающиеся и затухающие словообразовательные типы, то встаёт вопрос о границах системы синхронного словообразования. В неё входят все или только действующие словообразовательные типы? Сторонники статического понимания синхронии включают в неё только действующие словообразовательные типы и модели. Нам представляется неверным ограничение синхронного словообразования только продуктивными, действующими типами и моделями. Для словообразования как функционирующей системы значимы не только продуктивные типы, но и непродуктивные, угасающие, нерегулярные. В процессе коммуникации участвуют не только продуктивные, но и непродуктивные, нерегулярные образования. В этом смысле все словообразовательные типы являются действующими.

При исследовании синхронной системы словообразования обычно мало внимания обращается на семантику. Между тем именно в семантике заключены истоки всех изменений, сдвигов и смещений, затрудняющих анализ современной системы словообразования. Только падежная семантическая база может обеспечить желаемые успехи в установлении точных границ между синхронией и диахронией.

Ни на одном уровне языка синхрония и диахрония, процессы и результаты не переплетаются так тесно, как на уровне словообразования. Поэтому иногда предпринимаются попытки синхронно - диахронического описания языка. Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и, прежде всего, того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого.

Возможно, такое синхронно-диахроническое описание языка (и, в частности, его словообразовательной системы), в котором почти каждая существующая синхроническая связь получила бы диахроническую интерпретацию. В таком описании были бы представлены диахронические причины ослабления или разрыва связи между явлениями, например, между диахронически однокоренными, но синхронно слабо связанными словами, составляющими особую зону «полумотивированных» слов, промежуточную между мотивированными и немотивированными словами.

Исследования, в которых словообразовательный материал рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронной точек зрения, весьма немногочисленны. Синхронное и историческое словообразование изучается изолированно друг от друга, и это оставляет в стороне интересные теоретические проблемы соответствия или несоответствия синхронных связей и метрических процессов.

Важнейшими понятиями синхронного и исторического словообразования являются понятия, до недавнего времени называемые одним диахроническим термином - «производность». В последние 30-35 лет в большинстве работ по словообразованию разграничиваются диахроническая «производность» (и соответствующие термины «производящий», «производный» и т.п.) и ее синхронный аналог - «мотивация» или

«мотивированность» (и, соответственно, - «мотивирующий», «мотивированный»), хотя некоторые лингвисты продолжают использовать только термин «производность».

Рассмотрим более подробно синхронный подход к словообразованию. Дело в том, что на современном этапе учёные рассматривают именно мотивированность слова (структурно - семантические отношения однокоренных слов). В известных в словообразовании теориях мотивированности основное внимание уделяется лексической семантике мотивирующего слова, а также особенностям его формальной и семантической связи с мотивированным словом.

Чем же отличаются понятия словообразовательной мотивированности и словообразовательной производности? Так ли уж принципиально их разграничение? Говоря о мотивированности, мы имеем в виду отношения (структурные и семантические) между однокоренными словами на современном этапе развития русского языка. Мотивированность всегда можно определить, она лежит на поверхности. Например, глагол *опекунствовать* мотивирован с точки зрения современного русского языка тремя словами: *опекать*, *опекун*, *опекунство* (ср.: *опекунствовать* значить «опекать», «быть опекуном», «заниматься опекуном»).

Мотивированность и образование слова это не одно и то же. Отношения мотивированности могут совпадать и не совпадать со словопроизводством. В тех случаях, когда мотивированность и производность совпадают, можно говорить: «слово образовано от...», но чаще мы говорим «слово мотивировано...». Чтобы определить, от чего образовано слово (т.е. производность), нужно обратиться к диахронии. От чего образовано слово *зонтик*? Тот, кто далёк от лингвистики, скажет, что *зонтик* образовано от *зонт*, так же как *столик*, *домик* от *стол*, *дом*. Но на самом деле перед нами случай обратного словообразования.

Итак, повторим, что отношения мотивированности лежат на поверхности (их можно определить), а производство нельзя определить, не обратившись к истории. Никто и никогда не увидит, как образуются слова. Даже в тех случаях, когда мы говорим об авторских новообразованиях, нельзя абсолютно точно сказать: «Это слово образовал тот-то...», так как момент образования слова в речевой практике не фиксируется (может быть где-то, когда-то это слово уже было образовано).

Тем самым безусловным является тот факт, что «производность» и «мотивированность» – это два разных понятия. Вокруг этих терминов в науке развернулась дискуссия. Так, Моисеев А. считает, что, если мы отказались от понятия производности, то нужно отказаться от словообразования вообще. «В синхронии языка усматривается лишь структурно семантическое соотношение слов, а не их образование, не словообразование в подлинном смысле, которое признается исключительно диахроническим явлением. Если так, то и словообразование в целом следовало бы изъять из состава синхронной грамматики, иначе получается словообразование без образования слов». На наш взгляд, это слишком категоричное заявление, хотя в чем - то, безусловно, автор прав. Но рассматривая живые мотивационные связи, исследователь не оставляет в стороне истинное образование слов, ибо любому учёному, характеризующему язык с синхронной точки зрения, так или иначе необходимо обращаться к диахронии языка. «Результаты синхронного и диахронного словообразования далеко не всегда совпадают и могут быть даже абсолютно противоположными». (Ср.: *брать* — *собирать* (результат диахронного словообразования; *собирать* — *брать* (в значении «собирать») - *Я брала ягоды, грибы* (результат синхронного обратного словообразования).

Диахронное словообразование изучает истинные исторические связи анализируемого слова с другими однокорневыми словами, изменения, происходящие в слове в процессе развития

языка; синхронное словообразование, отвлекаясь от самого процесса происхождения слова, изучает живые связи анализируемого слова с другими однокорневыми словами, сосуществующими в языке на том или ином этапе его развития.

Н. Янко-Триницкая отмечает, что наблюдается смешение синхронии и диахронии в работах по словообразованию. «Диахрония просачивается в синхронные исследования по словообразованию то в виде использования частных теоретических положений, то в несущественных, казалось бы, ссылках на историческую последовательность явлений, то в невинном, на первый взгляд, облике терминологии, заимствованной из диахронических исследований и используемой по традиции.

Таковыми терминами являются и термины «производность», «производящий», «производный». Само слово «производить» прежде всего вызывает представления о производстве слова, об образовании одного слова от другого, о процессе, причём обычно о процессе не современном, не наблюдаемом, а о процессе, имевшем место в прошлом языка. Синхронный же анализ строения слова должен в первую очередь устанавливать отношения, существующие между наличными в языке словами, и только во вторую очередь, на основе установленных соотношений в существующих словах, обнаруживать потенциальные возможности и закономерности образования новых слов. Исследователь также считает неправомерным замену терминов «производность», «производный», «производящий» терминами «мотивированность», «мотивированный», «мотивирующий», «которые, несомненно, более соответствуют синхронному анализу». «Термины эти не вполне удобны... они как бы сдвигают проблему отношений между основами (словами) в сторону семантики».

Н. Янко-Триницкая предлагает использовать термины «выводимость» и «выводимый». Выводимость может быть морфологической (предполагает большую морфологическую сложность данного слова по сравнению с другим наличным в языке словом, например: *бежать* - *пробежать*) и семантической (предполагает большую семантическую сложность данного слова по сравнению с другим, наличным в языке словом: *ежик* «маленький *еж*»). Автор использует термин «семантическая выводимость» как синоним термина «мотивированность». Иными словами, мотивированность понимается как только семантические отношения между однокорневыми словами. Мы же подчёркиваем, что мотивированность - это структурно семантические отношения между мотивирующим и мотивированным словами. Только семантическая мотивированность, на наш взгляд, очень широкое понятие. С этой точки зрения глагол *лечить* мотивирует слово *врач* (*врач* - «тот, кто лечит»), *стирать* - *прачка* (*прачка* «та, кто стирает»).

В словарях, отражающих морфемную структуру русских слов, нередко объединяются в одно гнездо слова, являющиеся однокорневыми лишь этимологически, и выделяются в качестве морфем такие отрезки, которые с синхронной точки зрения не могут быть вычислены. Так, например, в словаре А. Кузнецовой и Т. Ефремовой выделены следующие корни: *кол* в *количестве*, *кор* в *корыто* и *коряга*, *пещ* в *пещера*, *раз* в *образ*, *град* в *наградить*, *пруг* в *супруг*. В отличие от этого словаря «Словообразовательный словарь русского языка» А. Тихонова отражает синхронные словообразовательные отношения слов современного русского языка, но остаётся актуальной задача создания словаря, отражающего реальную морфемную структуру современной русской лексики.

Заключение

Мы уже говорили о том, что синхронные словообразовательные отношения (мотивация) не всегда аналогичны пути образования слова (производности). Отношения диахронической производности и синхронной мотивированности, несомненно, могут стать предметом специального монографического описания. В таком описании могли бы быть вскрыты процессы, способствующие отклонению от параллелизма производности и мотивации, даны исторические объяснения многих нерегулярностей синхронного словообразования. Вообще в системе словообразования оба подхода (синхронический и диахронический) дополняют и обогащают друг друга. Многие словообразовательные явления нельзя изучать только синхронно без привлечения диахронических данных.

Библиография

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Основы общей фонетики // Вопросы языкознания. 1959 № 6.
2. Карпов А.К. Современный русский язык. М., 2002. С. 7.
3. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
4. Лукин М.Ф. К вопросу о взаимосвязи синхронии и диахронии в словообразовании // Филологические науки. 1997 № 5. С. 89
5. Мельчук И.А. К понятию словообразования. // Известия АН СССР. Т.26. М., 1967. Т.26. Вып. 4. С.355.
6. Мойсеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987. С. 208.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
8. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможности синхронно - диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 519.
9. Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
10. Янко - Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. С. 220-221.

Synchronous and diachronic language learning

Natal'ya V. Lyubeznova

Ph.D. in Philology

Associate Professor

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov

410003, 1, Teatralnaya pl., Saratov, Russian Federation,

e-mail: lubeznovanat@mail.ru

Irina S. Vykhodtseva

Ph.D. in Philology

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov

410003, 1, Teatralnaya pl., Saratov, Russian Federation,

e-mail: amoskvin81@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the definition of the concepts of synchrony and dichronia in the language, emphasizing that these two campaigns to learn the language are interconnected. Particular attention is paid to the systemicity of dichronia and the lack of statistics of synchrony. The

relationship of these approaches in the study of word formation is considered. Discussions of issues related to the definition of synchrony and diachronia concepts, the delineation of the regions and tasks of synchronous and diachronic research, have a special place in linguistic science. These problems have always been among those fundamental problems of linguistics, on the correct understanding of which depends not only the general direction of the whole mass of private descriptions of individual languages, but also to a large extent the effectiveness of linguistic studies.

For citation

Lyubeznova N.V., Vykhodtseva I.S. (2021) Sinkhronicheskoe i diakhronicheskoe izuchenie yazyka [Synchronous and diachronic language learning]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 117-125. DOI: 10.34670/AR.2021.20.40.014

Keywords

Synchrony, diachronia, word formation, derivativeity, motivation.

References

1. Baudouin de Courtenay IA Basics of Common Phonetics / Issues of Linguistics. 1959 № 6.
2. Karpov A.K. Modern Russian. M, 2002. S. 7.
3. Kuznetsova A.I., Efremov T.F. Dictionary of the morphem of the Russian language. M., 1986.
4. Lukin M.F. To the question of the relationship between synchrony and diachronia in word formation / Philological sciences. 1997 № 5. S. 89
5. Melchuk I.A. To the concept of word formation. Izvestia AN USSR.T.26. M" 1967. T.2b. Vyp. 4. S.355.
6. Moiseyev A.I. The main issues of word formation in the modern Russian literary language. L., 1987. S. 208.
7. Tikhonov A.N. Dictionary of the Russian language. M., 1985.
8. Ulukhanov I.S. Motivation and Derivativeity (about the possibility of synchronously - diakhronic description of language) / Issues of linguistics. 1992. № 2. S. 519.
9. Ferdinand de Sossur. General Linguistics Course / Works on linguistics. M., 1977.
10. Janko - Trinitzskaya N.A. Word-education in modern Russian language. M., 2001. P. 220-221.

UDC 008:351.858

DOI: 10.34670/AR.2021.82.75.015

International dialogue as an important factor of cultural cooperation**Gulchin Kazimi**

PhD in Culturology, Associate Professor
Leading researcher
Department of Culturology and Theory of Art
Institute of Architecture and Arts
Azerbaijan National Academy of Sciences,
AZ1073, 115 G. Javid ave. Baku, Azerbaijan;
e-mail: gulchinkazimi@gmail.com

Abstract

As a rule, ethnic or national integration is considered the most effective means of economic, political and spiritual revival and development of a nation or people. National integration encompasses all aspects of a diverse relationship and interaction with other ethnic groups in accordance with the development of an ethnic group and unity. The main criteria for assessing the direction of the process of ethnic integration consist of socio-economic, cultural independence and the individuality of the ethnic group and unity. Ethnic integration can be subjected to the opposite direction - disintegration, i.e. the ties and relations between ethnic unities can be broken under unfavorable conditions. The negative result of this event is the loss of ethnic individuality and the independence of the current ethnic unity. Ethnic unity, which often sees its integrity as a threat, limits the influence of a foreign culture consciously. The process of ethnic integration can be slowed down due to the active pressure by some political leaders or many of the country's residents. Economic integration is one of the conditions that affect the development of the ethnos significantly. Socio-cultural integration of ethnos contributes to the development of their spiritual life, the exchange of achievements in science, literature, art and the improvement of the quality of education significantly. Integration in the field of ethnic culture is carried out by strengthening relations and contacts between people, at the same time at the household level. The process of rapprochement of cultures in the relations of nations and peoples is clearly felt in modern times. Ethnic peculiarities and differences are not lost, on the contrary, they are preserved in this case. The process of ethnic integration takes place at the level of individual states, as well as between separate ethnic ethnos, nations, societies and multi-ethnic countries.

For citation

Kazimi G. (2021) International dialogue as an important factor of cultural cooperation. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 126-132. DOI: 10.34670/AR.2021.82.75.015

Key words

Communication, integration, dialogue of cultures, cultural cooperation, harmony.

Introduction

The dialogue of cultures is complicated for various reasons in the modern world. Culture does not accept one-mindedness, it has dialogic character. Levi-Strauss considered dialogue as an important methodological principle for understanding culture in his book “Racism and Culture”. His motto sounded something like this: “From dialogue to perceiving!”. The cultures of different peoples interact directly with modern manifestations of fundamental problems that can be solved through a series of dialogues. Dialogue of cultures is a need for interaction, mutual contribution and mutual enrichment. Two types of such interactions are known:

1. Direct communication of cultures with each other due to the level of language;

2. Indirect interaction of the dialogue within the culture itself and its structural structure. Intercultural dialogue in “White book” on Intercultural Dialogue” adopted by the Council (May 7, 2008) is understood as an open and polite exchange of views between individuals and groups of different ethnic, cultural, religious and linguistic backgrounds and heritage on the basis of mutual understanding and respect.

The methodology of interaction of cultures, especially the dialogue problem of cultures was developed in the Russian philosopher MM Bakhtin’s works. The prominent scientist affirmed the mutual understanding in this process as the preservation of the peoples’ own opinion and place. He expresses the idea that cultures can coexist by questioning other cultures. Significant events in culture occur only in dialogue with other cultures, at their point of intersection. The reason why one culture assimilates the achievements of another culture is one of the sources of its life activity. M.M. Bakhtin put forward the idea that each culture has the opportunity to see what it is capable of when it looks at itself through the eyes of another culture. There is no culture isolated from each other: they all develop by living in dialogue with other cultures. A foreign culture reveals itself more comprehensively and deeply only through the eyes of other cultures. So, the dialogue of the two cultures is possible only in the case of a certain convergence of their cultural codes, in the presence or formation of a common mentality. Dialogue of cultures is a synthesis of individuality and non-nationalism, which leads to the penetration of the value system of one or another culture, respect for them, the elimination of stereotypes, mutual enrichment and access to the world cultural context. It is important to feel the common human values of the cultures that interact in the dialogue of cultures. One of the objective contradiction’s peculiar to the cultures of all the peoples of the world is the contradiction between the development of national cultures and their rapprochement. Therefore, the necessity for dialogue of cultures is considered a condition for the preservation of humanity, but the formation of spiritual unity is the result of modern dialogue of cultures.

Discussion

Dialogue fosters a respectful, tolerant, and caring approach to the values of other peoples considering the comparing national values. The interaction of cultures acquires its specificity at the intersection of unique cultural systems. One of the main obstacles to dialogue is the existence of value systems with different directions. That is why some cultures are reluctant to interact with others. The dialogue idea of cultures is based on the priority of universal human values. Essentially, culture has dialogic character. Dialogue is the most important methodological principle of understanding culture, because important aspects of culture are manifested only in dialogue. In a broad sense, dialogue can be seen as a feature of the historical process. Dialogue is a universal principle that ensures the development

of culture. All cultural and historical events are the product of mutual communication. The formation of language forms takes place in the process of dialogue of people and cultures and creative thinking develops, which allows the dialogue to spread cultures horizontally and vertically. In general, the processes of interaction of cultures are more complex than previously thought. Modern researchers divide all interactions into three types:

- 1) direct intercultural interaction;
- 2) indirect interaction;
- 3) the interaction of social organisms at different levels of formative development.

It follows that the main role in the basis of individuality of cultures is played not socio-economic factors, but by the peculiarities within the culture. Intercultural interactions are possible, but they are not regular from the point of view of the development of one or another culture. The mechanism of interaction has complex, multilevel character. The possibilities of contact and interaction between cultures are related to their structural unity, in which mythology, symbolism, language, religion, art, science play a main role in the rapprochement of cultures. At present, researchers of various sciences are actively dealing with the dialogue problems of culture. Ontological exchange and mutual enrichment with spiritual values, acquaintance with the cultural achievements of other nations enrich individuals and human unities. The content of national culture plays an important role in this process. The interaction of cultures occurs also at the level of intersubject communication, as the universal values of culture are realized in this process. Interdisciplinary relations are an important factor in overcoming stereotyped thinking by expanding social and cultural information and thus contribute to the enrichment of people's spiritual image.

Mutual enrichment of national cultures in terms of perception of non-national values occurs at different levels. The presented cultural work is not assimilated as a non-national situation and does not become a factor of national consciousness and does not enter the value system of the spiritual world of the individual. The high level of mutual enrichment of national cultures is not only limited to the acquaintance of a non-national work of art, but also the activation of new creativity on a national basis and the perception of the non-national take place. Non-national values enrich the spiritual world of man through entering national self-awareness in such cases. The more national culture develops, the more it is possible for it to communicate with the values of different cultures. As a result, this will enable a person to become spiritually rich. The level of mastery depends on everything from the understanding of the content of cultural values to the complex of individual characteristics of the learners. Assimilation of cultural values is carried out on the basis of comparison of the previous experience with the new one. However, perception occurs not only rationally but also irrationally. Perception of the non-national is based on the comparison of similar elements in their national culture. For mastering the material and spiritual value of another's culture in a practical way, first of all, it is important for a person to perceive it mentally and understand its essence and mechanisms of action. In this case, if the mastery of the object is the more difficult, the more knowledge and skills are needed to understand it. But, it is possible for all human beings to understand more quickly the cultural differences of material cultural objects created on a single basis without national forms and scientific laws, because they are dominated by international and universal ones. Spiritual cultural values are also based on the unity of objective laws, without which people could not understand each other. But, these general objective laws are manifested in a more complex form to understand that each nation has a richer, more colorful and unique way of expression, which is associated with the way of life, thinking, character and traditions. The divergence (differentiation of signs in the process of development), differentiation and emergence of independent and unique cultures are a very complex and long process, which covers not

one, but several thousand years. Differentiation of cultures was a natural result of ethnic differentiation. Y.V. Bromley wrote: "The processes of ethnic divergence were particularly characteristic of the pre-class societies. The main type of them is the division of tribes as a result of increasing numbers, the exhaustion of natural resources within the tribal territory; such division usually took the form of ethnic segregation. It is the processes of ethnic division that are the essence of the scattering of people on the earth. The processes of ethnic division in the first class formations and the associated mass migrations formed the basis of the formation of many nations" (2; 236). Class and political factors of cultural differentiation will begin to play a very important role in the formation of states, the establishment of political borders in the future. The formation of independent states has contributed to the development of internal creative stimuli that accelerate the formation of self-consciousness of peoples, the traditions, language, art and worldview peculiarities of each nation and people. There were two tendencies in the history of culture at the same time: on the one hand, the differentiation of the cultures of different peoples and on the other hand, their integration, undoubtedly, these trends ensured the progress of human culture, its rise and enrichment, as well as the deepening of the unequal development of these cultures. Over time, it took on a global scale, as noted by J. Bromley, and covered the period from primitive human society to the capitalist period. During this period, as is well known, a huge return to the beginning had a special place in the development of culture. But, in general, the cultural fund of many ethnic groups increased significantly compared to the epoch of class society and the diversity of their cultures increased during this period. In accordance with many areas of culture (religion, customs, etc.), the scale of differences between ethnoses belonging to different historical and cultural areas (historical and ethnographic) was expanded. This differentiation was accelerated by the inequality of socio-economic development of mankind...". Comparison is the basis of every understanding and thinking. The process of influence of national cultures takes place not through the translation of this culture into another language or their imitation, but through the expression of the thoughts and emotions of modern man living by the interests and ideals of the time. Only one regularity plays a key role in the interaction of cultures: one culture does not deny another culture, culture is a great opportunity for the formation of a richer culture.

Two types of dialogue can be determined in the process of interaction of cultures: direct dialogue and indirect dialogue. Direct dialogue involves the interaction of cultures with each other thanks to the competence of the carriers. But, indirect dialogue takes place in the process of interaction within culture, within its structure. Foreign cultural content consists of double situation as foreign and one's own. It is possible to face problems that arise during the translation from one language to another in the process of intercultural dialogue: getting used to a foreign culture and getting accustomed to it. Dialogue with other cultures is not possible without certain examples of other cultures as well. The reflection of humanitarian thinking has a dialogical nature. Man not only enters into a dialogue with another, he is also in a dialogical relationship with himself as with another. Man understands himself as much as he understands the other by comparing his thinking with the other.

Conclusion

The role of international dialogue of cultures is growing in the context of globalization. International cultural dialogue strengthens mutual understanding between different peoples, creates ample opportunities for a deeper understanding of the individuality of cultures. If earlier it was considered impossible to unite Western and Eastern cultures, but these stereotypes and conservative ideas are left behind. At present, the points of joining and complementarity of these cultures have been

identified. It is more a matter of complementing and enriching each other than interaction. The dialogue of cultures should find its manifestation in foreign policy. The cultural aspects of foreign policy should be more important. The dialogic development of the concept of "culture" should be part of the international dialogue of cultures. Globalization and global problems contribute to the development of cultural dialogue, which in turn solves the problem of openness to dialogue and mutual understanding in the world. But, wish and desire are not enough to enter into mutual understanding and dialogue, for which cultural literacy and enlightenment (understanding the cultures of other peoples) are important. Cultural enlightenment implies the ability to perceive the differences in ideas, customs and cultural traditions that are peculiar to different peoples and to see the community and differences between different cultures. But the most important way to understand a foreign culture is to be open to your own culture. Only in this case, the dialogue can give the expected result.

The depth of the dialogue is often determined by the interests of creative individuals and their ability to meet their needs. Informal relations are the best way to develop intercultural relations. There is usually no cultural contact during the meeting of representatives of one or another organization as carriers of administrative principles, which is why it is necessary to expand the informal relations of interaction. The dialogue of cultures allows for the deepening of cultural self-development and mutual enrichment through cultural experience within the relevant culture or world culture. So, it can be concluded without exaggeration that the dialogue of cultures is one of the most important conditions for the preservation of humanity. The realization of the dialogue of cultures is complicated in the modern world, but its necessity is undeniable. But, this complex process must be carried out without compromising the individuality of national cultures.

References

1. Bakhtin, M. M. Series "Philosophy of Russia in the second half of the XX century", Moscow, 2010.
2. Bromley, Yu. V. Essays on the Theory of Ethnos, Moscow: Nauka, 1983.
3. Gurevich P. S. Kulturology (textbook, 3rd ed., reprint. to add.) Moscow: UIC "Gardariki", 1999, 288 p.
4. Culture on the threshold of the third millennium. Theses. Reports of the international seminar in St. Petersburg (April 25-26, 1994). Saint Petersburg: 1994, 224 p.
5. Gadzhiev, A. H. Problems of Marxist ethnic psychology.
6. Cultural (social) anthropology. Moscow: Academic Project, 2004, 268 p.
7. Cultural studies (study. Manual for universities. Ed. Prof. A. N. Markova, 3rd ed.). Moscow: UNITY-DANA, 2002 384 p.
8. Kulturologiya. M.: Izd. "Nature" 2001, 236 p.
9. Mamedov F. T. Kulturologiya (Questions of theory and history). The training manual. Baku: "Abilov, Zeynalov and sons", 2002, 534 p.
10. Mammadov F. T. Cultural policy "problems and principles of the direction of cultural policy". "Təhsil, mədəniyyət, incəsənət" jurnalı, B.: 2003, No. 3, pp. 83-90.
11. Levi-Strauss K. Primeval thinking. M.; 1994.
12. The White Paper on Intercultural Dialogue. A decent, equal, collaborative approach. Strasbourg, 7 May 2008.

Международный диалог как важный фактор культурного сотрудничества

Кязыми Гюльчин

Кандидат культурологии, доцент

Ведущий научный сотрудник

Кафедра культурологии и теории искусства

Архитектурно-художественного института

Национальная академия наук Азербайджана

AZ1073, Азербайджан, Баку, пр. Г.Джавида, 115

e-mail: gulchinkazimi@gmail.com

Аннотация

Как правило, этническая или национальная интеграция считается наиболее эффективным средством экономического, политического и духовного возрождения и развития нации или народа. Национальная интеграция включает в себя все аспекты разнообразных отношений и взаимодействия с другими этническими группами в соответствии с развитием этнической группы и единства. Основными критериями оценки направленности процесса этнической интеграции являются социально-экономическая, культурная независимость, индивидуальность и единство этноса. Этническая интеграция может быть подвержена обратному направлению – дезинтеграции, то есть связи и отношения между этническими объединениями могут быть разорваны при неблагоприятных условиях. Отрицательный результат этого события – потеря этнической индивидуальности и независимости нынешнего этнического единства. Этническое единство, которое часто рассматривает свою целостность как нечто, априори подвергающееся угрозам, по этой причине сознательно и целенаправленно ограничивает влияние чужих культур. Процесс этнической интеграции может быть замедлен из-за активного давления со стороны некоторых политических лидеров или многих жителей страны. Экономическая интеграция – одно из условий, существенно влияющих на развитие этноса. Социокультурная интеграция этносов в значительной степени способствует развитию их духовной жизни, обмену достижениями в науке, литературе, искусстве и повышению качества образования. Интеграция в сфере национальной культуры осуществляется путем укрепления отношений и контактов между людьми, в то же время на бытовом уровне. Процесс сближения культур в отношениях наций и народов отчетливо ощущается и в Новое время. Этнические особенности и различия при этом не теряются, а, наоборот, сохраняются. Процесс этнической интеграции происходит как на уровне отдельных государств, так и на уровне отдельных этносов, наций, обществ, многонациональных стран.

Для цитирования в научных исследованиях

Кязыми Г. International dialogue as an important factor of cultural cooperation // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 126-132. DOI: 10.34670/AR.2021.82.75.015

Ключевые слова

Общение, интеграция, диалог культур, культурное сотрудничество, гармония.

International dialogue as an important factor of cultural cooperation

Библиография

1. Бахтин. М. М. Серия «Философия России второй половины XX века». М., 2010.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
3. Гуревич П.С. Культурология (учебник, 3-е изд., перераб. к допол.) Москва: УИЦ «Гардарики», 1999, 288 с.
4. Культура на пороге III тысячелетия. Тезисы. Докладов международного семинара в г. Санкт-Петербурге (25-26 апреля 1994 года). Санкт-Петербург: 1994, 224 с.
5. Гаджиев, А. Х. Проблемы марксистской этнической психологии / А. Х.
6. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004, 268 с.
7. Культурология (учеб. Пособие для вузов. Под. ред. Проф. А.Н. Марковой, 3-е изд). Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2002 384 с.
8. Культурология. М.: Изд. «Природа» 2001, 236 с.
9. Мамедов Ф.Т. Культурология (Вопросы теории и истории). Учебного пособия. Баку: «Абилов, Зейналов и сыновья», 2002, 534 с.
10. Мамедов Ф.Т. Культурная политика «проблемы и принципы направления культурной». “Təhsil, mədəniyyət, incəsənət” jurnalı, Б.: 2003, № 3, с. 83-90.
11. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.;1994.
12. «Белая книга» о межкультурном диалоге. Достойный равноправий совместный подход. Страсбург, 7 мая 2008 года.

УДК 008**DOI: 10.34670/AR.2021.84.15.016****Феномен цветовой культуры бидермайера****Юстус Анастасия Михайловна**

Доцент

Тюменский индустриальный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 38;
e-mail: yustus7027@gmail.com

Костко Оксана Юрьевна

Доцент

Тюменский индустриальный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 38;
e-mail: oksandra-mus@mail.ru

Аннотация

В статье описываются принципиальные этапы формирования цветowych предпочтений человека и общества в начале XIX века, основанные на ряде проведенных исследований, а так же влияние философских взглядов эпохи на развитие цветовой культуры бидермайера. Определен набор цветов присущих различным стилям предшествующим и сопутствующим стилю бидермайера. Приведены примеры влияния предшествующих стилей и их цветовой культуры на формирование колористики стиля бидермайер. Обозначена проблематика философии цветовой культуры бидермайера связанная не столько с самой формой и цветом, сколько с ее идейным содержанием, «с особой феноменологической индукцией», проявляющейся как в бытие социальном, так и в духе самой культурной среды, которая формирует стилевое направление созданных ценностей. Обозначены смысл и код присущие стилю. Дана трактовка цветовой культуры на языке стиля. Представлена схема развития и изменения цветовой культуры. Сделана попытка представить этапы и разработать краткую схему формирования цветowego кода любого стиля. Проведен экскурс в историю развития стилей: рококо, романтизм и бидермайер.

В статье выстраивается обобщенная условная схема по хронологическому принципу, демонстрирующая эволюцию от романтического влияния на стиль к его поздним проявлениям, где усиливаются реалистические черты, более свойственные 2-ой половине XIX века. Проведена параллель между ценностными характеристиками культуры бидермайера и современностью. Разработаны цветowe таблицы для стиля бидермайер.

Для цитирования в научных исследованиях

Юстус А.М., Костко О.Ю. Феномен цветовой культуры бидермайера // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 133-143. DOI: 10.34670/AR.2021.84.15.016

Ключевые слова

Колористика, цветовой культура, цветовой палитра, стиль, бидермайер, смысловой и цветовой код, философское и стилевое своеобразие, феномен цветовой культуры.

Введение

Цветовые, колористические особенности каждого стиля в совокупности с формальными признаками определяют его характер. Поэтому существуют понятия «гамма эпохи модерна», подразумевающая лиловые, синие и оливково-зеленые тона, гамма эпохи рококо, подразумевающая пудровые, палевые, розовато-жемчужные и серовато-голубые оттенки. Однако кроме определенного набора основных цветов существует некая философия, определяющая их подбор, так называемое настроение, «дух эпохи». Поэтому под романтической гаммой мы будем понимать драматический контраст мятежа и бури, под модерном - «лиловые сумерки» угасающего столетия - декаданса, под цветовой палитрой рококо - изнеженный гедонизм для тонкого ценителя.

Проблематика философии цветовой культуры бидермайера. Определение цветовой палитры стиля

В отношении к определению цветовой составляющей для бидермайера (1815-1848) возникает ряд сложностей. Это один из первых «эkleктичных неостилей» XIX века, включающий в себя практически весь стилевой набор 1-ой половины данного столетия. В нем можно найти и традиционный «колористический набор» в духе ампира (золотистое, красно, белое)- если речь идет о парадных портретах коронованных особ кисти Г. Вальдмюллера; черно-белое, почти испанское драматическое сочетание в духе романтиков и неоготики- если это изображения людей определенного уровня духовности, связанных с художником дружественными или семейными узами (М. Даффингер, Портрет жены). Встречаем и нежную пастельную гамму слоновой кости и розовой пудры, которой изобилуют детские портреты, продолжая линию рококо и сентиментализма прошлого века, как изображал мир ребенка Й. Данхаузер. Даже если большинство пейзажей придерживались знаменитой «трехплановой раскладки» в целом, в них уже все более нарастают пленэрные нотки, привнесшие в колорит розовато-сиреневые, палевые и бежевые оттенки. Поэтому немецкие исследователи предпочитают давать определение «бидермайера» исходя исключительно из хронологии, что тоже имеет явные недостатки.

Примеры работ художников эпохи Бидермайер

Рисунок 1 - Примеры работ художников эпохи Бидермайер

В случае с подобной путаницей, если брать за основу только форму, что очень заметно в декоративно-прикладном искусстве, логичнее употреблять термин «поздний классицизм», Лишь временные границы изготовления вещи: независимо от проявления тех или иных цветовых характеристик и колористического строя она автоматически приведут ее в разряд бидермайера, особенно если она создавалась в период 30-40х годов XIX столетия- расцвета и угасания . Российские исследователи, такие как Ю.Лотман, считают, что история - не календарь, и, перевернув страницу, мы не окажемся в другой эпохе, поэтому необходимо следовать неким смысловым кодам и символам, позволяющим нам по-разному «считывать» информацию о предмете, его цветовым и формальным характеристикам. Основной смысл и код изображений - практичность и уют, не предъявляй себе и к другим повышенных требований. Вот почему многие предметы этой эпохи или стилизованные под бидермайер в период моды (рационального модерна конца XIX столетия или в начале 2000-х). Что будет обозначать цветовая культура на языке стиля, с его бургерской философией счастья в малом миреке – чистой комнате в небольшом городке с ухоженным крошечным садом? Романтическая, классицистическая и нарождающаяся реалистическая концепция могли чередоваться и объединяться не только в пределах одной эпохи, но и в творчестве одного мастера. Так траурный костюм Александры Федоровны в портрете кисти Ф.Крюгера, придающий всему произведению флер романтического произведения, прямо противоположен его ярким цветовым аккордам остальных парадных портретов. «Погруженная в мечты» девушка в черной кружевной накидке у Ф. фон Амерлинга так же в соответствии с общей колористикой холста, напускает на лицо флер романтической печали. Выбирая сюжет с «подсматриванием- подглядыванием» в общей стилистике рококо, П. Фенди выбирает для одежды служанки, подглядывающей за хозяевами в замочную скважину, серовато-жемчужную гамму. Дверь оливкового цвета и зеленая шляпка с розовыми атласными лентами, лежащая рядом на спинке стула, прибавляют колориту «рокайльную гармонию», где даже грех воспринимается невинно и мило.

Похожие вещи по цветовой организации создавались в рамках поэтического реализма в России, «викторианский стиль» в Англии, ряд произведений французской живописи и скандинавских полотен содержали в себе поэтические, лирические и драматические нотки в неизменной классической пропорциональности. Отсюда в рамках формы и цвета попытка дать бидермайеру определения, включающие названия классицизма, романтизма и раннего реализма - «предреализма» выглядит более конкретной. Проблематика философии цветовой культуры бидермайера связана не столько с самой формой и цветом, сколько с ее идейным содержанием, «с особой феноменологической индукцией», проявляющейся как в бытие социальном, так и в духе самой культурной среды, которая формирует стилевое направление созданных ценностей. Зачастую бидермайер ассоциируется с жизнерадостным характером «венской жизни», с «пряничной» архитектурой старого Мюнхена», со стилем уютных чистых комнат. Поэтому, даже обращаясь к предшествующим стилевым направлениям – торжественному ампиру или драматичному романтизму, он привносит в колористические установки свое мировосприятие - ничего сверх меры. Идиллический характер жизни маленького «частного» человека, что стремится сгладить любые «острые» углы, противоречия и конфликты, реализуется художниками в бытовом жанре», «интерьере», натюрмортах и портретах. Так поэтизация повседневности порождает особый колорит, особую эмоциональную ауру. Немаловажный фактор - «установка на гедонизм», который бидермайер наследует от рококо. «В бидермайере тема гедонизма звучит исподволь, как мотив лени, созерцательности ,мечтательности и любви к сентиментально- сусальным темам, «романсовым типажам»...Наслаждение от

приближения к живописной поверхности, лоснящейся и гладкой, от стиля бидермайера перешло к салонному искусству.»[Danilova, 2002, с.193] Задействование всех тактильных ощущений- от зрения и слуха, переведенное в умение наслаждаться каждым мгновением жизни ,проявлялось в утонченном ,изысканном колорите, словно припудрившем звучные цвета пышного театрализованного стиля барокко. Так детские портреты зачастую строятся на гармонии пудрово-розовых и голубых тонов. У Ф. фон Амерлинга спящая принцесса Мари Франциска, написанная маслом, практически имитирует нежнейшие венецианские постели галантного века.

Дань рококо- «дух мелочей», которые необходимо было разглядывать, наполняющий окружающее пространство. В эпоху бидермайера к фарфоровым безделушкам в шкафах-витринах прибавились вышивки бисером [Даниэль, 2007], многочисленные миниатюры, салфетки из коклюшечного кружева, приносящего в интерьеры камерность, уют и обустроенность, не мыслящее пространство дома без рукоделия и, в хорошем смысле дилетантства. Кроме вышивок, обилие цветов в горшочках или уютных, ухоженных клумб приносят в колористику бидермайера некое «хоровое» начало, замирающее на грани «пестроты». Эта связь с фламандскими натюрмортами, превращающими цветы в роскошные виньетки или «пиршества для глаз» добавляют респектабельному стилю ноту экспрессии. Так в «Любителе кактусов» К .Шпицвега мы видим цветок как «сюжетную» перчинку ,не влияющую на общий живописный строй произведения, зато в натюрмортах Ф.Г.Вальдмюллера мы видим «переключку» даров Флоры и фактуры предметов- фарфора, серебра, драгоценностей и мерцающего атласа ,сгруппированных в пределах одной плоскости столешницы. У Ф.К.Петтера, напротив, наблюдаем желание «превзойти природу, быть ярче, чем она, собрать вместе больше цветов и растений, чем это возможно в одно время. Художник мог «наколдовать «в вазе цветы зимние и летние, весенние и осенние, дольные и горные, любые, на которые была способна его фантазия, а не сама природа. Та «всего лишь» поставляла ему образцы и вкладывала в руку талант в качестве ремесленного инструмента.»

Нежные акварели Р. Фон Альта, изображающие виды комнат, интерьеры знатных домов или садовые террасы, зачастую имеют вполне практическое назначение: они отражают смену обстановки, вкусов, и даже ностальгических мгновений - «до пожара»,. Отличаясь в небольших нюансах-взрослые или детские, женские или мужские, что влияло на «добавочные» цвета, в целом они несли единый колористический строй- бежево –золотистый, пронизанный ощущением покоя и тихого счастья.

Таким образом оперирующий готовыми стилевыми клише, становящимися материалом для создания совершенно нового искусства, бидермайер не просто получает эклектизм готового рода. Он словно проверяет на прочность живописную ткань, какую перегрузку она сможет вынести, если эти «франкенштейны», составленные из мозаичных кусков различной формы и содержания, сойдутся в одном произведении. Когда совмещается «разное» и «многое», уместить все в единую колористическую схему не представляется возможным. Поэтому выстраивается обобщенная условная схема по хронологическому принципу, демонстрирующая эволюцию от романтического влияния на стиль к его поздним проявлениям, где усиливаются реалистические черты, более свойственные 2-ой половине XIX века.

Развитие и изменение цветовой культуры

Сумма знаний и представлений о цвете, накопленная за историю существования человеческого общества, опирающиеся на смысловую, эстетическую, эмоциональную

информацию и психофизиологическое воздействие цвета – стали основой феномена цветовой культуры. При описании цветовой культуры можно выделить ее пространственные, этнические и временные границы, а также факторы, влияющие на ее зарождение и распространение. «Границы цветовой культуры фиксируют эпоху и географический ареал, в котором она существует. Здесь располагаются её региональные центры, проявляется их взаимовлияние и т.д. [Kostko, 2012, 128]. Цветовые достижения возникают первоначально в прикладном искусстве и живописи, затем в архитектуре и дизайне. Взаимодействия этих областей приводит к интеграции высших цветовых достижений в общем потоке цветовой культуры. Есть предположение, что «феномен цветовой культуры развивается благодаря возникновению и распаду цветового канона» [Kostko, 2012, 129]. Зарождения самого канона происходит первоначально в искусстве, а затем переносится в повседневную жизнь, под воздействием свободных ассоциаций. Так возникает цветовая традиция со своим активным ядром, называемым цветовым каноном.

СХЕМА РАЗВИТИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ЦВЕТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

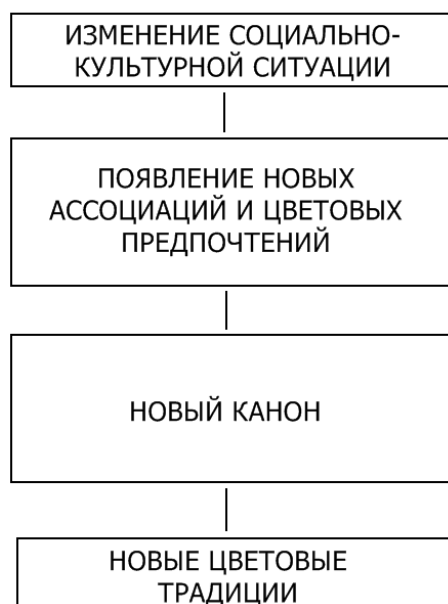

Рисунок 2 - Схема развития и изменения цветовой культуры

Формирование цветового кода

Будучи моделью и выразительным языком культуры, цветовой код должен обладать некой идентичностью универсальностью. Поэтому понятие «стиль» от искусства переносится на всю культуру, а ряд цветовых гармоний позволяет говорить о культуре цветовой в целом. То есть цветовая культура должна быть представлена в виде различных норм и образцов, соответствующих философским умонастроениям эпохи.

Если исследование связи философии и культуры обращается еще к более узкой специфике - культуре цветовой, необходимо отметить, что она будет погранична между физической, материальной, и духовной, даже мистической сферой.

Схема формирования цветового кода

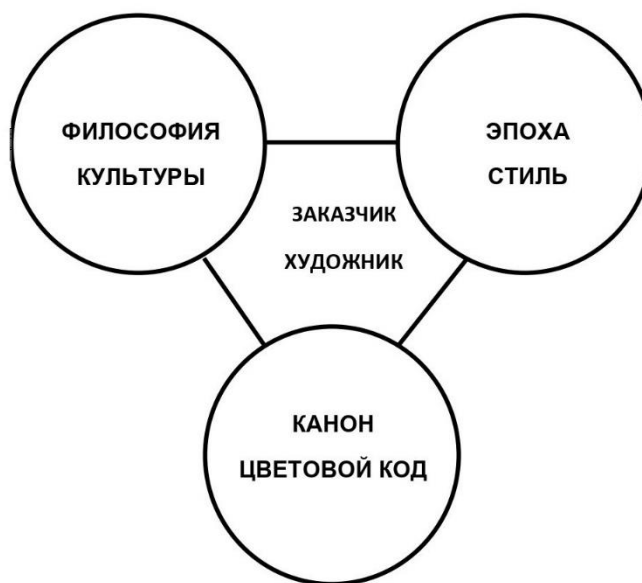

Рисунок 3 - Схема формирования цветового кода

Существуют, конечно, и этапы, когда цвет был либо на равных форме, либо уступал ей, либо доминировал. Так историк культуры М.И. Свидерская выделяет этап «живопись - моделирование», как ренессансные законы перспективы, «живопись—зрелище» со светотеневыми контрастами барокко. О доминировании цвета и света уместно говорить на примере импрессионистов и колористики последней четверти XIX столетия. Именно XIX век завершает период классического искусства, пришедший на лидерские позиции со времен Ренессанса. А что касается бидермайера, данное направление во многом подражало голландской живописи XVII века, эта *спокойная гармония первой буржуазной страны оказалась созвучна патриархальной мещанской культуре с ее поиском покоя и уюта скромного быта*. Гимн красоте обыденного трудно представить в драматических контрастах романтизма, в звучно-красной феерии барокко или ампира, именно тональная гармония голландских мастеров оказалась созвучной. Поскольку идеальное бытие, изображенное на полотнах, слишком отличалось и не всегда совпадало с суровой правдой жизни, живопись бидермайера сравнивают с иллюзорным миром, накрытым хрустальным колпачком от бурь романтизма и скучной реалистической прозы жизни, а как иначе изобразить идиллию? Амбир по природе театрален, поэтому культура стиля, созданного по законам спектакля - церемониала и этикета нуждается в яркости и пафосе, как в колорите покоев Жозефины в Мальмезоне или на парадных портретах Энгра. Поэтому апофеозом бидермайера можно считать кисть Георга Вальдмюллера, наследующую величие стилей прошлого, но обладающей магией» убедительности и подлинности момента.

Культура бидермайера. «Философский дух» и исследования цвета

Потребности культуры бидермайера - противопоставить надоевшему искусству официоза изображения размеренной и не пафосной, будничной жизни. А.В. Михайлов, определяя стиль позднего Гете, как «стиль непонятности», поскольку культура к началу столетия «внутренне

дозрела до того, чтобы открывать окна в неведомое «иное» [Mikhailov, 2000., 791- 792]. Если раньше, при всем многообразии течений и направлений, творческих индивидуальностей в искусстве и культуре наблюдалась некое единство, теперь это, скорее «единство и борьба противоположностей». Отмечая «всеядность» бидермайера - как в выборе приверженцев среди зрительской аудитории, так и в творческой среде, когда совершенно разного уровня и масштаба мастера соприкасались с его установками, исследователи допускают подобную «открытость» общими устремлениями эпохи. Простота и естественность обретают статус вкусовых норм еще в прошлом столетии, однако бюргерское отношение к жизни, быту и труду, к ритуалам отношений от обрядов до уборки и готовки по- своему архаично и консервативно.

Рисунок 4 -Декоративно прикладное искусство бидермайера

Изображение обыденного существования - основа как демократических устремлений, так и прогрессивных, революционных настроений XIX столетия [Сарабьянов, 1998]. Проблема цветовой культуры таит в себе множество сложностей: перед художником встает вопрос определения идейно - философского и стилевого своеобразия направления. Возникает «проблема зрителя», на запросы и вкусы которого ориентируется мастер. Что на языке цвета может означать «не предъявлять себе и другим высоких требований, уметь довольствоваться малым?» Первая аналогия - «Малые голландцы» с их демократическими устремлениями, когда бюргерство стало конкурировать с дворянством как заказчик произведений искусства (отсюда предпочтение картин малого и среднего формата и неброской, тонкой тональности). Маленький человек, как в эпоху «малых голландцев», для которого главнейшими идеалами были нравственность, патриотизм, благонравие и семейственность, проявлял педантичность во всем: от любования деталью, до ее точного воспроизведения и внимания к мелочам.

Эта детализация, в условиях многоцветия и пестроты воспроизведенного мира, требовала неяркой палитры, способной «собрать» весь пазл вместе. Тяга к стабильности и покою не позволяла будоражить взгляд обывателя резкими контрастами цвета. Какой может быть цветовая гармония для человека, «находящегося в гармонии с Богом и миром»? Какая палитра соответствовала бы той степени приватности и доверительности, благообразия и уюта? Затем происходит дальнейшая «историзация» культурной модели, ориентированной на другие первоисточники - рококо и ренессанс, поэтому проявляются дополнительные аспекты цветового кода. И все же мы выделяем следующие гармонии: тональная золотисто-коричневая, пастельно бежевая, зелено-оливковая и фиашковая, пепельно-серая, сине-голубая и красно-синяя (в умеренных количествах). Это лишний раз заставляет задуматься о подвижности границ как данного стилевого направления, так и о временном отрезке в целом, сделавшем метод эклектики

универсальным практически на целое столетие. Данная подвижность свойственна не только бидермайеру, как стилевому направлению в целом, но даже в творчестве отдельных мастеров мы можем наблюдать этот «калейдоскоп», продиктованный как личной творческой эволюцией, так выбором сюжета или мотива каждого произведения.

Цветовая культура бидермайера

Истоки цветовой культуры бидермайера, что видно из вышеперечисленных цветов, совпадают с колористическими гранями «Цветового шара» Ф.О.Рунге. Как истинный романтик, он искал метафоричности и многослойности в искусствах, поэтому его размышления о цвете многоплановы. «После приезда в Гамбург художник много сил отдал теоретическим проблемам. Он интересовался вопросами связи математики и пластических искусств, а в еще большей степени их аналогией с музыкой. Но особое значение имели его исследования цвета. Они получили свое завершение в «Цветовом шаре» (сфере), который можно считать одним из самых значительных произведений Рунге. В этой структуре цвета расположены в спектральной последовательности, а центр составляет серая зона, в которой видят аналогию определения Бога у Якоба Беме. Другими словами, «Цветовой шар» можно считать абстрагированным до исконных начал образом Универсума» [Razdolskaya, 2009, с. 267]. Эта «серая масса», коричневатые неброские тона не только соответствовали определению бидермайера, как «стиля без имен и шедевров», блеклого, невыразительного, серого, в сравнении с величественными предшественниками - романтизмом и ампиром. Здесь формировалась новая цветовая гармония, солирующая затем у реалистов 50-60х годов, как неприукрашенная правда жизни, где нет места яркой цветовой феерии вечного праздника. Даже в издании «Идеи комнатного убранства» Фридриха Августа Лео (1795-1800) акцент сделан на подобной гамме» Он предпочитал строгие цвета обоев - серый и зеленый..» [Fedotova, 2005.,с.16]. Гете предпочитал в интерьерах фиштакшковый и голубой, а его знакомство и сближение с 1794 года с Шиллером стало необыкновенно плодотворным, в том числе для теории цвета, занимающей писателя и философа. «Философский дух» кантианца Шиллера подсказал Гете новые методологические принципы для научного исследования цвета, чтобы взглянуть на проблему согласно кантовским категориям чистого рассудка, а затем совместно разработать учение о полярности цветов. Очень важным оказался теоретический раздел, который Гете посвящает нравственной и эстетической категории цвета.

(Эти предпочтения видны на изображенных К.Шинкелем интерьерах в замке Тегль, Голубая гостиная.1824). Как «удобные и практичные», эти цвета солируют в гамме мужских костюмов: серого, табачного, синего, коричневого тона.

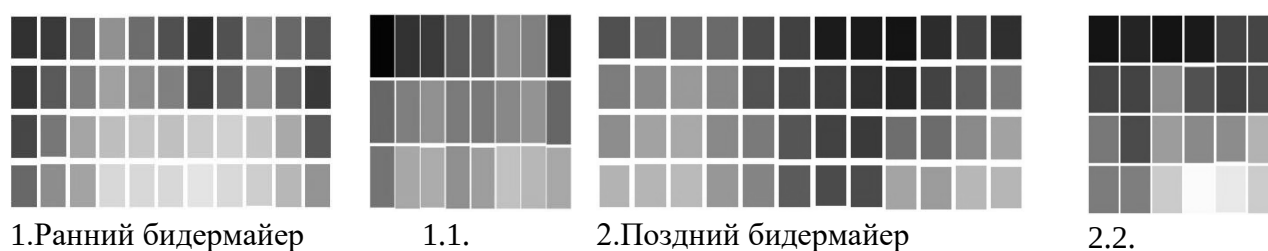

Рисунок 5 - Таблица цветовой палитры бидермайера

Вывод

По мнению М.И. Свидерской, ярким свершением 19 столетия, связанным с особой формой историзма, стала немецкая классическая философия, как «грандиозный по масштабу итоговый синтез», на фоне синтеза классицизма, романтизма и реализма существует бидермайер, отразивший этот итоговый синтез с помощью философии культуры. Эта полярность и конфликтность порождает единство и борьбу противоположностей в колористике. Поскольку в сообществе культур периодически случаются совпадения, даже не связанные географическими или временными границами, современная культурная ситуация по ценностным характеристикам во многом совпадает с эпохой бидермайера. Эти сопоставления, выявление совпадений своевременны и актуальны, поскольку с помощью философии науки мы сможем анализировать и даже прогнозировать развитие событий, даже находясь внутри данной парадигмы со всей проблематикой XXI века. Опыт прошлого, образующего с настоящим постоянные связи, оказывается продуктивен. Он предсказывает, что в сложных политических и экономических периодах обращение к вечным семейным ценностям, умением довольствоваться малым и при этом ощущать себя счастливым, окружать близких заботой и уютом помогает культурной среде привнести в общество умиротворение и покой. «Сюжетный репертуар» и «колористический комфорт» создают эффект присутствия стабильности и уверенности в завтрашнем дне, что остро востребовано обществом в наше время, где опасность пандемии, экономических трудностей, политических и военных конфликтов и социальное расслоение остаются главными проблемами социума.

Библиография

1. Biedermeier from the collection of the Prince of Liechtenstein. Austrian art of the 1st half of the 19th century. М., 2009.
2. Culture, era and style. Classical art of the West. Digest of articles. М "Galart" 2010
3. Mikhailov A.V. Reverse translation. М., Languages of Russian culture. 2000.
4. Razdolskaya V.I. European art of the 19th century. Classicism, romanticism. SP-b "Azбука - classic" 2009.
5. Fedotova E. D. Biedermeier. Epochs. Styles. Directions. М., "White City" 2005
6. Efimov A.V. Coloristic culture. In review: Current trends in polychromy in architecture. CSTI Grazhdanstroy. М., 1979.
7. Kostko O.Yu. Biedermeier and contemporary art: from a "private" person to a "partial" person. Bulletin of the Altai State University No. 2 (74). Barnaul., 2012.S. 190-195
8. Danilova, I. About Mikhail Vladimirovich Alpatov. Art Criticism No. 2.М., 2002. p. 7
9. Даниэль С.М.Рококо. От Ватто до Фрагонара.СПб. «Азбука- классика»2007., 336 с.
10. Юрова Е.С.Эпоха бисера в России. М.,Интербук-бизнес 2003
11. Liechtenstein Museum Wien.Biedermeier im Haus Liechtenstein.Vaduz..2005
12. История мировой живописи. Викторианская живопись и прерафаэлиты. М., 2008
13. Сарабьянов Д.В. П. А .Федотов и русская художественная культура 40-х годов XIX века.М.,1973
14. Пленники красоты.Русское академическое и салонное искусство 1830-1910-х годов. М.,2006
15. Сарабьянов Д.В. Бидермейер. Стиль без имен ишедевров.»Пинакотека»№4.,М.,1998
16. От Фридриха до Диркса. Немецкая живопись из Дрезденской галереи новых мастеров. Каталог выставки.- СПб.,2008
17. Шабатура Л.Н..Костко О.Ю.»Реальное» и «идеальное» как эстетические ценности. К вопросу о влиянии немецкой философии на русскую культуру эпохи бидермайера. С127-130. В сб. Феномены культуры Тюмень., ТИУ. 2019
18. БерковскийН.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973
19. Шеллинг.Ф.В.Й.Философияискусства.. М.,1966

The phenomenon of Biedermeier color culture

Anastasiya M. Yustus

Associate professor
Tyumen Industrial University,
625000, 38, Volodarskogo str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: yustus7027@gmail.com

Oksana Yu. Kostko

Associate professor
Tyumen Industrial University,
625000, 38, Volodarskogo str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: oksandra-mus@mail.ru

Abstract

The article describes the fundamental stages of the formation of societies color preferences at the beginning of the 19th century, based on a number of studies, as well as the influence of the philosophical views of the era on the development of the Biedermeier color culture. The set of colors inherent in various styles preceding and accompanying the Biedermeier style is defined. The examples of the influence of the previous styles and their color culture on the formation of the color of the Biedermeier style are given. The problems of Biedermeier's philosophy of color culture are identified not so much with the form and color itself, but with its ideological content, "with a special phenomenological induction", which manifests itself both in the social being and in the spirit of the cultural environment itself, which forms the stylistic direction of the created values. The meaning and code inherent in the style are indicated. The interpretation of color culture in the language of style is given. The scheme of development and change of color culture is presented. An attempt is made to present the stages and develop a brief scheme for the formation of a color code of any style. An excursion into the history of the development of styles: Rococo, Romanticism and Biedermeier. The article builds a generalized conditional scheme according to the chronological principle, demonstrating the evolution from the romantic influence on the style to its later manifestations, where the realistic features more characteristic of the 2nd half of the XIX century are strengthened. A parallel is drawn between the value characteristics of Biedermeier's culture and modernity. Developed color tables for the Biedermeier style.

For citation

Yustus A.M., Kostko O.Yu. (2021) Fenomen tsvetovoi kul'tury bidermaiera [The phenomenon of Biedermeier color culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 133-143. DOI: 10.34670/AR.2021.84.15.016

Keywords

Coloristics, color culture, color palette, style, Biedermeier, semantic and color code, philosophical and stylistic originality, the phenomenon of color culture.

References

1. Biedermeier from the collection of the Prince of Liechtenstein. Austrian art of the 1st half of the 19th century. M., 2009.
2. Culture, era and style. Classical art of the West. Digest of articles. M "Galart" 2010
3. Mikhailov A.V. Reverse translation. M., Languages of Russian culture. 2000.
4. Razdolskaya V.I. European art of the 19th century. Classicism, romanticism. SP-b "Azbuka - classic" 2009.
5. Fedotova E. D. Biedermeier. Epochs. Styles. Directions. M., "White City" 2005
6. Efimov A.V. Coloristic culture. In review: Current trends in polychromy in architecture. CSTI Grazhdanstroy. M., 1979.
7. Kostko O.Yu. Biedermeier and contemporary art: from a "private" person to a "partial" person. Bulletin of the Altai State University No. 2 (74). Barnaul., 2012.S. 190-195
8. Danilova, I. About Mikhail Vladimirovich Alpatov. Art Criticism No. 2. M., 2002. p. 7
9. Daniel S. M. Rococo. From Watteau to Fragonard.St. Petersburg. "Azbuka-klastika" 2007., 336 p.
10. Yurova E. S. The era of beads in Russia. Moscow, Interbook-business 2003
11. Liechtenstein Museum Wien.Biedermeier im Haus Liechtenstein.Vaduz..2005
12. History of world painting. Victorian painting and pre-Raphaelites. Moscow, 2008
13. Sarabyanov D. V. P. A. Fedotov and Russian art culture of the 40s of the XIX century. Moscow,1973
14. Captives of beauty.Russian Academic and Salon art of the 1830s-1910s. Moscow, 2006
15. Sarabyanov D. V. Biedermeyer. A style without names and guevres."Pinakoteka" No. 4., Moscow, 1998
16. From Friedrich to Dirks. German painting from the Dresden Gallery of New Masters. Exhibition catalog. - St. Petersburg, 2008
17. Shabatura L. N. "Real" and "ideal" as aesthetic values. On the influence of German Philosophy on Russian Culture of the Biedermeier era. C127-130. In the collection Phenomena of Culture Tyumen., TIU. 2019
18. BerkovskijN. Ya. Romanticism in Germany. L., 1973
19. Schelling. F. V. J. Filosofiyaikusstva. M., 1966

UDC 008

DOI: 10.34670/AR.2021.96.42.017

Modern methods of artistic woodworking during author's sculptures creation

Aleksandr D. Cheglakov

Artist

member of the Creative Union of Artists of Russia.

117593, Russian Federation, Moscow, Litovsky Boulevard, 13/12-507

e-mail: info@cheglakovart.ru

Abstract

The article examines modern methodological developments in the artistic processing of wood in order to create original sculptures. Analyzing modern approaches to the need to combine both classical and modern approaches when working with wood, the importance of preserving the traditions of artistic wood processing. The necessity of taking into account the qualitative characteristics of the wood material in its artistic processing is emphasized. The technological features of working with this kind of material are shown on the basis of the existing practical (professional) experience of the author. Practical recommendations for improving the creative process when working with wood are offered. Various methods are described that allow you to thoroughly clean and prepare the surface of the wood, paint it in the desired tone, and protect it from possible cracking. Attention will be paid to the methodology of processing the wood surface with traces of bark beetles, as well as the method of firing, as a result of which a very textured charred wood structure is demonstrated in the works of art.

For citation

Cheglakov A.D. (2021) Modern methods of artistic woodworking during author's sculptures creation. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 144-152. DOI: 10.34670/AR.2021.96.42.017

Keywords

A sculpture, artistic woodworking, methods, an artist, wood cleaning, wood polishing, wood burning.

Introduction

Turning to such a complex art as sculpture, we cannot ignore the issue of material. His choice, treatment and the artist's ability to properly use its properties are often a half of a successful and impressive result. It also applies to those sculptors who, following the traditions of the avant-garde and postmodernism, turn to the found objects and change household items, building materials and elements of the natural environment (soil, plants, stones) into works of art. Working in this style, the artist manifests himself rather not in the masterful processing of the material, but in paying attention to the natural properties of the object and their aesthetics. By defusing and changing the context, transferring the familiar non-artistic object into the museum and gallery environment, the artist makes the viewer glance at the world of things differently, look closely at the familiar and find in it a new beauty previously hidden from the eyes.

This approach is relevant in the field of modern wooden sculpture, many its representatives try not to make wood serve the artist's intention, but to see in the natural form, texture and color space for free interpretation. For the artist working in this way, it is especially important to know well his material and its properties, as well as to be able to correctly emphasize its merits and prevent the appearance of shortcomings.

The importance of careful study of the material is emphasized by both artists and researchers: "the physical and visual characteristics themselves lead to a certain technologized, adequate form. The material is able to show its emotional-figurative characteristic, in combination with other materials ... The whole history of decorative art – from metal and wood to lace-making – shows how important information about the material is ... Knowledge of the properties and secrets of the material must be revealed and preserved ...".

Main part

Considering the material as one of the starting points in the study of a piece of art, we also pay our attention to issues related to the technology of creating works of art. The material chosen by the artist is revealed only during processing, even if in the end, during looking at the completed work, it seems minimal, as is the case with the found objects. While working with natural materials, it is especially important to be able to combine traditional, simple and crude methods of creating with new, high-tech approaches. Such a harmony of methods, their complementarity allows the artist to fully reveal his idea and at the same time greatly reduce the cost of time and physical resources.

The issue of combining modern and classical techniques is especially relevant during working with wood, since "wood is the most traditional material for many countries and peoples that forms a complex of a subject-spatial environment: residential and religious buildings, furniture, household items (dishes, spinning wheels, toys etc.), means of transport (sleighs, carriages, ships), and etc. For many centuries this amazing "living" material has shown its susceptibility to changes in constructive forms in accordance with the cultural, historical and technological development of society in a bipolar dimension: a combination of general historical trends in the development of mankind and the preservation of folk traditions".

During working with wood, it is important to remember that it is a living, natural material, whose life continues after the completion of the author's work on the creation. Although wood is a very strong, resilient and durable material, it is susceptible to processes such as shrinkage, reshaping and cracking. In this regard, it is very important to study the material: the structure of wood, its varieties and,

accordingly, their properties, as well as various methods of preparing the material for work and further long-term storage.

In the course of our longstanding artistic practice in working with wood, we have come to a number of technological innovations, the knowledge of which can be useful both for sculptors and designers working with wood, and for art theorists who want to better understand the process of creating wooden sculptures. In this article, we will consider some of the technological features of our work and describe the solutions that we came to, trying to convey our author's intention as accurately as possible in wood.

Working with wood requires a lot of patience for the artist, as many processes take a long time. So, a fragment of a trunk, branches or root system found in the forest requires drying in a warm, heated dry room for about two weeks. As the centuries-old practice of the logging industry shows, "the main purpose of drying wood in all conditions of its industrial and domestic use is to convert wood from natural raw materials into industrial material with a radical improvement of its biological, physical-mechanical, technological and consumer properties ... As a result of drying, wood acquires resistance to decay, its strength and rigidity increase, dimensional and shape stability of parts and the entire product arise, the possibility of gluing, grinding, polishing opens up, wood acquires a number of hygienic properties, its heat capacity, heat and electrical conductivity decrease, other positive properties appear (better retention nails, the purity of the treated surface is higher, and etc.)".

In addition, the sequence of actions required for careful artistic processing of wood may seem complicated and time-consuming. However, as practice shows, the importance of each stage of woodworking should not be underestimated. It is important to remember that the consequences of poor-quality drying and processing may not appear immediately, but only after a lapse of time, when the tree begins to dry out and deform due to natural reasons. If the artist does not consciously lay down such a possibility of the subsequent transformation of his sculpture, then he should pay special attention to all the preparatory stages.

The initial roughing process takes a significant amount of time, especially during working with hard types of wood such as an oak. For the most thorough and at the same time natural woodworking, we offer the following method.

At the first stage, an angle grinder is used, and it is important to emphasize that conductors designed for metal processing (cord brushes) are used for working with wood. By adjusting the speed of the grinder and moving parallel to the fiber lines, it is necessary to remove the upper layers from the surface of the tree, destroyed by such natural and meteorological factors as wind, sun, frost, precipitation. It is worth starting with the hardest cord brush, gradually moving to softer ones for more delicate processing.

At the next stage, the artist is faced with the task of satin-finishing of the wood surface – that is, achieving its ideal smoothness. To do this, use a brush grinder with various brushes: from thick dense metal bristles, you should go to a nylon brush, which is used for the finest, finishing grinding.

The methodology for treating wood surfaces with traces of bark beetle should be considered separately. These small bugs are considered one of the most dangerous forest pests, including the Moscow region. However, with all the danger of parasites during the life of a tree, after its death, we can admire those traces-tunnels that bark beetles leave in the wood. The intricate patterns under the bark of the trunks and branches of trees represent the beetles' branched nests where they lay their eggs. As the researchers note, "a spruce at the age of 70-90 years is the most often attacked by the bark beetle. It is explained by the fact that during this period the bark of the tree, with the structure that is the most preferred by the beetle, has the largest area in the trunk".

The patterns left by the bark beetle are very different and intricate: they can be wide and relatively sparse grooves or narrow and frequent furrows.

A trunk with such a pattern is difficult to process in such a way as to preserve the pattern in all its naturalness. In order to do this, the entire surface is manually worked with a nylon brush of medium hardness (you can use a brush for cleaning lawn-mowers from grass residues). Next, with a rotating nylon cylindrical brush installed in a brush grinder, carefully and without pressure, at low speeds, the surface is cleaned with movements along the trunk, fixed in a stable stationary position. At these stages, it is important to constantly monitor that the bark beetle pattern is not damaged.

Another interesting technique for creating wooden sculptures is the firing method, as a result of which a very textured charred structure of wood is demonstrated in works of art.

For a particularly amazing artistic effect, you can use the trunks of trees struck by lightning. In this case, the artist is faced with the task of properly processing the material in order to preserve and consolidate its natural beauty. It is necessary to remove charred particles from the surface, which tend to peel off and crumble. For this purpose, the following technology is used. The surface is treated with a hand brush with thick and hard nylon bristles. After removing the fragile burnt particles, you can use a compressor, the compressed air from which blows off the coal dust and loose particles. As a result of these manipulations, the surface becomes clean and solid, but at the same time retains the texture and appearance of the charcoal.

Then an aerosol varnish is sprayed onto the surface – while solidifying, it glues the charred surface, giving it strength. At the stage of varnishing, it is also possible to use compressed air sprayed with a compressor, which allows it to be distributed evenly in a thin layer over the entire surface and filled cracks and holes.

If the artist does not have a suitable piece of wood that has been burned down by a lightning strike, the artificial firing method can be used. The required surface is fired with a powerful burner with liquefied petroleum gas (fig. 6). This process can be time consuming, especially if you work with an oak, which is almost impossible to set on fire due to the special density of the wood. To achieve the desired result, it is necessary to burn the wood for a long time: from 10 to 30 minutes, depending on the surface area. To speed up the process and achieve a more impressive result, the surface to be treated can be periodically sprayed with water from a spray bottle – due to this, the tree heats up in thickness and cracks better.

Conclusion

There are the main author's methods that can be successfully applied in the creation of wooden sculptures. As we can see, the implementation of a modern artistic composition requires a special ingenuity in a combination of mechanical and technological methods of woodworking, as well as a high qualification of the artist who is well aware of the properties of various types of wood and how with their help to fully reveal his author's intention.

References

1. Ilen M. Wood finishing. Illustrated guide. - Moscow: Kladez books, 2008 – - 154 p.
2. Brown D. Encyclopedia of wood processing methods. - M.: ACT, Astrel, 2005. – 176 p.
3. All types of wood processing: sawing, planing, chiseling, drilling, cutting, grinding / author-comp. A.M. Gorbov. - Moscow: AST; Donetsk: Stalker, 2006. - 141 p.
4. Jackson A., Day D. Encyclopedia of woodwork. - M.: Astrel, ACT., 2005 – - 319 p.
5. Krechetov I. V. Drying of wood. - M.: Forest industry, 1980. – 432 p.
6. Krechetov I. V. Drying and protection of wood. Moscow: Forest industry, 1987. - 328 p.
7. Kuleshov A. G. Khudozhestvennaya obrabotka derevyi [Artistic processing of wood]. 2008. No. 3 (31). - pp. 97-103.
8. Forests of Russia in the XXI century: Collection of scientific papers on the results of the International Scientific and

- Technical Internet Conference. St. Petersburg, November 26, 2015, Vol. 12. / Ed. Grigoriev I. V.-Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Forest Engineering University named after S. M. Kirov, 2015. - 148 p.
9. Material-technology-form as a universal triad in design, architecture, fine and decorative art: Materials of the international scientific conference, Moscow, May 18, 2018 / Ed.: Gantseva N. N., Ivanova Yu. B., Ivanova E. D., Comp.: Lavrentiev A. N., Gantseva N. N., Sazikov A. V.-M.: Moscow State Art and Industrial Academy named after S. G. Stroganov, 2018 – - 538 p.
 10. Mirtova I. A., Yershov D. V., Myagkova D. A. The use of satellite data for assessing forest damage by bark beetles-typographers on the example of the Moscow region // News of higher educational institutions. Geodesy and aerial photography. 2013. No. 6. – pp. 77-82.
 11. Orlov I. I., Mashakin A. I. Technology of artistic processing of materials (wood carving): A textbook for conducting practical classes. - Moscow: MGH PA named after S. G. Stroganov, 2018. - 92 p.
 12. Pilikina N. N. The art of artistic processing of wood in the dialogue of history and modernity // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2009. – № 1(27). – P. 236-241.
 13. Potalitsyn D. V., Zakharenko E. A. Technology of wood processing by fire as a method of protection from the action of aggressive-destructive factors // Bulletin of the Student Scientific Society. 2018. Vol. 9. no. 2. - p. 152-153.
 14. Rykunin S. N., Kandalina L. N. Technology of woodworking: a textbook for the beginning of prof. education / 5th ed. - M.: Academy, 2011 – - 352 p.
 15. Kurasov S. V. Ritual symbolism and structure of the stupa as a boundary object between architecture and sculpture//Russian Scientific journal. 2013. no. 6 (37). pp. 80-83.
 16. Ruzova E. I., Kurasov S. V. Osnovy kompozitsii v design ' srednii [Fundamentals of composition in the design of the environment] / / prakticheskiy kurs / Ruzova E. I., Kurasov S. V., Moscow, 2010.
 17. Kurasov S. V., Lavrentiev A. N., Myasnikova L. G. Digital art in Russia. Directions of development and experience of schools of design and architecture//In the collection: Russian creative education in the field of Digital art in accordance with EU standards. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. 2016. pp. 9-18.
 18. Kurasov S. V., Lavrentiev A. N. Museum theme in the history of the Stroganov school//In the collection: Museums of Decorative Art, Art Industry and Design: yesterday, today, tomorrow. Materials of the international scientific conference dedicated to the 150th Anniversary of the Museum of Decorative, Applied and Industrial Art of the Stroganov Moscow State Art Academy Experience of collective monographic research. 2018. pp. 16-23.
 19. Kurasov S. V., Koshaev V. B., Lavrentiev A. N. Preface. Archetype and invariants in canonical and design-art creativity//In the collection: Archetype and universals in the art of the Christian world from Antiquity to the present: fine and monumental-decorative art, architecture and the subject-spatial environment. XXVI International Christmas Educational Readings: "Moral values and the future of humanity". 2018. pp. 14-18.
 20. Kurasov S. V., Budak V. P., Shchepetkov N. I. The art of light: science, technology, education and design and artistic creativity//In the collection: THE ART OF LIGHT: DESIGN, ARCHITECTURE, ART AND DESIGN CREATIVITY. International Scientific and Practical Conference. 2019. p. 8-12.
 21. Kurasov S. V. Sculpture of Tibet: plastic of the spirit//Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No. 1-2 (24). pp. 56-61.
 22. Kurasov S. V. Key directions of development of the Stroganov Academy in the context of actual professional and creative problems in the system of art and industrial education//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2018. № 2-1. p. 4-12.
 23. Kurasov S. V. Iconology as hermeneutics of canonical art//Culture and civilization. 2014. No. 6. pp. 42-56.
 24. Zaeva-Burdonskaya E. A., Kurasov S. V. Formoobrazovanie v design ' sredi [Form Formation in the design of the environment] / / Method of stylization: propaedeutical course / Zaeva-Burdonskaya E. A., Kurasov S. V., Moscow, 2008.
 25. Zherdev E. V., Kurasov S. V., Lavrentiev A. N. Elements of modern theoretical design landscape: new technologies, "disappearing design", integrity and problems of sustainable development//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2020. № 4-3. pp. 91-101.
 26. Lavrentiev A. N., Kovalchuk A. N. Spatial constructions as an artistic invention. Towards the formation of abstract sculpture as an independent direction//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2019. № 2-2. pp. 151-165.
 27. Burganova M. A. DUTCH ENGRAVING AND SCULPTURE OF THE TRINITY CATHEDRAL OF THE TRINITY-GLEDENSKY MONASTERY. IMAGE AND PROTOTYPE//In the collection: Archetype and universals in the art of the Christian world from Antiquity to the present: fine and monumental-decorative art, architecture and the subject-spatial environment. XXVI International Christmas Educational Readings: "Moral values and the future of humanity". 2018. pp. 110-115.
 28. Burganova M. A. WORKS OF SCULPTURE AT BRAFA-2018//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2018. № 2-1. P. 19-25.
 29. Burganova M. A. INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON SCULPTURE OF STUDENTS OF THE CIS COUNTRIES AS A FORMAT OF INTERNATIONAL DIALOGUE AND A PLEDGE OF PRESERVATION AND

- DEVELOPMENT OF CULTURAL TRADITION//In the collection: A unified educational environment in the field of art and design as a factor in the formation and education of a creative personality. The First All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 92-97.
30. Burganova M. A. SCULPTURE OF MODERN TIMES IN THE MUSEUM OF ARCHEOLOGY OF THE WILHELM UNIVERSITY OF WESTPHALIA IN MUNSTER//Burganov House. Cultural space. 2016. NO. 3. PP. 39-50.
31. Burganova M. A. SCULPTOR ALEXANDER BURGANOV//Burganov House. Cultural space. 2015. NO. 1. pp. 223-235.
32. Troshchinskaya A.V., Astrakhantseva T. L. ON THE PROBLEM OF RESEARCH AND ATTRIBUTION OF EARLY SCULPTURES BY V. I. MUKHINA//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2016. No. 4. pp. 51-59.
33. Akilov I. V., Gavrilin K. N. PAINTING OF POLYCLETUS THE ELDER AND ITS INFLUENCE ON THE EVOLUTION OF THE SCULPTOR'S CREATIVITY//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2020. № 1-1. PP. 235-245
34. Gavrilin K. N. MONUMENTAL COROPLASTY OF SOUTHERN ETRURIA AND LATIUM (SCULPTURE SCHOOLS VI-NACH. V BB. Do n. E.) // Dissertation for the degree of Candidate of Art History / Moscow, 2000
35. Lavrentiev A. Stroganov School of Design and modern education in the field of digital art//In the collection: Modern methods of teaching in the field of digital arts. 2015. pp. 39-58.
36. Gantseva N. N., Kurgan G. I., Kostikov N. A., Mashakin A. I. Art as a reflection of the epoch//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2016. No. 4. pp. 82-91.
37. Gantseva N. N., Kostikov N. A., Kurgan G. I. Historical construction of the art of F. Schelling//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2015. No. 4. pp. 280-288.
38. Gantseva N. N., Kostikov N. A. Beauty as a principle of being: axioms of shaping the ancient classics//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2014. No. 4. pp. 49-58.
39. Burganova M. A., Smolenkova Ju. A. ALEXANDER BURGANOV: AUTHOR'S MODEL OF THE ARTISTIC UNIVERSE// Texts. 2020. No. 1. PP. 29-39.
40. Zherdev E. V. SPACE AS AN AESTHETIC ESSENCE IN ARTISTIC CREATIVITY//In the collection: Space, Movement, Light in the Art of the Christian world from Antiquity to the Present. Fine monumental and decorative art, architecture, and the subject-spatial environment. XXVII International Christmas Educational Readings. Youth: freedom and responsibility. The direction of the Church and culture. The conference is dedicated to the memory of the Holy Martyr Elizabeth Romanova, Grand Duchess, trustee of the Imperial Stroganov School. 2019. pp. 50-58.
41. Zherdev E. V. PARADIGMS OF CONSUMER IDENTIFICATION AND THINGS IN DESIGN//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2018. № 1-2. P. 4-20.
42. Zherdev E. V. SEMANTICS OF STRAIGHT AND CURVED LINES IN WORKS OF ART AND DESIGN//Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA. 2017. № 2-2. PP. 99-110.
43. Zherdev E. V. METAPHOR IN ECOLOGICAL DESIGN//Project culture and quality of life. 2015. No. 1. pp. 22-35.
44. Kalinicheva M. M., Zherdev E. V., Novikov A. I. NAUCHNAYA SHKOLA ERGODIZAYNA VNIITE [SCIENTIFIC SCHOOL OF ERGODIZAYNA VNIITE]. predposylki, istoki, tendentsii stanovleniya : monografiya [Prerequisites, sources, trends of formation: monograph]. Moscow, 2009.

Современные методики художественной обработки дерева при создании авторских скульптур

Чеглаков Александр Дмитриевич

Художник

член Творческого союза художников России.

117593, Российская Федерация, Москва, Литовский бульвар, 13/12-507

e-mail: info@cheglakovart.ru

Аннотация

В статье исследуются современные методические разработки при художественной обработке дерева с целью создания авторских скульптур. Анализируя современные подходы к необходимости сочетания как классических, так и современных подходов при работе с

деревом, важности сохранения традиций художественной обработки древесины. Подчеркивается необходимость учитывания качественных характеристик древесного материала при его художественной обработке. Показаны технологические особенности работы с такого рода материалом на основе имеющегося практического (профессионального) опыта автора. Предложены практические рекомендации для улучшения творческого процесса при работе с деревом. Описываются различные способы, позволяющие тщательно очистить и подготовить поверхность дерева, окрасить ее в необходимый тон, а также защитить от возможного растрескивания. Внимание будет уделено методологии обработки древесной поверхности со следами короеда, а также методу обжига, вследствие которого в художественных произведениях демонстрируется очень

Для цитирования в научных исследованиях

Чеглаков А.Д. Modern methods of artistic woodworking during author's sculptures creation // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 144-152. DOI: 10.34670/AR.2021.96.42.017

Ключевые слова

Скульптура, художественная обработка дерева, методика, художник, очистка дерева, полировка дерева, обжиг дерева, фактурная обуглившаяся структура древесины.

Библиография

1. Аллен М. Отделка древесины. Иллюстрированное руководство. – М.: Кладезь букс, 2008. – 154 с.
2. Браун Д. Энциклопедия методов обработки дерева. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 176 с.
3. Все виды обработки дерева: пиление, строгание, долбление, сверление, резание, шлифование / авт.-сост. А. М. Горбов. – М.: АСТ; Донецк : Сталкер, 2006. – 141 с.
4. Джексон А., Дэй Д. Энциклопедия работ по дереву. – М.: Астрель, АСТ., 2005. – 319 с.
5. Кречетов И.В. Сушка древесины. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 432 с.
6. Кречетов И.В. Сушка и защита древесины. М.: Лесная промышленность, 1987. – 328 с.
7. Кулешов А. Г. Художественная обработка дерева // Традиционная культура. 2008. № 3(31). – С. 97–103.
8. Леса России в XXI веке: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-технической интернет-конференции. Санкт-Петербург, 26 ноября 2015 г. Вып. 12. / Ред. Григорьев И.В. – СПб.-Петербург: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова, 2015. – 148 с.
9. Материал–технология–форма как универсальная триада в дизайне, архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве: Материалы международной научной конференции, Москва, 18 мая 2018 г./ Ред.: Ганцева Н.Н., Иванова Ю.Б., Иванова Е.Д., Сост.: Лаврентьев А.Н., Ганцева Н.Н., Сазиков А.В.– М.: Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, 2018. – 538 с.
10. Миртова И. А., Ершов Д. В., Мягкова Д. А. Использование спутниковых данных для оценки повреждения лесов короедом-типографом на примере Московской области // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2013. № 6. – С. 77–82.
11. Орлов И.И., Машакин А.И. Технология художественной обработки материалов (резьба по дереву): Учебное пособие для проведения практических занятий. – М.: МГХ ПА им. С.Г.Строганова, 2018. – 92 с.
12. Пиликина Н.Н. Искусство художественной обработки дерева в диалоге истории и современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 1(27). – С. 236–241.
13. Поталицын Д.В., Захаренко Е.А. Технология обработки дерева огнем как метод защиты от действия агрессивно-разрушающих факторов // Вестник Студенческого научного общества. 2018. Т. 9. № 2. – С. 152–153.
14. Рыкунин С.Н., Кандалина Л.Н. Технология деревообработки: учебник для нач. проф. образования / 5–е изд. – М.: Академия, 2011. – 352 с.
15. Курасов С.В. Ритуальная символика и структура ступы как пограничного объекта между архитектурой и скульптурой//Российский научный журнал. 2013. № 6 (37). С. 80-83.
16. Рузова Е.И., Курасов С.В. Основы композиции в дизайне среды//практический курс / Рузова Е. И., Курасов С. В., Москва, 2010.
17. Курасов С.В., Лаврентьев А.Н., Мясникова Л.Г. Цифровое искусство в России. Направления развития и опыт школ дизайна и архитектуры//В сборнике: Российское креативное образование в области Цифрового искусства

- в соответствии со стандартами ЕС. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 9-18.
18. Курасов С.В., Лаврентьев А.Н. Музейная тема в истории строгановской школы//В сборнике: Музеи декоративного искусства, художественной промышленности и дизайна: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции к 150-летию Музея декоративно-прикладного и промышленного искусства МГХПА им. С.Г.Строганова Опыт коллективного монографического исследования. 2018. С. 16-23.
 19. Курасов С.В., Кошаев В.Б., Лаврентьев А.Н. Предисловие. Архетип и инварианты в каноническом и проектно-художественном творчестве//В сборнике: Архетип и универсалии в искусстве христианского мира от античности до современности: изобразительное и монументально-декоративное искусство, архитектура и предметно-пространственная среда. XXVI Международные Рождественские образовательные чтения: «Нравственные ценности и будущее человечества». 2018. С. 14-18.
 20. Курасов С.В., Будак В.П., Щепетков Н.И. Искусство света: наука, техника, образование и проектно-художественное творчество//В сборнике: ИСКУССТВО СВЕТА: ДИЗАЙН, АРХИТЕКТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ПРОЕКТНОЕ ТВОРЧЕСТВО. Международная научно-практическая конференция. 2019. С. 8-12.
 21. Курасов С.В. Скульптура Тибета: пластика духа//Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1-2 (24). С. 56-61.
 22. Курасов С.В. Ключевые направления развития академии имени Строганова в контексте актуальных профессиональных и творческих проблем в системе художественно-промышленного образования//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2018. № 2-1. С. 4-12.
 23. Курасов С.В. Иконология как герменевтика канонического искусства//Культура и цивилизация. 2014. № 6. С. 42-56.
 24. Заева-Бурдонская Е.А., Курасов С.В. Формообразование в дизайне среды//метод стилизации : пропедевтический курс / Заева-Бурдонская Е. А., Курасов С. В., Москва, 2008.
 25. Жердев Е.В., Курасов С.В., Лаврентьев А.Н. Элементы современного теоретического дизайн-ландшафта: новые технологии, "исчезающий дизайн", целостность и проблемы устойчивого развития//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 4-3. С. 91-101.
 26. Лаврентьев А.Н., Ковальчук А.Н. Пространственные конструкции как художественное изобретение. К формированию абстрактной скульптуры как самостоятельного направления//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2019. № 2-2. С. 151-165.
 27. Бурганова М.А. НИДЕРЛАНДСКАЯ ГРАВЮРА И СКУЛЬПТУРА ТРОИЦКОГО СОБОРА ТРОИЦЕ-ГЛЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ. ОБРАЗ И ПРОТОТИП//В сборнике: Архетип и универсалии в искусстве христианского мира от античности до современности: изобразительное и монументально-декоративное искусство, архитектура и предметно-пространственная среда. XXVI Международные Рождественские образовательные чтения: «Нравственные ценности и будущее человечества». 2018. С. 110-115.
 28. Бурганова М.А. ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКУЛЬПТУРЫ НА BRAFA-2018//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2018. № 2-1. С. 19-25.
 29. Бурганова М.А. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СКУЛЬПТУРЕ СТУДЕНТОВ СТРАН СНГ КАК ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА И ЗАЛОГ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ//В сборнике: Единая образовательная среда в сфере искусства и дизайна как фактор формирования и воспитания творческой личности. Первая Всероссийская научно-практическая конференция. 2017. С. 92-97.
 30. Бурганова М.А. СКУЛЬПТУРА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ ВЕСТФАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ВИЛЬГЕЛЬМА В МЮНСТЕРЕ//Дом Бурганова. Пространство культуры. 2016. № 3. С. 39-50.
 31. Бурганова М.А. СКУЛЬПТОР АЛЕКСАНДР БУРГАНОВ//Дом Бурганова. Пространство культуры. 2015. № 1. С. 223-235.
 32. Трощинская А.В., Астраханцева Т.Л. К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АТРИБУЦИИ РАННИХ СКУЛЬПТУР В.И. МУХИНОЙ//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2016. № 4. С. 51-59.
 33. Акилов И.В., Гаврилин К.Н. ЖИВОПИСЬ ПОЛИКЛЕТА СТАРШЕГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ ТВОРЧЕСТВА СКУЛЬПТОРА//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 1-1. С. 235-245.
 34. Гаврилин К.Н. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОРОПЛАСТИКА ЮЖНОЙ ЭТРУРИИ И ЛАЦИЯ (СКУЛЬПТУРНЫЕ ШКОЛЫ VI-НАЧ. V ВВ. ДО Н. Э.)//диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Москва, 2000
 35. Лаврентьев А. Строгановская школа дизайна и современное образование в области цифрового искусства//В сборнике: Современные методы обучения в сфере цифровых искусств. 2015. С. 39-58.
 36. Ганцева Н.Н., Курган Г.И., Костиков Н.А., Машакин А.И. Искусство как отражение эпохи//Декоративное

- искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2016. № 4. С. 82-91.
37. Ганцева Н.Н., Костиков Н.А., Курган Г.И. Историческое конструирование искусства ф. Шеллинга//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 4. С. 280-288.
38. Ганцева Н.Н., Костиков Н.А. Красота как принцип бытия: аксиомы формообразования античной классики//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 4. С. 49-58.
39. Burganova M.A., Smolenkova Ju.A. ALEXANDER BURGANOV: AUTHOR'S MODEL OF THE ARTISTIC UNIVERSE//Texts. 2020. № 1. С. 29-39.
40. Жердев Е.В. ПРОСТРАНСТВО КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ//В сборнике: Пространство, Движение, Свет в искусстве христианского мира от античности до современности. Изобразительное монументально-декоративное искусство, архитектура и предметно-пространственная среда. XXVII Международные Рождественские образовательные чтения. Молодежь: свобода и ответственность. Направление Церковь и культура. Конференция посвящается памяти Святой преподобномученице Елизавете Романовой, великой княгине, попечительнице Императорского Строгановского училища. 2019. С. 50-58.
41. Жердев Е.В. ПАРАДИГМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯ И ВЕЩИ В ДИЗАЙНЕ//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2018. № 1-2. С. 4-20.
42. Жердев Е.В. СЕМАНТИКА ПРЯМЫХ И КРИВЫХ ЛИНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА И ДИЗАЙНА//Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. № 2-2. С. 99-110.
43. Жердев Е.В. МЕТАФОРА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ//Проектная культура и качество жизни. 2015. № 1. С. 22-35.
44. Калиничева М.М., Жердев Е.В., Новиков А.И. НАУЧНАЯ ШКОЛА ЭРГОДИЗАЙНА ВНИИТЭ//предпосылки, истоки, тенденции становления : монография / М. М. Калиничева, Е. В. Жердев, А. И. Новиков. Москва, 2009.

УДК 94 (470)

DOI: 10.34670/AR.2021.51.29.018

Религиозная ситуация в Ульяновской области в 2010-2017 гг. (по материалам местных печатных СМИ)

Идиатуллов Азат Корбангалиевич

Доктор исторических наук,
профессор кафедры географии и экологии,
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432071, Российская Федерация, Ульяновск, пл. Ленина, 4/5;
e-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Мухаметшин Айзат Асхатович

Студент естественно-географического факультета,
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432071, Российская Федерация, Ульяновск, пл. Ленина, 4/5;
e-mail: nokiaaizat.2011@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания», код МД-2585.2021.2 (2021-2022 гг.)

Аннотация

Статья посвящена анализу современной религиозной ситуации Ульяновской области на основе материалов местных печатных СМИ. Несмотря на специфический стиль и аргументацию отдельных материалов региональной прессы, её анализ может помочь выявить наиболее общие тренды политики властей по отношению к тем или иным конфессиям, сделать выводы об уровне активности отдельных религиозных организаций, направлениях и содержании возможного межконфессионального сотрудничества, а также фактов конфликтов на религиозной почве. Исследование показало численное преобладание статей, посвящённых православию. Среди возможных причин доминирования православия в регионе можно считать то обстоятельство, что Ульяновская область, будучи родиной В. И. Ленина, стала одним из центров атеистической пропаганды в советский период и потому острее всего «ощутила» последствия «духовного голода» постсоветского периода. Ислам – вторая по упоминаемости религия в анализируемой прессе. Помимо православия и ислама в анализируемых изданиях получили пусть и незначительное, но освещение такие конфессии как: буддизм, старообрядчество, иудаизм. Автор считает, что религиозная ситуация в Ульяновской области, согласно проанализированным публикациям, отличается относительной стабильностью. По мнению

автора, отмеченные в публикациях случаи межконфессиональной напряжённости носят единичный характер и зачастую ограничиваются частным мнением.

Для цитирования в научных исследованиях

Идиатуллов А.К., Мухаметшин А.А. Религиозная ситуация в Ульяновской области в 2010-2017 гг. (по материалам местных печатных СМИ) // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 153-160. DOI: 10.34670/AR.2021.51.29.018

Ключевые слова

Православие, мусульмане, СМИ, Ульяновская область, власть.

Введение

Региональные исследования религиозной ситуации – весьма распространённый сюжет современных социологических и политологических публикаций. Изучая характер межрелигиозных взаимодействий, отношений респондентов к тем или иным конфессиям, мнения жителей различных регионов о перспективах религии, учёные решают различные теоретические и практические задачи. В частности, апробируют самые удачные методические подходы по измерению межконфессионального напряжения [Сулов, 2019, 66], доказывают усиление религиозного, и в первую очередь православного фактора в общественно-политической сфере страны [Лункин, 2012, 212], анализируют роль СМИ в интеграции полиэтнического населения в единую нацию [Малькова, 2014, 101].

Чаще всего наблюдения и выводы авторов, изучающих религиозную ситуацию в регионе, основаны на анализе социологических материалов, таких, например, как анкетирование [Идиатуллов, 2015; Климович, 2017], опрос, интервью [Гарифзянова, 2014; Идиатуллов, 2014б], на исследовании динамики межконфессиональных браков и отношений к ним местного населения [Дюльдина, Кобзев, 2012]. Местные СМИ, как видно из названия публикаций, упомянутых выше, также являются важным источником сведений о различных аспектах общественной, политической, культурной жизни субъектов РФ [Гладкова и др., 2018]. Несмотря на специфический стиль и аргументацию отдельных материалов региональной прессы, её анализ может помочь выявить наиболее общие тренды политики властей по отношению к тем или иным конфессиям, сделать выводы об уровне активности отдельных религиозных организаций, направлениях и содержании возможного межконфессионального сотрудничества, а также фактов конфликтов на религиозной почве.

Отдельный вид местной прессы – религиозные издания, которые представляют читателям во многом альтернативный взгляд на региональную действительность, грешат информационным изоляционизмом. Тем не менее, благодаря им читатели, прямо или опосредованно относящиеся к религии, могут получить выбор, что читать: светские издания или религиозные [Гришаева, 2018, 306-307]. Например, в Ульяновской области зарегистрирована одна религиозная газета – «Православный Симбирск».

Среди публикаций, опирающихся на СМИ как источник религиозоведческих и этнологических исследований, помимо вышеупомянутых, отметим также работы Л. М. Дробижевой [Дробижева, 2010], Н. Н. Аблажея [Аблажей, 2012], В. З. Гарифуллина [Гарифуллин, 2013], А. А. Бачаева [Бачаев, 2016].

Методика исследования

Целью нашей статьи является анализ религиозной ситуации Ульяновской области в 2010–2017 гг. на основе материалов местных печатных СМИ. Источниковой базой исследования являются материалы СМИ Ульяновской области, опубликованные за тот же период и посвящённые тем или иным аспектам религиозности и конфессиональности. Всего нами было проанализировано 120 материалов газет «Ульяновская правда», «Симбирский курьер», «Ульяновск сегодня», опубликованных в период с 2010 по 2017 гг. Наибольший тираж среди данных изданий у «Симбирского курьера» – 8900 экземпляров, его учредителем является некоммерческое партнерство «Редакция газеты «Симбирский курьер». Учредителем газеты «Ульяновск сегодня», тираж которой составляет 7200 экземпляров, являются администрация (мэрия) г. Ульяновска, Ульяновская городская Дума. Учредителями газеты «Ульяновская правда» являются администрация и Законодательное собрание области, редакция газеты «Ульяновская правда», тираж её сравнительно небольшой и составляет 5400 экземпляров. Общий тираж всех трёх газет значительно уступает таким массовым региональным газетным изданиям как «Народная газета» (212000 экземпляров), «Жизнь» (50000 экземпляров). Предполагаем, что отсутствие больших тиражей в целом может положительно повлиять на объективность предоставляемой ими информации, так как на подобные издания вряд ли будет возлагаться какая-либо значимая «пропагандистская» функция. Тем не менее, не трудно предположить, что в газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновск сегодня» публикации будут носить «провластный», «прогубернаторский», или как было указано в одном из источников «центристский» характер [Средства массовой, www]. В известной степени содержание публикаций на религиозную тематику в них – это более или менее точное отражение взглядов региональной власти на сущность религиозных вопросов. Публикации же в «Симбирском курьере» будут отличаться более разнообразными мнениями и их анализ важен с точки зрения объективной оценки религиозной ситуации в регионе.

Обсуждение результатов

Анализ публикаций показал численное преобладание статей, посвящённых православию, что вполне ожидаемо: в 120 анализируемых публикациях зафиксировано 121 упоминание однокоренных терминов (православие, православный, православная, православные и т.д.). Напомним, что Ульяновская область, являясь многонациональным регионом России, тем не менее характеризуется численным преобладанием этносов, традиционно исповедующих православие. В частности, по данным переписи 2010 года удельный вес русских, чувашей, мордвы и украинцев вместе взятых – основных «православных» народов региона составил 81%. Большая доля православного населения в Ульяновской области зафиксирована в исследовании атласа религий проекта «Арена». Согласно его данным в регионе насчитывается 61% исповедующих православие и принадлежащих к РПЦ, что на 20 процентов больше, чем в целом по Российской Федерации [Арена, 2012, www]. Интересно, что в соседней Самарской области, в которой доля наиболее многочисленных «православных» народов больше, чем в Ульяновской области (88%), удельный вес прихожан РПЦ оказался намного меньше – всего 35%. Среди возможных причин доминирования православия в регионе можно считать то обстоятельство, что Ульяновская область, будучи родиной В. И. Ленина, стала одним из центров атеистической пропаганды в советский период и потому острее всего «ощутила» последствия «духовного

голода» постсоветского периода. Очевидно, что последовавший после распада СССР кризис социалистических и коммунистических идей вызвал интерес к одному из главных его идеологических противников – христианству. Анализ публикаций СМИ позволяет выделить ещё одну причину популярности православия среди населения региона: всесторонняя поддержка местных властей. Особенно очевидно она проявилась при строительстве кафедрального собора на одной из центральных улиц города. По мнению патриарха Кирилла, именно губернатор Ульяновской области «был вдохновителем этого строительства и главным мотором, который привёл в действие многие силы» [Степанов, 2015, www].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что местные власти с большим вниманием относятся и к возрождению ислама в регионе. Ислам – вторая по упоминаемости религия в анализируемой прессе. Например, термины, однокоренные с «исламом» и «мусульманством» встречаются в статьях, посвящённых религиозной тематике 66 раз. В частности, губернатор поздравляет мусульман региона с религиозными праздниками, а общественный совет города нередко поддерживает мусульман в их планах по строительству мечетей [Мечети, 2016, 2].

Помимо православия и ислама в анализируемых изданиях получили пусть и незначительное, но освещение такие конфессии как: буддизм (13 упоминаний), старообрядчество (5) и иудаизм (1). И только о буддизме была опубликована отдельная статья, в которой, к примеру, сообщалось о мероприятиях Дня буддийской культуры, проводимых в городском креативном пространстве «Квартал» [Путешествие, 2015, 13].

При анализе публикаций нами выявлен лишь один случай напряжённости между православными и мусульманами региона, датируемый 2010 г., который так и не перерос в полноценный конфликт. Связан он был с совместной инициативой власти и мусульман по строительству мечети близ комплекса православного собора. Против неё достаточно однозначно выступил один из священников РПЦ, организатор и идейный вдохновитель сооружения собора [Таниев, 2010, www]. Кроме того, исследование выявило 3 публикации, посвящённых пресечению случаев разжигания межнациональной и межконфессиональной розни. Например, 22-летний безработный ульяновец использовал свою страничку в популярной социальной сети для провокации межнациональных конфликтов. По информации прокуратуры Засвияжского района, в течение двух лет парень систематически выкладывал в сети видеоролики и плакаты, выражающие негативную оценку народов, традиционно проживающих на Кавказе и в Средней Азии. Согласно заключению психологолингвистической судебной экспертизы, указанные материалы унижительно характеризовали группы людей по признакам национальности, происхождения и религии [Экстремизм, 2015, 14].

Чаще на страницах местной прессы фигурируют публикации, рассказывающие о мероприятиях, на которых присутствуют представители обеих религий, общих проблемах, необходимости мирного сосуществования между конфессиями. Зачастую инициаторами подобных «встреч» незримо или вполне открыто выступают местные органы власти. Например, православные священники и мусульманское духовенство принимают активное участие при организации работы с верующими осужденными [Перевоспитание, 2016, 4], присутствуют на форумах, посвящённых межнациональному и межконфессиональному согласию женщин Ульяновской области [Сильнов, 2015, 5]. Объединяют христиан и мусульман, по словам журналистов, и такие моменты как наличие сект в рамках данных религий [Мечети, 2016, 2], а также магов и экстрасенсов, прикрывающихся религиозной атрибутикой [Сафронов, 2016, 12]. Очевидно, что перечисленные в СМИ примеры объединяющих две религии факторов далеко не полные. В частности, в исследованиях фиксируются более внушительный список фактов и

перспективных направлений сотрудничества представителей ислама и православия. Среди них: борьба с алкоголизмом, наркоманией, абортами, терроризмом, экстремизмом, сохранение семейных ценностей, благотворительная деятельность [Идиатуллов, 2014б, 46].

Заключение

Таким образом, исследование показало, что религиозная ситуация в Ульяновской области, согласно проанализированным публикациям, отличается относительной стабильностью, ярко выраженным доминированием в информационном пространстве и в политике местных властей вопросов, связанных с двумя наиболее многочисленными религиями региона, особенно с православием. Отмеченные в публикациях случаи межконфессиональной напряжённости носят единичный характер и зачастую ограничиваются частным мнением, позицией конкретного человека, иногда правонарушителя, провоцирующего межнациональную и межконфессиональную рознь. Чаще на страницах местной прессы фигурируют публикации, рассказывающие о мероприятиях, на которых присутствуют представители обеих религий, общих проблемах, необходимости мирного сосуществования между конфессиями.

Библиография

1. Арена. Атлас религий и национальностей России // <https://sreda.org/arena> (дата обращения: 11.01.2021).
2. Аблажей Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 6. С. 17–23.
3. Бачаев А.А. СМИ и межнациональные отношения: анализ современных проблем // Вопросы политологии. 2016. № 1(21). С. 114–122.
4. Гарифзянова А.Р. Городские практики этнорелигиозного воспитания детей и подростков в семье, на примере Ульяновска и Санкт-Петербурга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 247–252.
5. Гарифуллина В.З. Роль мусульманских СМИ в обеспечении этноконфессиональной толерантности в Татарстане // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21(312). С. 131–134.
6. Гладкова А.А., Лазутова Н.М., Тихонова О.В., Черевко Т.С., Данилов А.П., Данилов А.А., Батршина Д.Н. Этнические СМИ России: содержательный анализ (на примере СМИ Республик Татарстан и Чувашия) // Медиакоп. 2018. № 1. С. 1.
7. Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 291–308.
8. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 429–442.
9. Дюльдина Ж., Кобзев А. В. Динамика межнациональных браков в Ульяновской области на рубеже XX–XXI вв. // Власть. 2012. № 12. С. 58–61.
10. Идиатуллов А. К. Трансформация традиционной духовной культуры в полиэтническом регионе (на примере русских и татар Ульяновской области). Ульяновск: УлГТУ, 2014а. 75 с.
11. Идиатуллов А. К. Взаимодействие татар Ульяновской области с иноконфессиональным окружением // Исламоведение. 2014б. № 3 (21). С. 45–51.
12. Идиатуллов А.К. Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-4 (61). С. 135–138.
13. Климович Л. В., Лукичева Л. Ю. «Образ русского» в представлениях студенческой молодежи Ульяновской области (по материалам социологического исследования) // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития. Сборник научных статей. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 65–67.
14. Лункин Р.Н. Образ РПЦ в светских массмедиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультизм православием. Сборник: Православная церковь при новом патриархе. Москва: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2012. С. 171–223.
15. Малькова В.К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. Т. 5. № 3. С. 101–117.

16. Мечети – быть! // Ульяновск сегодня. 2016. № 81. 23 сентября. С. 2
17. Перевоспитание – дело межконфессиональное // Ульяновск сегодня. 2016. № 70. 19 августа. С. 4.
18. Путешествие с глубоким смыслом // Ульяновск сегодня. 2015. № 56. 10 июля. С. 13.
19. Сафронов Е. Магические объявления Ульяновска // Ульяновск сегодня. 2016. № 36. 6 мая. С. 12.
20. Сильнов Д. Форум дружбы и согласия // Ульяновск сегодня. 2015. № 77. 11 сентября. С. 5.
21. Средства массовой информации <http://www.e-gorod.ru/mrc/documents/regions/Ульяновская%20область/Средства%20массовой%20информации.html> (дата обращения: 11.01.2021)
22. Степанов В. Патриарх Кирилл заявил, что губернатор Сергей Морозов был главным вдохновителем строительства собора // Симбирский курьер. 2015. 23 мая. <http://sim-k.ru/2015/05/23/patriarx-kirill-priexal-po-priglaseniyu-sergeya-morozova/> (дата обращения: 11.01.2021)
23. Суслов И.В. Религиозная безопасность: методические подходы и опыт региональных исследований в контексте современной социологии // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 4 (10). С. 65-73.
24. Таниев А. Перебранка на кособоре // Симбирский курьер. 2010. 27 февраля. URL.: <http://sim-k.ru/2010/02/27/perebranka-na-kosogore/> (дата обращения: 11.01.2021).
25. Экстремизм в социальной сети // Ульяновск сегодня. 2015. № 66. 7 августа. С. 14.

Religious situation in the Ulyanovsk region in 2010-2017 (based on materials from local print media)

Azat K. Idiatullov

Doctor of History,
Professor at the Department of geography and ecology,
Ulyanovsk State Pedagogical University,
432071, 4/5 Lenina sq., Ulyanovsk, Russian Federation;
e-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Aizat A. Mukhametshin

student of the Faculty of Natural Sciences and Geography,
Ulyanovsk State Pedagogical University,
432071, 4/5 Lenina sq., Ulyanovsk, Russian Federation;
e-mail: nokiaaizat.2011@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the modern religious situation in the Ulyanovsk region based on materials from local print media. Despite the specific style and argumentation of certain materials of the regional press, its analysis can help to identify the most general trends in the policy of the authorities in relation to certain confessions. The study showed the numerical predominance of articles devoted to Orthodoxy. Among the possible reasons for the dominance of Orthodoxy in the region can be considered the fact that the Ulyanovsk region, being the birthplace of V. I. Lenin, became one of the centers of atheistic propaganda in the Soviet period and therefore most acutely "felt" the consequences of the "spiritual hunger" of the post-Soviet period. Islam is the second most mentioned religion in the analyzed press. In addition to Orthodoxy and Islam, the analyzed editions received albeit insignificant, but coverage of such confessions as: Buddhism, Old Believers, Judaism. The author believes that the religious situation in the Ulyanovsk region, according to the analyzed publications, is relatively stable. According to the author, the cases of interfaith tensions

noted in publications are of an isolated nature and are often limited to private opinion.

For citation

Idiatullov A.K., Mukhametshin A.A. (2021) Religioznaya situatsiya v Ul'yanovskoi oblasti v 2010-2017 gg. (po materialam mestnykh pechatnykh SMI) [Religious situation in the Ulyanovsk region in 2010-2017 (based on materials from local print media)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 153-160. DOI: 10.34670/AR.2021.51.29.018

Keywords

Orthodoxy, Muslims, mass media, Ulyanovsk region, power

References

1. Ablazhei N.N. (2012). Obraz trudovogo migranta v presse i massovom soznanii rossiyan [The image of a labor migrant in the press and the mass consciousness of Russians]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 11, 6, pp. 17–23.
2. Arena. *Atlas religii i natsional'nostei Rossii* [Arena. Atlas of religions and nationalities of Russia] (2012). Available at: <https://sreda.org/arena> [Accessed 11/01/21].
3. Bachaev A.A. (2016) SMI i mezhnatsional'nye otnosheniya: analiz sovremennykh problem [Mass media and interethnic relations: analysis of modern problems]. *Voprosy politologii* [Political science issues], 1 (21), pp. 114–122.
4. Drobizheva L.M. (2010) Etnichnost' v sovremennom obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki [Ethnicity in modern society: new approaches, old myths, social practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1. pp. 429–442.
5. Dyul'dina Zh., Kobzev A. V. (2012) Dinamika mezhnatsional'nykh brakov v Ul'yanovskoi oblasti na rubezhe XX–XXI vv. [Dynamics of interethnic marriages in the Ulyanovsk region at the turn of the XX – XXI centuries]. *Vlast'* [Power], 12, pp. 58–61.
6. Ekstremizm v sotsial'noi seti [Extremism in a social network] (2015). *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 66, 7th Aug. p. 14.
7. Garifzyanova A.R. (2014) Gorodskie praktiki etnoreligioznogo vospitaniya detei i podrostkov v sem'e, na primere Ul'yanovska i Sankt-Peterburga [Urban practices of ethno-religious education of children and adolescents in the family, on the example of Ulyanovsk and St. Petersburg]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 12-2, pp. 247–252.
8. Garifullina V.Z. (2013) Rol' musul'manskikh SMI v obespechenii etnokonfessional'noi tolerantnosti v Tatarstane [The role of Muslim media in ensuring ethno-confessional tolerance in Tatarstan]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 21(312), pp. 131–134.
9. Gladkova A.A., Lazutova N.M., Tikhonova O.V., Cherevko T.S., Danilov A.P., Danilov A.A., Batrshina D.N. (2018). Etnicheskie SMI Rossii: soderzhatel'nyi analiz (na primere SMI Respublik Tatarstan i Chuvashiya) [Ethnic media in Russia: a meaningful analysis (on the example of the media of the Republics of Tatarstan and Chuvashia)]. *Mediaskop* [Mediakop], 1, p. 1.
10. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. (2018) Traditsionalistkie pravoslavnye media: struktura diskursa i osobennosti funktsionirovaniya [Traditionalist Orthodox media: structure of discourse and features of functioning]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2, pp. 291–308
11. Idiatullov A.K. (2014a) *Transformatsiya traditsionnoi dukhovnoi kul'tury v polietnichnom regione (na primere russkikh I tatar Ul'yanovskoi oblasti)* [The transformation of traditional spiritual culture in a multiethnic region (a case study of the Russians and the Tatars of the Ulyanovsk region)]. Ul'yanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
12. Idiatullov A. K. (2014b) Vzaimodeistvie tatar Ul'yanovskoi oblasti s inokonfessional'nym okruzheniem [Interaction of the Tatars of the Ulyanovsk region with the non-confessional environmen]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 3 (21), pp. 45–51.
13. Idiatullov A.K. (2015) Religioznost' russkogo naseleniya g. Ul'yanovska v nachale XXI v. [Religiousness of the Russian population of Ulyanovsk at the beginning of the XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 1–4 (61), pp. 135–138.
14. Klimovich L. V., Lukicheva L. Yu. (2017) «Obraz russkogo» v predstavleniyakh studencheskoi molodezhi Ul'yanovskoi oblasti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [“The image of the Russian” in the ideas of the students of the Ulyanovsk region (based on the materials of a sociological study)]. *Etnokul'turnaya situatsiya regiona: varianty i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnykh statei* [Proc. «Ethnocultural situation of the region: options and

- prospects for development. Collection of scientific articles», Saratov, pp. 65–67.
15. Lunkin R.N. (2012) *Obraz RPTs v svetskikh massmedia: mezhdumifom o gosudarstvennoi tserkvi i fol'klorno-okkul'tnym pravoslaviiem* [The image of the Russian Orthodox Church in the secular mass media: between the myth of the state church and folklore-occult Orthodoxy]. *Sbornik: Pravoslavnaya tserkov' pri novom patriarkhe* [Proc. «Orthodox Church under the new patriarch»], Moscow, pp. 171–223.
 16. Mal'kova V.K. (2014) *Etnicheskaya tematika v rossiiskom informatsionnom prostranstve* [Ethnic topics in the Russian information space]. *Kommunikologiya* [Communicology], vol. 5, 3, pp. 101–117.
 17. Mecheti – byt'! [Mosques - to be!] (2016) *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 81, 23th Sept. p. 2.
 18. Perevospitanie – delo mezkhkonnatsional'noe [Re-education is an interfaith business] (2016) *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 70, 19th Aug. p. 4.
 19. Puteshestvie s glubokim smyslom [Travel with deep meaning] (2015) *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 56, 10th July. p. 13.
 20. Safronov E. (2016) *Magicheskie ob'yavleniya Ul'yanovska* [Magical announcements of Ulyanovsk]. *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 36, 6th May. p. 12.
 21. Sil'nov D. (2015) *Forum druzhby i soglasiya* [Forum of friendship and harmony]. *Ul'yanovsk segodnya* [Ulyanovsk today], 77, 11th Sept. p. 5.
 22. *Sredstva massovoi informatsii* [Mass media] Available at: <http://www.e-gorod.ru/mrc/documents/regions/Ul'yanovskaya%20oblast'/Sredstva%20massovoi%20informatsii.html> (accessed 11 January 2021).
 23. Stepanov V. (2015) *Patriarkh Kirill zayavil, chto gubernator Sergei Morozov byl glavnym vdokhnovitelem stroitel'stva sobora. Simbirskii kur'er* [Patriarch Kirill said that the governor Sergei Morozov was the main inspirer of the construction of the cathedral]. *Simbirskii kur'er* [Simbirsky Courier.], 23th May. Available at: <http://sim-k.ru/2015/05/23/patriarkh-kirill-priexal-po-priglaseniyu-sergeya-morozova/> [Accessed 11/01/21].
 24. Suslov I.V. (2019) *Religioznaya bezopasnost': metodicheskie podkhody i opyt regional'nykh issledovaniy v kontekste sovremennoi sotsiologii* [Religious security: methodological approaches and experience of regional studies in the context of modern sociology]. *Siberian Socium* [Siberian Socium], vol. 3, 4 (10), pp. 65-73.
 25. Taniev A. (2010) *Perebranka na kosogore* [A hassle on the slope]. *Simbirskii kur'er* [Simbirsky courier], 27th Feb. Available at: <http://sim-k.ru/2010/02/27/perebranka-na-kosogore/> [Accessed 11/01/21].

УДК 398.2(=511:142)

DOI: 10.34670/AR.2021.23.94.019

Особенности хантыйской сказки и проблема ее адаптации к другой культуре

Карчина Виктория Викторовна

Научный сотрудник,
Фольклорный отдел,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а;
e-mail: lapsui@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается понятие сказки, ее особенности, у народа ханты Сургутского района, ХМАО-Югра. К группе сургутских ханты относятся коренные жители, проживающие по берегам рек Большой и Малый Юган, Пим, Тром-Аган, Аган.

Как носительница древних сокровенных знаний народа, каждая сказка несет в себе информацию об образе жизни, мировоззрении, духовных качествах и восприятии мира человека. Большую ценность, конечно, представляет язык и лексика сказочного произведения. В настоящее время «дух» сказки меняется и, приобретает развлекательную направленность. Поэтому перевод хантыйских текстов представляет собой особую сложность, поскольку сами сказки содержат в себе своего рода лингвистические универсалии. В статье проводится анализ переводческих трансформаций на примере перевода сказки сургутских ханты «Кэр ньәл, вәх ньәл ими» – «Женщина с железным носом». Рассматриваются особенности и проблемные вопросы, связанные с переводом. В настоящее время фольклор и фольклорные традиции сургутских ханты стремительно меняются, поэтому перевод тут играет немаловажную роль.

Для цитирования в научных исследованиях

Карчина В.В. Особенности хантыйской сказки и проблема ее адаптации к другой культуре // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 161-166. DOI: 10.34670/AR.2021.23.94.019

Ключевые слова

Хантыйская сказка, особенности, перевод, виды перевода, переводческие трансформации, фольклористика, сургутские ханты.

Введение

Народные сказки, как древнейший жанр устного творчества, являются бесценным проводником прошлого и настоящего. «Создаваясь на протяжении столетий, они стали олицетворением этнических традиций и мировоззрения. Хантыйские сказки представляют большой интерес для исследователей. Ведь устное народное творчество ханты и ценно, потому что имеет свои архаические фольклорные традиции, которых уже давно не имеют некоторые народы» [Карчина, 2020].

Основная часть

В хантыйских сказках отражена жизнь духовного мира народа, в них стерты грани реального и запредельного миров. Ведь в сознании коренных жителей всё окружающее очеловечено и мыслится как единое целое. В каждой частичке природы, в предметах и окружении скрыта животворящая сила, с которой человек вступает в определенные отношения и совершает определенные ритуалы. О. Э. Балалаева пишет: «Юганская сказка Монть содержательно бесконечно разнообразна: от текстов, строящихся на универсальных «перехожих» сюжетах, которые, как и европейские сказки, несут печать славянских, тюркских и персидских влияний, до бесконечно сложных фабульных построений, напоминающих прихотливую логику сновидения или шаманского трипа» [Балалаева, Сурломкина, Уигет, Голоса, 2021].

Хантыйские сказители к каждой сказке и к событиям, происходящим в ней, относятся всегда очень серьезно, веря в ее магическое значение. Поэтому «стараяются предусмотреть все нежелательные для повествования моменты: предупреждают, чтобы не «наступали сказке на хвост», т.е. не прерывали ее, поясняя, что, рассказывая, «он находится на пути, следуя за героями сказки» и тем самым контактирует со сказочным духовным миром» [Карчина, 2019]. Издавна существуют правила повествования: передавать содержание сказки, как рассказывали ее предки, рассказывать сказку, если знаешь ее от начала до конца, нельзя плохо отзываться о фольклорном произведении, насмехаться, не то живущие в сказке духи могут отомстить за обиду. Настоящий хантыйский сказитель не просто пересказывал сюжет, услышанный от своих предков, он расцветчивал повествование своими индивидуальными красками, благодаря чему оно обогащалось и обретало новое звучание. Поэтому переводы текстов фольклорных произведений на русский язык имеют большое значение. Переводчику необходимо, сохранив изначальные семантику и денотацию, перевести и написать текст понятным для других народов языком. Мы согласны с М. В. Осиповой, которая в своей работе об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов пишет, что «от переводчика требуется не только прекрасное знание языка, но и определенные экстралингвистические знания, языковое чутье, которое бы не навредило хрупкой культуре аборигенных народов, подсказало бы ему точный выбор слова и переводческий прием, позволяющий правильно передать ту или иную языковую единицу, сохранив при этом национально-культурную специфику и колорит аутентичного текста в целях желаемого воздействия на читателя [Осипова, 2014].

«При переводе фольклорных текстов с хантыйского языка на русский используются четыре основных способа: дословный перевод, перевод с изменением отдельных компонентов, адекватный перевод, эквивалентный перевод» [Соловар, 2017]. При этом, важно помнить, что главной целью переводов является достижение адекватности, т.е. соответствия

первоначальному тексту, для чего многие переводчики используют переводческие трансформации. «Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. В процессе переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа, то есть носят сложный, комплексный характер» [Латышев, 2001].

Наиболее наглядной и признанной принято считать классификацию И. С. Алексеевой, которая «выделяет четыре типа трансформаций: Перестановки – это изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника; Замены – в процессе перевода замены могут подвергаться как грамматические единицы – формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и др. – так и лексические; Добавления – представляют собой расширение текста оригинала, обусловленное необходимостью полноты передачи его содержания; Опускания – явление, прямо противоположное добавлению» [Алексеева, 2004].

Объектом изучения данной работы является перевод с хантыйского языка на русский сказки «Кэр ньол, вӑх ньол ими» - Женщина с железным носом, опубликованной в фольклорном сборнике «Сказки и рассказы сургутских ханты» автор-составитель Марта Чепреги. Сказка записана от Леонида Михайловича Сопочина (1954-2014) в июне 1992 г. Расшифровка началась в июне 1996 года в Когалыме с помощью сына Ивана Степановича, Еремея Ивановича Сопочина и продолжилась в Будапеште в октябре 2010 года с помощью Людмилы Николаевны Каюковой и в январе 2011 года при содействии Олеси Иосифовны Сопочиной.

В процессе сопоставления перевода нами были выявлены следующие приемы:

Перестановки

В хантыйских текстах «порядок слов в предложении имеет схему SOV, то есть в начале предложения стоит подлежащее, в конце глагольное сказуемое, а перед ним относящиеся к нему второстепенные члены» [Чепреги, 2017]. При переводе таких предложений происходит изменение порядка следования языковых элементов. Например,

- Эй мэта латнэ ими қолдұсахэн вӑлддэхэн. 'Жила-была однажды женщина с племянником.'

- Мүват мант ту пӑлӑкнам энтэ ӑсӑдд. 'Почему не пускает она меня туда.'

- Тэми қот ут вӑлдэ йӑчэнэ эй кэр ньол, вӑх ньол ими, эй кӑрӑл чанч ӧвтӑйа пӧнмин ӧдӑд. 'Посреди дома ведьма с железным носом лежит, ногу на ногу закинув.'

- Най Лапӑт, ӧрт Лапӑт Дадӑн Қон вӑлтэ сохит. 'Не буду я жить как князь с семьей душами, как славный правитель с семьей душами.'

- Йӑқэнам тӑдаң лӧнт, тӑдаң пӧрӑхэ лӑхӑд. 'Улетела домой большая стая стройных гусей.'

Замены

Особенности перевода хантыйских сказок также заключаются в следующем: объемы смысла формально равноправных лексических единиц могут не совпадать. Например,

- Ма вӑлдэ ту пӑлӑкнам энтэ йӑңқидӑм. 'Я же там еще не был.'

- Йӑқэ кӑч лӑң, тӑқа. 'Входит он и видит'

- Йӑқэ лӑңмал тӧйи, ньӑвмилӑд. 'Как только вошел [Тӧтушкин племянник], поздоровался'

- Му дата йӑхэм латнэ нӧқ ти вӑрӑхдӑх, нӧқ ти лӑққинтӑх. 'На это ведьма проснулась, села'

- Кэмнам ӧлӧ вуйи. 'На улице [она] как стрела вылетела.'

- Нӑң мӑв сир воч қуйӑ, мӑқ қуйӑ ӑрӑккӧ питӑм ӧтӑт. 'Ну, а какие же у тебя поданные, местные твои люди забываются'

- Хэй, йэхэн тут, эссэн тут амп вөсөн, нүң мант памилта ещѐ тэхэ йөвтэн! 'Сын собачий, ты еще меня и поучать тут будешь!'

- Нүң ма йыс ар икэм, йыс ар имэм дивэ, төйлэ. 'Ты многих предков моих съел.'

- Ылхэли, ылхэли, ти лөвит йэм вэр вэра! 'Племянничек, племянничек, сжался надо мной!'

- Ыдэ нэврэмэх, өвпийи йақэ дэң. 'Спрыгнул, вошел через дверь.'

- Дай вэрэл, пут вэрэл кута дилэхдэх. 'До полусмерти ее избил'

Добавления

- Төхэнэ йаңкүтаднэ имид ими һавмилэл. 'Ходил он так себе охотиться, и вот тетка ему и говорит'

- Ми дунж күрмән лэк жөвит суч, маңк күрмән лэк жөвит суч. 'По этой дорожке, лесным великаном протоптанной, духом протоптанной, он и пошел'

- Имэм иминэ тэхнам йута энтэ асэлдөйм. 'Тётушка меня почему-то сюда не пускала.'

- Тэми төхэ күч йөвэт, тадаң лөнты тадаң перэ жөвэн латмал тохи. 'Добрался он туда и видит, что большая стая стройных гусей уже давно там.'

Опущения

- Төхэнэ эймэта жатэл йаңкилэх, кат жатэлхэн пэ энтэ йаңкилэх, васэх-войэх кэнчмин. 'Иногда ходил, иногда не ходил на утку и дичь охотиться.'

- Йа, тақа, Ими Жолэх тэм мэта адэңнэ панэ войэх-кул кэнчча ти мэн, васэх-войэх кэнчча. 'Так однажды утром Тетушкин племянник отправился на охоту, искать зверя.'

- Анта жөв мэнмал пырнэ, анта ван мэнмал пырнэ, эй мэта латнэ тақа сарнам күч дэйлэл, һэрис наңк талэм жот, һэрис жөл талэм жот, энэлнам энэл жот, жөвэднам жөвэл жот, өврэднам өвэр жот. 'Возможно, долго ли он шел, возможно, коротко ли, смотрит он вперед: дом из стянутых вместе верхушек лиственниц, дом из стянутых вместе верхушек елей, огромной величины большой дом, в длину длинный дом, в высоту высокий дом.'

- Өвпи пунчэх, йақэ дэң. 'Открыл он дверь, вошел.'

- Йақэ күч дэң тақа, эй тэми мэхэ Төрэм Жон уттэн ньэхэс павэр утыднэ йирнам адал. 'Вошел: на священной стороне лежит на боку на бронзовом троне, укрытый собольими шкурами, местный высший правитель.'

- Нэң сар йақэнам мэнытэх! 'Вперёд идите домой!'

- Эй мэта дата йэхэм латнэ, ту сәңкүтаднэ жот пәдэ пәртэт мұв чөпхэ мөрийдэт, мұв китхэ тувэт. 'Бьет он так ведьму, и вдруг половицы то ли проваливаются, то ли разлетаются.'

Заключение

На основе проведенных исследований можно сделать вывод, что жанр хантыйской сказки обладает лексической спецификой, которая проявляется в разнообразных стилистических средствах. Народная сказка ханты отражает национальные реалии, проявляющиеся как в предметах материального мира, так и в духовных качествах героев. Перевод и социокультурная адаптация позволяют хантыйской сказке быть понятной для читателей на русском языке. В условиях взаимодействия культур перевод является источником информации, который раскрывает своеобразие культурных ценностей, обычаев и традиций ханты, а также способствует взаимопониманию разных народов.

Такие виды трансформаций, как изменения порядка слов в предложениях, добавление, опущения и замены, свидетельствуют об особенностях переводческого процесса. На основе

анализа перевода сказки можно сделать вывод, что, несмотря на все трудности, автор и переводчики хантыйского текста провели большую работу, они смогли передать содержание сказки, языковой формы с учетом лексики и грамматики. Так, исследуя хантыйские фольклорные произведения, мы раскрываем мир и мировоззрение народа, мы согласны со словами В. Я. Проппа: «Ни одна гуманитарная наука – ни этнография, ни история литературы – не могут обходиться без фольклорных материалов и изысканий. Мы начинаем сознавать, что разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре».

Библиография

1. Карчина, В. В. Средства художественной выразительности в народных сказках хантов Сургутского района / В. В. Карчина // Культура и цивилизация. – 2020. – Том 10. – № 5-1. – С. 160-167.
2. Балалаева О. Э., Сурломкина Е. П., Уигет Э. О. Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йях / О. Э. Балалаева, Е. П. Сурломкина, Э. О. Уигет, ООО «Печатный мир г. Сургут», - Сургут, 2021, 140 с.
3. Карчина, В. В. Фольклор сургутских ханты и современные процессы трансформации / В. В. Карчина // Филологический аспект: международный науч.-практ. журнал. 2019. № 4 (48). – Нижний Новгород: Т. Н. Плесканюк. – С. 305-311.
4. В.Н. Соловар. Проблемы и возможности хантыйско-русского и русско-хантыйского перевода // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 60-69.
5. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.
6. М. В. Осипова Об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов (на материале айнского фольклора) // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №1. С. 78-82
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
8. Латышев Л. К. Технология перевода. И. НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 278 с.
9. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник/авт.-сост. Марта Чепреги; под ред. А. С. Песиковой. Перевод на рус. яз.: Т. А. Ефремова и А. С. Песикова – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2015. 118 с.
10. Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой; ред. хант. текста А. С. Песикова; перевод на рус. яз.: Т. А. Ефремова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 275 с.

Features of the khanty fairy tale and the problem of its adaptation to other culture

Viktorija V Karchina

Researcher,
Folklore Department,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
628011, 14a Mira str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: lapsui@list.ru

Abstract

The article discusses the concept of a fairy tale, its features, the People of the Khanty of the Surgut district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra. The Surgut Khanty Group includes indigenous people living on the banks of the rivers Large and Small Yugan, Pim, Trom Agan, Agan.

As a carrier of ancient inextricable knowledge of the people, each fairy tale carries information about the image of life, the worldview, spiritual qualities and perception of the human world. Of great

vabstraktnoe, of course, represents the language and vocabulary of the fabulous work. Currently, the "Spirit" of the fairy tale is changing and, acquires entertainment. Therefore, the translation of the khanty texts is a special difficulty, since the tales themselves contain a kind of linguistic universals in themselves. The article analyzes translation transformations on the example of the translation of the fairy tale of Surgut khanty "CER ъѡл, ѡх ъѡл them" - "Woman with an iron nose." We consider the features and problematic issues related to the translation. Currently, the folklore and folk traditions of Surgut Khanty are rapidly changing, so the translation here plays an important role.

For citation

Karchina V.V (2021) Osobennosti khantyiskoi skazki i problema ee adaptatsii k drugoi kul'ture [Features of the khanty fairy tale and the problem of its adaptation to other culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 161-166. DOI: 10.34670/AR.2021.23.94.019

Keywords

Khanty fairy tale, features, translation, types of translation, translation transformations, folklore, Surgut khanty.

References

1. Karchina, V. V. Means of artistic expression in folk tales of the Khants of the Surgut district / V. V. Karchina // Culture and Civilization. - 2020. - Volume 10. - No. 5-1. - pp. 160-167.
2. Balalaeva O. E., Surlomkina E. P., Uiget E. O. Voices of Yugan. Collection of folklore Yaven-yakh / O. E. Balalaeva, E. P. Surlomkina, E. O. Uiget, LLC "Print World of Surgut", - Surgut, 2021, 140 p.
3. Karchina, V. V. Folklore of the Surgut Khanty and modern transformation processes / V. V. Karchina // Philological aspect: international scientific-practical. journal. 2019. No. 4 (48). - Nizhny Novgorod: T. N. Pleskanyuk. - p. 305-311.
4. V. N. Solovar. Russian Russian and Russian-Khanty Translation Problems and Opportunities // Bulletin of Ugrovedeniya. 2017. Vol. 7. no. 4. pp. 60-69.
5. Alekseeva I. S. Introduction to translation studies / I. S. Alekseeva. - St. Petersburg: Philol. faculty of St. Petersburg State University; Moscow: Akademiya, 2004. - 352 p.
6. M. V. Osipova On the peculiarities of translation of folklore texts of non-written peoples (based on the material of Ainu folklore) // Vestnik VSU. Linguistics and Intercultural Communication series. 2014. No. 1. pp. 78-82
7. Propp V. Ya. Historical roots of a fairy tale / V. Ya. Propp. - M.: Labyrinth, 2000 – - 336 p.
8. Latyshev L. K. Technology of translation. I. NVI-THESAURUS, 2001. 278 p.
9. Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: folklore collection/auth. - comp. Marta Chepregi; edited by A. S. Pesikova. Translated into Russian by T. A. Efremova and A. S. Pesikova-Tyumen: FORMAT LLC, 2015. 118 p.
10. Chepregi M. Surgut dialect of the Khanty language / Edited by N. B. Koshkareva; ed. hunt. text by A. S. Pesikov; translated into Russian by T. A. Efremova. - Khanty-Mansiysk: LLC "Print World of Khanty-Mansiysk", 2017. - 275 p.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.28.68.020

Выражение способов глагольного действия в башкирском языке с участием глагола тор в составе аналитической конструкции

Хуснутдинов Альфред Сидыкович

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119234, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, 1;
e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые особенности в выражении способов глагольного действия в аналитических конструкциях башкирского языка на примере литературных художественных произведений. Также рассматривается вопрос о влиянии контекста в реализации оттенков значений в составных глаголах. Показано, что «внутриглагольное словосложение» являясь «объектом деривационной морфологии» представляет собой в тюркских языках продуктивный способ образования новых значений глаголов, отличающихся характером выражаемого действия. В зависимости от лексического значения дееспричастия служебный вспомогательный компонент будет обладать ограниченным объемом передаваемых смысловых оттенков, обусловленных как сочетательными возможностями глаголов, так и контекстом в целом. В работе показано, что понимание значения той или иной аналитической конструкции в башкирском и, в целом, в тюркских языках возможно лишь при полноценной актуализации всех его потенциальных возможностей благодаря контекстуальным условиям, словесному окружению, лексическому значению составляющих аналитическое единство компонентов и их сочетательных особенностей, а также общей коммуникативной задаче.

Для цитирования в научных исследованиях

Хуснутдинов А.С. Выражение способов глагольного действия в башкирском языке с участием глагола тор в составе аналитической конструкции // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 167-174. DOI: 10.34670/AR.2021.28.68.020

Ключевые слова

Глагольные действия, глагол тор, башкирский язык, башкирская литература, лексика.

Введение

В исследованиях глагольной системы тюркских языков в тюркологии особенный интерес представляют аналитические конструкции, выражающие различные акциональные характеристики или по-другому СГД (способы глагольного действия). Известно, что «внутриглагольное словосложение» являясь «объектом деривационной морфологии» представляет собой в тюркских языках продуктивный способ образования новых значений глаголов, отличающихся характером выражаемого действия. В этом отношении аналитическая конструкция, построенная по схеме «деепричастие на п/а/е + вспомогательный глагол», способна выражать широкий спектр разнообразных дополнительных значений, «наращиваемых» благодаря семантическому «слиянию» знаменательного и служебного глаголов.

Причем известно, что в зависимости от лексического значения деепричастия служебный вспомогательный компонент будет обладать ограниченным объемом передаваемых смысловых оттенков, обусловленных как сочетательными возможностями глаголов, так и контекстом в целом. Например, *йыуып сыкты* «перемыл» (суммарный или распределительный СГД), *кайнап сыкты* «вскипел» (результативный), *илап сыкты* (тон буйына) «проплакал (всю ночь)» (пердуративный или длительно-ограничительный). Иными словами, один и тот же служебный компонент способен участвовать в образовании различных семантических оттенков в зависимости от того, лексическое значение какого знаменательного глагола подвергается модификации. «Организуя определенные группы или разряды глагольных сочетаний, обладающие типизированным общим значением способа действия, вспомогательные глаголы формируют в сочетании с конкретной лексемой индивидуальное значение аналитической формы глагола, т.е. «вещественное» содержание определенного акционального типа» [Насилов, 2004, 121].

Основная часть

Исходя из этого, мы понимаем, что значение вспомогательного глагола «индивидуализировано» смысловым деепричастием, но и само деепричастие, в свою очередь, способно сочетаться лишь с определенным кругом служебных компонентов соответствующей семантики, актуализирующим ту или иную речевую ситуацию. В целом, взаимодействием лексических типов глаголов – знаменательного и служебного (не все глаголы, как мы уже сказали, способны сочетаться друг с другом) – и воздействием контекстуальных условий в каждом конкретном случае реализуется необходимый для данной ситуации вспомогательный глагол того или иного акционального класса.

Так, в предложении *Унын ай яктыхында тагы ла агырак булып куренген йозонэ, кыз вакытында караганда ла, катынлык, асалеке тойголары менан кила торган маганале уйсанлык осталеке матурайган куззарена...* [Хайри, 2004, 123]. «На лицо ее, показавшееся при свете месяца еще белее, в ее глаза, еще более прекрасные, чем даже в девичестве, становящиеся, как обычно, в пору зрелости и материнства...». Аналитическая конструкция *килэ торган*, реализующая семантику «становящиеся (обычно)», приобретает данное значение именно в определенном контексте, смысловое содержание которого выражает один из аспектов значений, потенциально интегрированных в ее содержательную структуру. Следует отметить, что в качестве служебного компонента здесь использована атрибутивная форма глагола – причастие,

также активно участвующая в формировании акциональных значений: *Йэшэн килгэн бер ил бар* «Есть страна в которой живут».

В другом контекстуальном окружении данная аналитическая конструкция *килэ торган* может приобретать иную семантическую характеристику действия: *Кила торган кунак йайлай нишлантер* «Гости, которые должны прийти, почему-то задерживаются». Или: ...кантонга килэ торган берэй зур кешелер «...наверное, какой-то большой человек, который должен приехать в скором времени в кантон» [Насыри, 2004, 12]. В данном лексическом окружении конструкция *кила торган* выражает действие *ожидаемое в скорейшем будущем* и на русский язык переводится развернутым придаточным предложением *который должен приехать*. Доминантная сема в данных типах конструкций – «действие, которое вот-вот должно осуществиться». Также, в некоторых случаях, мы можем выделить сему «подходит» «к лицу», которая актуализируется при взгляде наблюдателя «извне», как некая оценка качества предмета: кушаматтары узээрэнэ бик таман килеп тора «вещи эти приходится им впору» [Карим, 2000, 98]; ...шаярхан дэ, колхэн дэ, килешеп тора «...и коль пошутишь ты, посмеешься – все тебе к лицу» [Карим, 2000, 101]. *Килешеп тора* в данном значении наиболее часто употребляемый вариант.

Вообще, как мы сказали ранее, на то, какая сема в акциональном содержании глагола будет являться доминирующей влияют различные факторы: контекст и общая коммуникативная задача высказывания. В предложении *Ана шул юлдан азнахына бер ниса тапкыр уза торган почтальон килэ* «Вон по той дороге идет почтальон, по которой он ходит по несколько раз в неделю» [Хайри, 2004, 122] составной глагол *уза торган* реализует сему «действие, регулярно повторяемое время от времени». Данная сема занимает доминантную позицию, активируясь в содержательной структуре глагола благодаря условиям контекста (стремлением подчеркнуть определенную информацию) и словами-конкретизаторами *бер нисэ тапкыр*. В других контекстуальных условиях на передний план могут выходить другие прежде *рецессивные* семы, занимая, в свою очередь, позиции доминантных сем. Например, в предложении *Бу ат йел хайен хабантуйларда икенсе атларды уза торган был юлы ярышырга сыманы* «Эта лошадь, обгонявшая других каждый год на сабантуе, на этот раз не вышла на скачки» составной глагол *уза торган* приобретает иное лексическое значение «обгонявшая»; однако важным является факт (и на него, по нашему мнению, следует особо обратить внимание), что и в первом и во втором примере, несмотря на различное лексическое воплощение, вспомогательный глагол *торган* актуализирует одно и то же семантическое значение «действие, регулярно повторяемое», «происходящее периодически с неизбежным результатом».

Коснувшись вопроса акциональных значений составных глаголов, приобретаемых благодаря глаголу *тор (тур)*, хочется особо подчеркнуть, что диапазон их семантических вариантов, реализуемых в составе определенных контекстов, чрезвычайно многообразен. Нет возможности, в одной статье охватить все эти значения, однако возможно, на наш взгляд, обозначить некоторые существенные различия в способах их выражения и определение той семантической роли, которую они играют в их составе. «Таким образом не только в разных аспектуальных контекстах меняется акциональная семантика глагола, но и сам глагол, выступая в разных значениях, может входить только в определенные типы контекста» [Насилов, 1989, с.118].

Рассмотрим некоторые случаи в особенностях реализации характера аналитических конструкций с глаголом *тор*. Известно, что глагольные формы прошедшего времени способны выражать самый широкий спектр разнообразного семантического содержания. Возьмем для рассмотрения несколько предложений из различных произведений башкирской литературы. В

пьесе Даута Юлтыя читаем следующие строки, принадлежащие речи персонажей: 1. *Могайын, ул берей эшкеме корон йорой торгандыр* «Наверняка, этот нечистый замышлял что-то неладное» [Юлтый, 2004] - оценка явно отрицательная. 2. *Тансулпан аш-хыу тирэхенда йорой торгандыр* «Танчулпан должно быть на кухне крутится» [Юлтый, 2004] - оценка положительная. В этих двух предложениях аналитические конструкции «йорой торгандыр» реализуют различные доминантные семы в своем содержании. Более того, в первом случае составной глагол несет в себе значение «явно ходил с какой-то конкретной целью», содержание вполне соответствует грамматической форме прошедшего времени; во втором примере «йорой торгандыр» выражает предположение о местонахождении персонажа, но не о его передвижении как в первом примере. На вопрос «Тансулпан кайза?» «Где Танчулпан?» звучит ответ, предполагающий, что действие происходит в момент речи, оформляясь при этом глагольной формой прошедшего времени. Но и первый и второй составные глаголы включают в свое содержание единую сему «должно быть», «наверняка», «скорее всего» - т.е. значение предположения, невозможности сказать о предмете с безусловной уверенностью. Эта семантика реализуется в грамматическом содержании глагола *торгандыр*, аффикс которого «дыр» актуализирует именно значение предположения, возможности, сомнения. Сравним для примера: *Ул йоконан торгандыр* «Он должно быть проснулся», *Ул кайтып кайткандыр* «Наверное, он вернулся» и т.д.

Глагол *тор* также активно участвует в образовании глаголов настоящего времени. Причем, в данных глагольных формах также способны реализовываться разнообразные оттенки значений с точки зрения характера протекания действия, которые можно было бы распределить по типам: неопределенно-длительные, актуально-длительные, ограничительно-длительные, повторяющиеся. Следует сказать, что семантические компоненты глаголов определенной направленности (как действий, неопределенно-продолжительных или ограниченных временным отрезком) являются необходимыми универсалиями, присущими содержательной структуре любого языка, средства же реализации этих значений могут кардинально различаться, в зависимости от грамматической природы языков.

«Особый случай представляет т.наз. вневременное настоящее время, или «настоящее вечных истин», обозначающее ситуацию, существующую постоянно, всегда (Земля вращается вокруг Солнца) или повторяющееся постоянно (При нагревании все тела расширяются). Настоящее время в аспекте времен... понятие «всегда» включает, в частности, и момент речи». «Это значение неизменного длящегося состояния (как традиционно называют то, что обозначают эти глаголы), но если говорить точнее, это значение постоянного отношения.

В башкирском языке значение неопределенно-длительных действий передается содержанием аналитических конструкций соответствующей семантики при помощи глагола *тор*, в данном случае означающем действие неограниченно длительное; аспектное значение неопределенности интегрировано в лексическое содержание деепричастия, служебный компонент в составе которого в этом случае лишь актуализирует действие в настоящем, как действие «наблюдаемое» также и в данный момент. Ер айланеп тора «Земля вертится», Йелга хэулары агып тора «Воды реки текут», Йеллар утеп тора «Годы летят» и т.п. Все эти действия представлены в неопределенно-долгосрочной перспективе, составляющей семантическое содержание лексического значения деепричастия.

Выражаемое при помощи вспомогательного глагола *тор* актуально-длительное значение реализует «конкретно-процессную» семантику, непосредственно связанную с моментом речи. По сути, любая аналитическая конструкция способна приобретать значение актуально-

длительного процесса, служебный глагол в этих конструкциях выражен формами настоящего времени: Куззарен айтеп тора «Глаза сами говорят об этом»; ...кулына кунеген асып, ашыгып сыга «...завернув рукава, суетится»; ...эркенле кенэ агып тик ята «Тихонечко течет».

Тем не менее, следует отметить, что для выражения актуально-длительного значения глагол *тор*, используемый в качестве служебного компонента в составе аналитической конструкции, является наиболее частотным и продуктивным, охватывающим чрезвычайно широкий спектр различных способов реализации глагольных действий.

Рассмотрим еще некоторые особенности в реализации актуально-длительного значения в глаголах настоящего времени. Глагол *тор*, употребляемый в данных формах, устанавливает семантическую «привязку» к моменту речи. В этом отношении аналитические конструкции, выражающие действие, протекающее в момент речи подобны выражениям, употребляемым в языках романской группы, типа *sto scribendo* (исп. «я пишу»), *sto parlando* (ит. «я разговариваю») – однако гораздо шире их по разнообразию воплощаемых семантических оттенков. Вот некоторые из них:

Бына ул хэр вакыт туш-баштары калкытып, кыр кыздары кеуек осорга гына тора «Вот она всякий раз, гордо подняв голову и выпятив грудь, подобно другим девушкам готова в любой момент исчезнуть» – в аналитической конструкции *осорга генэ тора* служебный компонент тора передает действие, готовое к немедленному осуществлению; наличествующая доминантная сема, передаваемая лексическим содержанием всей конструкции «вот-вот», «едва лишь», «сразу же», содержит значение «подготовка к какому-либо действию»: *айтерга тора* «готовится сказать», *эшлэргэ тора* «готовится поработать» и т.п. В этом отношении представляют интерес конструкции, которые с тем же грамматическим оформлением передают семантический оттенок констатации некоего факта, не имеющего непосредственной привязки к моменту речи как таковому и актуализирующимся, как и в случае с глаголами неопределенно-длительного значения, лишь по необходимости. *Бото урыс крэстиэне Вася туп улэрга тора бит* «Все христиане русские готовы умереть за Васю» – в данном контексте аналитическая конструкция *улэргэ тора* передает значение действия, способного осуществиться вообще, как некий неизбежный результат, констатация определенного факта, но способного произойти в любой требуемый для этого момент. В отличие, скажем, от значения, реализуемого в других контекстуальных условиях: *Бу халдат, тыныла алмай, улэрга тора* «Этот солдат, задыхаясь, умирает».

Мин лавкага килеп етканда... Мэулетбай менэн Сафуан ишеккэ йозак халып тора ине «Когда я подбежал к лавке, Мавлетбай с Сафуаном уже закрывали дверь» – действие, осуществляемое в последний момент своего исполнения. В данном случае актуализируется лишь краткосрочный фрагмент в цепочке длящегося процесса, и наблюдатель является свидетелем его завершающей фазы. Вспомогательный глагол *тор* в данном случае несет отрывочный, фрагментарный характер одного из моментов действия, но представляет его как реализуемое, длящееся в момент речи. Здесь в передаче данного значения определяющую роль играют не только лишь семантические компоненты, содержащиеся в смысловом деепричастии и вспомогательном глаголе, но и в употребленной частице *ине*, выражающей также некий момент неожиданности, раскрытия перед наблюдателем части общей картины, как сюжетная деталь производимого действия, причем необязательно находящегося в финальной фазе своего осуществления. Ср.: *Мин кергандэ эсэй аш бешереп тора ине* «Когда я вошел, мама готовила суп».

Вообще следует отметить, что с помощью глагола *тор*, употребляемым в аналитических

конструкциях в качестве служебного компонента регистрируются различные фазы действия. Иными словами, *тор* как вспомогательный глагол передает определенную семантику действия на разных этапах его осуществления.

Примеры: *мине – сыскан йылында, хине йылкы йылнда тыуган, тип эйтэ торгайны* «...о том, что я в год мыши, а ты в год овна рождены были, говаривала» – *эйтэ торгайны* – употреблено в форме давнопрошедшего времени глагола;

Бынау купер астында бит ен-перей мыжгып тора «Под мостом этим ведь силы нечистой видимо-невидимо» – как вневременной факт, фиксирующий неопределенно-длительное значение, т.е. реализуется сема «действие, осуществляемое вообще», *мыжгып тора* «кишмя кишит». Сам факт синхронизируется с моментом речи только как некий вывод наблюдателя, с минимальной привязкой к актуальному настоящему (по тому же типу построены конструкции *Ер эйлэнеп тора* «Земля вертится»);

Була торган хэл «Это возможно случится» – конструкция *була торган* формой причастия вспомогательного компонента *торган* передает значение момента действия, которое, возможно, произойдет в будущем. Данного же значения составной глагол в предложении *Улар килгэнсэ, бер азырак ял итеп торорга кэрэк* «До их прихода нужно чуточку отдохнуть»;

Кайхы береузер унын итэгэнэн кара йондэрэ халынып куренеп торган хары тунына, карталар хала торган хары сумкахэна... «Кто-то из-под оборок желтого цвета тулупа, подбитого черным мехом, перекладывал бумаги в желтую сумку...» – в данном предложении первая конструкция *куренеп торган* передает значение действия, существующего само по себе, но не как некое механическое движение, а как некое состояние, фокусирующее внимание на факте «куренеп торган» «виднеется» (в данный момент наблюдения), т.е. охватывает процесс как фрагментарный момент, во втором примере «хала торган» «куда кладут» передает постоянное свойство предмета со слабо выраженной семой «обычно». Например, *хала торган урын* «место для чего-либо»;

...*кырмыска билэ хэмак, озолоп тора!*.. «талия, будто осиня, того и гляди оторвется» – *озолоп тора* передает значения действия, находящегося в процессе своего финального становления. Сема, выражаемая данной конструкцией – «вот-вот», «едва». Одновременно в лексическое значение включена сема «свойство предмета как определенное качество».

В предложении *Килеп тошоп кенэ торабыз* «Только что приехали» реализуется значение семы «только что», «в данный момент». Само действие фиксируется на финальной фазе своего осуществления и фокус внимания направлен на его конечную точку. Данный акцент особо заостряется благодаря слову «кена» с частично включенной семой «только что» (реализация данной семы может быть полноценно осуществлена только во всей конструкции. Так, например, в выражении *Айтеп кенэ куйзым* «Я лишь сказал» кенэ участвует в актуализации иного значения).

Кроме того, глагол *тор* в качестве служебного компонента способен оформлять также и начальную фазу действия. Например, в выражении *Мин уянганы ул хар вакыт эш башлай торгайны* «Пока я просыпался, она всякий раз начинала работу» конструкция *башлай торгайны* передает значение начала действия. Однако начальная фаза представлена в таких выражениях не сама по себе, так сказать изолировано, а как некий процесс, регулярно воспроизводимый, постоянно осуществляемый, т.е. одно из действий в цепочке однотипных и постоянных.

В таких выражениях как *бара тора* «идет», *эйтэ тора* «говорит», *укый тора* «читает» реализуется значение действия, производимого «попутно», «заодно», производимого вкупе с каким-либо другим основным действием. В семантической структуре данных конструкций

актуализируется сема «пока» как попутного, сопроводительного действия к действию основному: *Мин холэгэнсэ ул яза тора* «Пока я говорю, он пишет».

Заключение

В данной работе мы рассмотрели лишь небольшую часть возможных реализаций СГД из бесчисленного многообразия проявлений семантических оттенков в составе аналитических конструкций. Таким образом, реальное понимание значения той или иной аналитической конструкции в башкирском и, в целом, в тюркских языках возможно лишь при полноценной актуализации всех его потенциальных возможностей благодаря контекстуальным условиям, словесному окружению, лексическому значению составляющих аналитическое единство компонентов и их сочетательных особенностей, а также общей коммуникативной задаче.

Библиография

1. Биешева З., «Дус булайек» роман, Офо. 2008.
2. Буляков Д., «Гумер бер генэ». Офо. 1994.
3. Карим М., «Озак озон бала сак», Уфа. 2000.
4. Маслов Ю.С. Избранные труды. М. 2004.
5. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л. Наука. 1989.
6. Насыри И. «Кузэй», Офо. 2004.
7. Урал-батыр», Офо. 2005.
8. Хайри Г. «Боролош» роман. Уфа. 2004.
9. Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М. 2009.
10. Юлдашев А.А. Словообразование глагола // Грамматика современного башкирского литературного языка. М. Наука. 1981.
11. Юлтый Д., «Кан». Офо. 1977.
12. Юлтый Д., «Карагол». Офо. 2004.

Expression of the ways of verbal action in the Bashkir language with the participation of the verb *tor* as part of an analytical construction

Al'fred S. Khusnutdinov

Postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

119234, 1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation

e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Abstract

This article discusses some features in the expression of the ways of verbal action in the analytical constructions of the Bashkir language on the example of literary works of art. The question of the influence of context in the implementation of shades of meaning in compound verbs is also considered. It is shown that the "intra-verbal word composition" being an "object of derivational morphology" is a productive way of forming new meanings of verbs in the Turkic languages, which differ in the nature of the expressed action. Depending on the lexical meaning of the adverbial part, the service auxiliary component will have a limited amount of transmitted semantic shades, due to

both the combined possibilities of verbs and the context as a whole. The paper shows that the understanding of the meaning of a particular analytical structure in Bashkir and, in general, in the Turkic languages is possible only with the full actualization of all its potential possibilities due to the contextual conditions, the verbal environment, the lexical meaning of the components that make up the analytical unity and their combined features, as well as the general communicative task.

For citation

Khusnutdinov A.S. (2021) Vyzrazhenie sposobov glagol'nogo deistviya v bashkirskom yazyke s uchastiem glagola tor v sostave analiticheskoi konstruktsii [Expression of ways of verbal action in the Bashkir language with the participation of the verb tor as part of an analytical construction]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 167-174. DOI: 10.34670/AR.2021.28.68.020

Keywords

Verb actions, verb tor, Bashkir language, Bashkir literature, vocabulary.

References

1. Biisheva Z., "Dus bulayek "roman, Ofo. 2008.
2. Bulyakov D., "Gumer ber gene". Ofo. 1994.
3. Karim M., "Ozak ozon bala sak", Ufa. 2000.
4. Maslov Yu. S. Selected works. M. 2004.
5. Nasilov D. M. Problems of Turkic aspectology. Actionality. L. Nauka. 1989.
6. Nasyri I. "Kusa", Ofo. 2004.
7. Ural-Batyr", Ofo. 2005.
8. Hayri G. "Borolas" novel. Ufa. 2004.
9. Shatunovsky I. B. Problems of the Russian form. M. 2009.
10. Yuldashev, A. A. Derivation of the verb is the Grammar of the modern Bashkir language. M. Nauka. 1981.
11. Yul'tyy D., "Kan". Ofo. 1977.
12. Yul'tyy D., "Karagol". Ofo. 2004.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

Особенности выражения акциональных значений и качественно-аспектуальных характеристик аналитических глагольных конструкций в башкирском языке

Хуснутдинов Альфред Сидыкович

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119234, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, 1;
e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние контекстуальных средств на формирование способов глагольного действия в башкирском языке, а также влияние «аспектуальной ситуации» на особенности выражения акциональной характеристики аналитических конструкций. В статье делается вывод о том, что акциональные свойства и аспектуальные характеристики составных глаголов строятся в соответствии и с учетом всех возможных вариантов реализации смысловых оттенков в рамках единого глагольного денотата. Поэтому любой знаменательный глагол может образовывать соответствующие связи с широким спектром вспомогательных глаголов, представляющих действие с какой-либо стороны исполнения. В тюркских языках «приращение» дополнительных значений к денотату посредством служебных компонентов могут сопровождаться и особенностями в выражении семантического содержания в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации речи и лексического значения смыслового компонента деепричастия. Также исследуется вопрос о характере «внутреннего времени» составных глаголов, особенностях его реализации в определенных условиях контекста. В заключении показано, что знаменательные и служебные компоненты в составе аналитических конструкций представляют чрезвычайно широкий спектр взаимодействий, образующих некие минисистемы, элементы которых находятся в тесном контакте и границы которых часто сливаются и составляют своеобразные семантические «гроздь».

Для цитирования в научных исследованиях

Хуснутдинов А.С. Особенности выражения акциональных значений и качественно-аспектуальных характеристик аналитических глагольных конструкций в башкирском языке // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

Ключевые слова

Аналитические глагольные конструкции, глагольные системы, контекст, тюркские языки, башкирский язык.

Введение

В исследованиях глагольной системы тюркских языков среди тюркологов неослабевающий интерес представляют так называемые аналитические конструкции, получившие в тюркологии различные синонимические наименования: составные глаголы, сложные глаголы, сложновербальные, бивербальные конструкции. Данные термины, которые схематично можно было бы изобразить как «деепричастие на –п, -а/-е + вспомогательный модифицирующий глагол», передают идею характера протекания действия с точки зрения различных, реализуемых в глагольном комплексе, акциональных значений. Иными словами, служебный компонент в таких глаголах дополняет, уточняет значение смыслового деепричастия, представляя действие в ракурсе *особой событийности*. «...в рамках высказывания взаимодействие знаменательной и служебной семантики обретает особое содержание: с одной стороны, происходит наложение служебной семантики морфем на знаменательную семантику лексем; с другой стороны, взаимодействуют между собой также и знаменательные лексемы, поэтому распределение коммуникативных смыслов между компонентами высказывания всегда определяется условиями данной категориальной ситуации».

Приращение дополнительных оттенков к производящему денотату (способного восприниматься в тюркских языках обобщенно с т.з. совершенного и несовершенного вида), сужает его значение до конкретного проявления в конкретной речевой ситуации. Укырга – читать, укып сыга – прочитывает, укып етеп кила – уже дочитывает, укый килэ – читает одновременно с каким-либо другим действием, укып ботто – дочитал, укып ташланы – прочитал быстро, небрежно и т.д. Не случайно, что глагольные образования подобного типа (деепричастие + вспомогательный глагол), при переводе на русский язык, находят аналогии с приставочными глаголами.

Основная часть

Именно данное обстоятельство позволило многим тюркологам составные глаголы в тюркских языках интерпретировать как реализующие категорию совершенного вида, в то время как простые глаголы единодушно были признаны определяемыми двояко: и как глаголы СВ и как глаголы НСВ. Тем не менее, следует отметить, что сама по себе аналитическая конструкция не может быть однозначно определяема с т.з. грамматической категории совершенного вида, т.к. распределение ее «внутреннего времени» напрямую зависит от соответствующих контекстуальных условий:

Студент лекцияны язып сыкты «Студент записал лекцию»; в еще более широком контексте возможно «Студент дописал лекцию».

Студент лекцияны язып килдэ «Студент записывал лекцию».

Студент кон хаен бер дафтар битен язып сыкты «Студент каждый день записывал по одной тетрадной странице».

Становится очевидным, что для передачи тех или иных акциональных значений и аспектуальных характеристик определяющими в приведенных примерах являются передаваемые контекстуальные условия. Необходимо подчеркнуть, что влияние контекста практически во всех тюркских языках для реализации аспектуального содержания аналитической глагольной конструкции играет огромное значение. Соответствующее деривационное приращение способно модифицировать денотативное значение смыслового

деепричастия в различных ракурсах в зависимости от контекстуальных условий и выражаемой им аспектуальной ситуации. «Аспектуальная ситуация – это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура,... представляющая собой ту сторону передаваемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, которая связана с выражением характера и распределения действий во времени».

Воздействие «общей сигнификативной ситуации» на формирование того, что А. В. Бондарко назвал «типовая содержательная структура» в глагольной семантике тюркских языков имеет исключительное значение.

Аналитическая конструкция, в зависимости от контекстуальной оформленности и отражаемой смысловой задачи, способна выступать в различных аспектуальных реализациях с т. з. своих качественных характеристик и распределения внутреннего времени. Вообще следует особо подчеркнуть, что контекст как таковой, при необходимых условиях, способен активировать любые потенциальные возможности глагольной семантики, воздействуя на «угол зрения» к представляемой ситуации речи. Иными словами, при одном и том же грамматическом оформлении аналитическая глагольная конструкция может быть представлена в своих различных аспектуальных характеристиках, например, определяться как действие, имеющее внутренний предел либо не ограниченное этим пределом. «При вариациях в «вещественной» части многозначной лексики одновременно меняется и сопряженная с ней акциональная семантика. Возникает типичная картина, когда глагол в одном значении передает процесс с одной фазовой структурой (например, предельный), а в другом – с иной (например, неопредельный)» [Насилов. 1989, 17].

По нашему мнению, формирование «аспектуальной ситуации» в тюркских языках строится под непосредственным влиянием тех или иных контекстуальных условий, от которых во многом зависит способность глагола выступать в своем предельном или неопредельном значении. Здесь необходимо отметить, что протекание внутреннего времени строится не только на формально-грамматических, но по большей части лексико-семантических основаниях.

Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие наши положения. Возьмем для примера глагол сыкты «вышел», который в составе аналитической конструкции, выступая в роли служебного компонента, подвергается полной десемантизации. Образующие с помощью данного вспомогательного глагола конструкции способны иметь следующие типы «приращиваемых» значений, формируя различные способы глагольного действия: 1) действие, исчерпавшее себя: һэу кайнап сыкты «вода вскипела»; 2) чрезмерное проявление действия: тон буена илап сыкты «проплакал всю ночь»; 3) действие, охватывающее некоторое количество объектов: бураналерды бысып сыкты «перепилил все бревна».

Аналитические конструкции с тем или иным вспомогательным глаголом всегда можно противопоставить глагольным сочетаниям со свободной синтаксической связью. Характеризуя сущность вспомогательных глаголов, исследователь татарского языка Ф. А. Ганиев пишет следующее: «При помощи вспомогательных глаголов действие, выраженное простым глаголом, конкретизируется. Составные глаголы в силу этого становятся более определенными, конкретными, образными...» [Ганиев, 1963, 53]. К свободным глагольным сочетаниям ученый относил такие, члены которой имеют самостоятельную синтаксическую роль, и в случае, если между двумя словами можно вставить третье без ущерба для смысла целого. Также и А. М. Щербак отмечал, что формализация и, как следствие, десемантизация полнозначных глаголов контекстуально обусловлено [Щербак, 1981, 136].

В нашем примере данные нами аналитические конструкции со спрягаемым глаголом

сыкты, в качестве служебного компонента, мы можем противопоставить свободным глагольным сочетаниям, где тот же глагол *сыкты* имеет уже полнозначное семантическое содержание: Ул *һабар айтеп сыкты* «Он, сказав новость, вышел»; Ул *елгала езеп сыкты* «Поплавав в речке, он вышел». В этом отношении примечателен последний пример: при изменении падежной формы слова *елгала* «в речке» на *елганы* «всю речку», меняется общее смысловое содержание предложения, и бивербальный глагол *езеп сыкты* при том же грамматическом оформлении меняет в целом характер своего глагольного действия; при изменении описываемой ситуации меняется и акциональное значение глагольной конструкции (формально-грамматическое выражение зачастую остается без изменений): Ул *елганы езеп сыкты* «Он *исплавал* всю речку». Ср., для примера: Ул *тугайда эзлап сыкты* «Он *искал* в роще», Ул *тугайды эзлап сыкты* «Он *обыскал* всю рощу» и Ул *тугайдан эзлап сыкты* «Поискав в роще, он *вышел* (из нее)». Данные примеры наглядно демонстрируют нам, какое важное значение имеет контекст в тюркских языках при формировании акциональной характеристики глаголов. Будучи под непосредственным влиянием заданных контекстуальных условий речи, бивербальные конструкции способны реализовывать различные стороны своего семантического содержания, выражая разнообразные оттенки значений. «Выражаемое данной конструкцией содержание вытекает вовсе не из значения отдельных компонентов и не из суммы их значений, а из структуры конструкций в целом» [Юлдашев, 1981, 73] Те же контекстуальные условия ограничивают возможности образования и проявления типовых акциональных свойств глаголов, определяя характер свободных глагольных сочетаний.

Следует отметить, что в тюркских языках, при рассмотрении видо-временных форм глагола, часто весьма затруднительно с однозначной определенностью охарактеризовать их внутреннее качественно-аспектуальное содержание. Например, несмотря на то, что в большинстве случаев в формах императива, а также прошедшего и будущего времени индикатива глаголов мы наблюдаем имплицитованность внутреннего предела действия, некоей результативной границы, все-таки существует немало случаев двойственной интерпретации аспектуальных признаков, а при иных контекстуальных условиях та же грамматическая глагольная форма (о чем мы говорили ранее) способна передавать прямо противоположные значения. Здесь на первый план уже выходит словесное окружение глагола, соответствующие контекстуальные условия и в целом, реализуемая в предложении смысловая задача.

Кеше *килеп сыкһа*, ул башын ситке бора, куззарен яшера [Карим, 2000, 58]. «А коль уж появится кто, он голову в сторону повернет, глаза спрячет» или «А коль уж кто появляется, он голову в сторону отворачивает, глаза прячет».

На возможность подобной двоякой интерпретации по отношению к внутренней границе действия, влияет, на наш взгляд, словесное окружение рассматриваемой аналитической конструкции *килеп сыкһа* «появится», «появляется», когда наряду с составным глаголом в качестве однородных предикатов используются простые глаголы, способные, как известно, в тюркских языках употребляться как в условных формах совершенного, так и несовершенного вида. В данном предложении это глаголы *бора* «поворачивает», «повернет» и *йешерэ* «прячет», «спрячет».

В предложении Картинейем бында *тороп калһэн* [Карим, 2000] форма составного глагола, употребленного в императиве *тороп калһэн* в данном контексте может восприниматься двояко: и с т.з. действия предельного, обладающего внутренней границей, и как не ограниченного пределом: 1) Бабушка пусть здесь *останется*; 2) Бабушка пусть здесь *остаётся*. В данном случае (как и во многих других, при соответствующих переводах с одного языка на другой)

соотношение глаголов по предельности/непредельности имеет четкие семантические параллели. Здесь необходимо отметить, что в тюркских языках на формирование внутреннего предела в некоторых случаях определенное влияние способны оказывать контекст и общая коммуникативная задача высказывания. Предельность таким образом есть внутренняя направленность действия к «видимой» «различимой» границе. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» [Маслов, 2004, 29].

Все же следует отметить, что видо-временные формы тюркского глагола вообще (а не только башкирского), употребленные в прошедшем времени, как правило, передают значение предельности, внутренней границы действия. В практике перевода на русский язык такие глаголы находят свое отражение обычно в формах глаголов совершенного вида; формы той же глагольной лексемы, но уже употребленные в настоящем времени, указывают на длительность действия, как правило, его неограниченность пределом. Такие глаголы часто передают значение актуально-длительного СГД, реализуемое соответствующими служебными модифицирующими компонентами.

Иманлек уренэн аяз кондо ак тау башындагы ак кала ялт итеп *ялтырап куренеп тора* [Карим, 2000, 47]. «А в ясный погожий день меж дубовой рощи на вершине белой горы, сверкая, виднеется белый город».

Бынау купер астында бит ен-перей мыжгырып тора [Карим, 2000, 71]. «Под мостом этим нечистой силы водится видимо-невидимо».

Куззарен айтеп тора [Насыри, 1989, 4].

Тем не менее, несмотря на частотность подобного распределения внутреннего времени в глаголах актуально-длительного настоящего, в конструкциях на «*инфинитив + тор*» возможно также и указание на внутренний предел действия: Аяктар уззенэн-уззере *югерерга тора* «Ноги сами собой готовы пуститься в бег» [Карим, 2000, 54]. *Бына ул хэр вакыт туш-баштары калкытып, кыр кыззары кеук осорга гына тора* «Вот она всякий раз, гордо подняв голову и выпятив грудь, подобно другим девушкам готова в любой момент исчезнуть» [Юлтый, 2004, 127]. Но даже и в подобных случаях на формирование внутренней временной границы или же, наоборот, ее отсутствия, влияние оказывает соответствующий контекст. Такие глаголы, как правило, при переводе передаются формами инфинитива, но могут также и выражаться формами будущего времени, с соответствующими адвербиальными конкретизаторами, сигнализирующими о том, что действие вот-вот должно совершиться, находится на грани своего активного исполнения. Это значение реализуется благодаря вспомогательному глаголу *тор*, в данных типовых ситуациях, придающего семантике всей аналитической конструкции значение «готовности (ожидания) интенсивного приступа к действию: *югерерга тора* «вот-вот побегут (ноги)», *язырга тора* «готовится написать (вот-вот напишет)», *уырга тора* «собирается прочитать (вот-вот прочитает)» и т.п.

Определяя аспектуальные характеристики и акциональные свойства аналитических конструкций, необходимо подчеркнуть, что в тюркских языках «приращение» дополнительных значений к денотату посредством служебных компонентов могут сопровождаться и особенностями в выражении семантического содержания в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации речи и лексического значения смыслового компонента деепричастия. Что это значит? Это значит, что с помощью одного и того же служебного компонента, входящего в одну типовую семантическую подгруппу (лексико-семантический разряд), действие может приобретать различный характер исполнения. В русском языке такие глаголы

оформляются с помощью различных приставок и суффиксов, в тюркских – в их выражении участвуют служебные компоненты, относящиеся к одному СГД.

Данные конструкции А. А. Юлдашев определяет как образованные посредством «внутриглагольного словосложения», считая их «объектом деривационной морфологии» [Юлдашев, 1981, 213]. Например, в башкирском языке вспомогательные глаголы *кит*, *куй* относятся к способу глагольного действия, обозначающего неожиданное, интенсивно производимое действие. Это его семантический признак. Однако глагольные значения, осуществляемые при помощи данных вспомогательных компонентов, могут интерпретироваться двояко: как действия преднамеренные, ожидаемые и как действия случайные, неконтролируемые, неожиданные: *егылып китте* «вдруг упал», *тайеп китте* «поскользнулся», *егылып куйды* «упал» - действия непреднамеренные, случайные; *эшлап китте* «заработал», *айтеп куйды* «высказал», *колоп куйды* «усмехнулся» - действия ожидаемые, преднамеренные. По данным свойствам можно распределить практически все аналитические конструкции. Разграничение, проведенное нами, особо отчетливо показывает тесную семантическую взаимосвязь между знаменательным, смысловым и служебным, модифицирующим компонентами в составе аналитической конструкции.

Акциональные свойства и аспектуальные характеристики составных глаголов строятся в соответствии и с учетом всех возможных вариантов реализации смысловых оттенков в рамках единого глагольного денотата. Поэтому любой знаменательный глагол может образовывать соответствующие связи с широким спектром вспомогательных глаголов, представляющих действие с какой-либо стороны исполнения. С этой точки зрения один и тот же служебный компонент с разными знаменательными глаголами будет передавать абсолютно различные СГД: *кушып ебарды* «добавил», *тортоп ебарды* «толкнул», *колоп ебарды* «рассмеялся» и т.п. Таким образом, один знаменательный глагол может «обрастать» целой сетью вспомогательных компонентов, образуя различные способы глагольного действия. Возьмем, к примеру, глагол *аш* «есть». Мы можем выявить следующие его способы реализации глагольных действий: *ашап алды* «перекусил», *ашап куйды* «съел», *ашап ебарды* «съел (случайно)», *ашап ботто* «доел», *ашап ятты* «ел все время» и т.п. Каждое из приобретаемых денотатом *аш* значений относится к разным сторонам единого лексико-семантического поля, реализуя те или иные акциональные характеристики.

Заключение

Таким образом, и знаменательные и служебные компоненты в составе аналитических конструкций представляют чрезвычайно широкий спектр взаимодействий, образующих некие мини-системы, элементы которых находятся в тесном контакте и границы которых часто сливаются и составляют своеобразные семантические «гроздья».

Библиография

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. 1983.
2. Ганиев Ф.А. видовая характеристика глаголов татарского языка. Татарское книжное издательство. 1963.
3. Карим М., «Озак озон бала сак», Уфа. 2000.
4. Маслов Ю.С. Избранные работы. М. 2004.
5. Маслов Ю.С. Избранные труды. М. 2004.
6. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л. Наука. 1989.
7. Насыри И. «Кузэй», Офо. 2004.

8. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л. 1981.
9. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М. 1958.
10. Юлдашев А.А. Словообразование глагола // Грамматика современного башкирского литературного языка. М. Наука. 1981.
11. Юлтый Д., «Карагол». Офо. 2004.

Features of the expression of actional meanings and qualitative-aspectual characteristics of analytical verb constructions in the Bashkir language

Al'fred S. Khusnutdinov

Postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
119234, 1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation
e-mail: Khusnutdinov@mail.ru

Abstract

The article considers the influence of contextual means on the formation of verbal action methods in the Bashkir language, as well as the influence of the "aspectual situation" on the features of the expression of the actional characteristics of analytical constructions. The article concludes that the actional properties and aspectual characteristics of compound verbs are constructed in accordance with and taking into account all possible variants of the implementation of semantic shades within a single verbal denotation. Therefore, any significant verb can form appropriate connections with a wide range of auxiliary verbs that represent an action from any side of the performance. In the Turkic languages, the "increment" of additional meanings to the denotation by means of service components can also be accompanied by features in the expression of semantic content in each specific case, depending on the situation of speech and the lexical meaning of the semantic component of the adverbial part. The article also examines the nature of the "internal tense" of compound verbs, the features of its implementation in certain context conditions. In conclusion, it is shown that the significant and service components in the composition of analytical structures represent an extremely wide range of interactions that form some mini-systems, the elements of which are in close contact and the boundaries of which often merge and form a kind of semantic "clusters".

For citation

Khusnutdinov A.S. (2021) Osobennosti vyrazheniya aktsional'nykh znachenii i kachestvenno-aspektual'nykh kharakteristik analiticheskikh glagol'nykh konstruktov v bashkirskom yazyke [Features of the expression of actional meanings and qualitative-aspectual characteristics of analytical verb constructions in the Bashkir language]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2021.46.38.021

Keywords

Analytical verb constructions, verb systems, context, Turkic languages, Bashkir language.

References

1. Bondarko A.V. Principles of functional grammar and questions of aspectology. L. 1983.
2. Ganiev F. A. Specific characteristics of the Tatar language verbs. Tatar Book Publishing House. 1963.
3. Karim M., "Ozak ozon bala sak", Ufa. 2000.
4. Maslov Yu. S. Selected works. M. 2004.
5. Maslov Yu. S. Selected works. M. 2004.
6. Nasilov D. M. Problems of Turkic aspectology. Actionality. L. Nauka. 1989.
7. Nasyri I. "Kuzey", Ofo. 2004.
8. Shcherbak A.M. Essays on comparative morphology of the Turkic languages. Verb. L. 1981.
9. Yuldashev A. A. Sistema slovoobrazovaniya i spryazheniya vergola v bashkirskom yazyke. M. 1958.
10. Yuldashev A. A. Slovoobrazovanie vergola / / Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka. M.Nauka. 1981.
11. Yulty D., "Karagol". Ofo. 2004.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.10.14.022

Предельно-мировоззренческая экспертиза культурных и гуманитарных объектов: введение в методологию

Морозова Ольга Владимировна

кандидат архитектуры
старший научный сотрудник,
Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова
630099, Российская Федерация, Новосибирск, Красный проспект, 38
e-mail: o.morozova@nsuada.ru

Аннотация

В статье поясняются основные принципы проведения предельно-мировоззренческой экспертизы культурных и гуманитарных объектов и явлений. Обосновывается актуальность проведения экспертизы данных объектов и явлений на предмет их подлинно созидательного или разрушительного характера. Данный подход отвечает запросам концепции устойчивого развития в области формирования необходимых навыков и качеств человека: этической основы, гуманного отношения, морально-этического воспитания. На примерах раскрывается содержание основных понятий – «функциональная» и «предельно-мировоззренческая стилистика» объекта исследования, рассматриваются типы предельно-мировоззренческой стилистики. Термин «предельность» был введен В.Г. Мушичем-Горомыко для обозначения некой максимы подлинного блага для мира и человека. Содержание этой максимы для каждого человека будет своим, но векторное направление к созиданию или разрушению познаваемое, оно может быть определено в соответствии с сформулированными критериями. Это и есть предмет экспертной работы при данном исследовательском подходе. Предельно-мировоззренческая экспертиза дает качественную характеристику объекта или явления путем определения типа предельно-мировоззренческой стилистики, ее векторной устремленности – либо к подлинному созиданию, либо к разрушению.

Для цитирования в научных исследованиях

Морозова О.В. Предельно-мировоззренческая экспертиза культурных и гуманитарных объектов: введение в методологию // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 183-192. DOI: 10.34670/AR.2021.10.14.022

Ключевые слова

Предельно-мировоззренческая экспертиза; функциональная стилистика; предельно-мировоззренческая стилистика; устойчивое развитие.

Введение

Реальность стремительно меняется. Новые явления, от которых люди еще недавно были далеки, сейчас становятся частью повседневной жизни – это экспансия цифровых технологий, необходимость массовой защиты от вирусов, новые требования к профессиональной деятельности и др. Будущее стало приближаться стремительнее, и футурологи стали пристальнее всматриваться в него. Некоторых из них интересуют перспективы развития технологий, включая концепции преобразований природы человека (трансгуманизм), другие создают общие стратегии, стараясь охватить все стороны жизни цивилизации. Для решения проблемы сбалансированного взаимодействия природной, социальной и экономической сфер была сформирована концепция устойчивого развития, которую считают «одной из наиболее распространенных и поддерживаемых мировым сообществом» [Пустохина, Валиев, с. 37].

Основная часть

Применяя системный подход, создатели концепции устойчивого развития предлагают сначала изучить систему взаимодействий, а затем «определить конкретные изменения, которые *улучшат* развитие системы и направят ее на устойчивый курс» [Ермаков, Ермаков]. Термин «*улучшат*», не случаен в данной цитате. Алгоритм достижения устойчивости от специалиста по устойчивому развитию А. Аткиссона выглядит так: 1) сначала исследуется глобальная система взаимодействия природы, социума и экономики; 2) в ней обнаруживаются несовершенства, препятствующие *позитивным изменениям*; 3) далее предлагаются пути решения; 4) система приобретает *лучшие* качества [Аткиссон, с. 52]. В текстах программных документов концепции устойчивого развития постоянно встречаются понятия, связанные с качественным изменением элементов системы: «развитие», «улучшения», «позитивные инновации», «изменения к лучшему», «благо».

В представленном алгоритме действий переход от первого шага ко второму эксплицитно содержит в себе экспертную работу на предмет качественной оценки объектов и явлений. Поскольку речь идет о глобальной повестке, охватывающей экологическую, экономическую и социальную сферы, самый большой вопрос возникает относительно социальной сферы, ведь такая экспертиза должна распространиться на культурные и гуманитарные объекты и явления с целью обнаружения тех, что способствуют устойчивому развитию цивилизации, и тех, что препятствуют ему. А это подразумевает разработанность всех составляющих экспертной работы: философских и методологических оснований, методологии, типологии, критериев оценки, требований к компетентности экспертов и др.

Экспертиза культурных и гуманитарных объектов на предмет наличия в них качеств подлинно созидательных или разрушительных, т. е. работающих на улучшение или ухудшение социальной составляющей глобальной повестки, может стать частью программной работы, направленной на устойчивое развитие. Данный подход отвечает запросам концепции устойчивого развития в области формирования необходимых навыков и качеств человека: этической основы, гуманного отношения к живым существам, духовного и морально-этического воспитания. Их значимость подчеркивается в программных документах об устойчивом развитии [Хартия Земли].

Нацеленность на «улучшения» задает вектор, направление. «Лучшее будущее» означает состояние лучшее, чем сейчас, т. е. фиксирует наличие подлинного развития. Одновременно

появляется дуальность направлений действия, мышления, направлений развития теорий и практик: есть лучшее направление, знаменующее собой подлинное развитие, а есть противоположное ему – худшее направление, ведущее к деградации. Это диалектические состояния объектов и явлений в культурной и гуманитарной сферах.

Новосибирский философ В. Г. Мушич-Громыко разработал авторскую концепцию экспертной работы с такими объектами, основанную на диалектическом подходе. Он ввел умозрительную систему пространственных координат и предложил совместить значение пространственных векторов «вверх-вниз» с семантикой подлинно созидательных и разрушительных качеств или стилистик гуманитарных объектов [Мушич-Громыко, 2011, с. 81–85]. Исследование гуманитарных объектов на предмет содержания данных характеристик он назвал предельно-мировоззренческой экспертизой [Мушич-Громыко, 2014, с. 160], [Мушич-Громыко, 2011, с. 317]. Термин «предельность» был введен для того, чтобы задать некую максимум подлинного блага для мира и человека. Содержание этой максимы для каждого человека будет своим, но векторное направление к созиданию или разрушению познаваемо, оно может быть определено в соответствии со сформулированными критериями. Это и есть предмет экспертной работы при данном исследовательском подходе.

Наша цивилизация за тысячелетия своего развития достигла многого в различных областях знаний, но в деле различения созидательного и разрушительного, подлинного и ложного, благого и неблагого мы не слишком преуспели. И об этом говорят многие современные проблемы, проявляющие себя не только в экологической и экономической сферах, но и в социальной, политической областях, в сфере межличностных отношений и т. д.

В ходе предельно-мировоззренческой экспертизы исследуются диалектические состояния «созидание» и «разрушение». Первым этапом такой мыслительной работы становится различение этих двух тенденций в мышлении и действии. На необходимость подобного различения указывали великие педагоги-гуманисты. Я. Корчак говорил о том, что мы «...обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать...» [Корчак, с. 92]. Я. А. Коменский учил познанию «истинных» различий вещей, необходимости различения подлинного (или «драгоценного») и ложного («пустого») ¹ [Педагогическое наследие]. Они видели диалектику мира и жизни и передавали этот навык своим ученикам.

Подлинно созидательная и разрушительная стилистика гуманитарного объекта или явления связана с качеством его реального воздействия на человека, социум, природу, но это не значит, что данный объект или явление будет восприниматься субъектом именно так. Это момент связки реального мира и сферы мышления субъекта, сферы его восприятия. В сфере мышления качественная характеристика объекта или явления дается человеком сообразно его системе ценностей.

Первый шаг к описанию и осознанию ценностей – это их классификация. Вопрос классификации ценностей находится в поле научных интересов целого ряда исследователей

¹ «Мудрость юноши должны почерпнуть из хорошего наставления, изучая истинные различия вещей и их достоинство. <...> Истинная мудрость заключается в том, чтобы судить о вещах справедливо, чтобы считать каждую вещь только такою, какова она есть, не стремиться к пустому, как будто бы оно было драгоценным, или не отбрасывать драгоценного, принимая его за пустое, не порицать того, что заслуживает похвалы, и не восхвалять заслуживающего порицания» [Коменский Я. А. Великая дидактика, гл. 23].

[Каган, 1997, 110], [Синицына, 2017], [Таланова, 2013], [Савченко, Молчан, 2013], [Леденцов, 2007].

Рассмотрим классификацию, предложенную Д.С. Леденцовым, поскольку для нее четко сформулированы методологические основания [Леденцов, с. 229]. Данная классификация имеет иерархическую структуру, ценности в ней подразделены на классы, роды, типы, виды (см. рисунок).

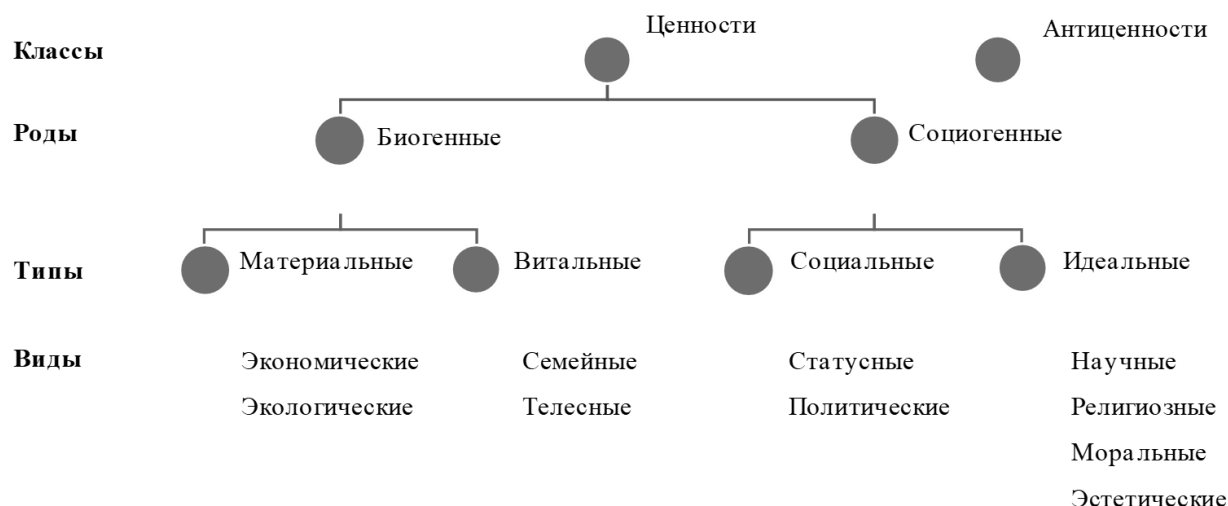

Рисунок 1 - Классификация ценностей по Д. С. Леденцову

Здесь, как и в других подобных классификациях, ценности систематизированы по функциональному принципу, т. е. по той функции, которую они выполняют в культуре и обществе. Когда мы говорим о качественной оценке объекта мышления или деятельности человека, вводя категории созидательного и разрушительного, то функциональные характеристики теряют свое первостепенное значение. С этих позиций нашему подходу соответствует предложенное Д. С. Леденцовым деление ценностей на два класса – ценности и антиценности – в первом классификационном уровне. К сожалению, автор не приводит критериев, по которым можно производить данное разделение, поэтому опереться на этот источник мы не можем.

С точки зрения качественной (в терминологии В. Г. Мушич-Громыко – предельно-мировоззренческой) экспертизы объекта или явления не имеет принципиального значения, к какому функциональному типу принадлежит ценность, соотносящаяся с ним. Важно то, обладает ли она предельной направленностью, т. е. направленностью к предельному понятию созидательного блага как такового. Если нет, то такой объект является функциональным и не может быть соотнесен с предельными категориями подлинного созидания или разрушения.

Для раскрытия содержания понятий «предельно-мировоззренческая» и «функциональная стилистика» и для поиска объектов, обладающих данными характеристиками, вновь обратимся к классификации ценностей Д. С. Леденцова (см. рисунок). Рассмотрим несколько видов ценностей в предложенной системе классификации.

Эстетические ценности (тип идеальные). Объекты, представляющие собой эстетическую

ценность, формирующие огромный пласт объектов культуры. Среди них есть и те, которые, обладая эстетической ценностью, не имеют никакого отношения к предельной созидательной подлинности, а, даже напротив, могут являться объектами, разрушающими эту подлинность. Это, например, произведения искусства Третьего рейха. «Фашизм как страшная социальная болезнь явил себя поначалу в тщательно эстетически продуманной “красивой форме”: факельные шествия, героизация с помощью древних мифов, музыка Вагнера, привлекательная брутальная и дизайнерски выверенная военная форма СС, “божественный образ” фюрера как спускающегося с небес посланника древних богов в фильме “Триумф воли” Л. Рифеншталь и т. д. Фашизм, благодаря такой эстетизации, формировал не просто сторонников, а фанатов» [Красноярова, с. 150]. Эти художественные произведения, обладая определенной эстетической ценностью, несут в себе идеологию жесткого, беспощадного разрушения мира и жизни как таковой.

Одновременно в этом же функциональном видовом множестве, среди объектов, имеющих эстетическую ценность, присутствуют те, что несут в себе высокую ноту предельной подлинности, транслируют подлинную человечность и сострадательность. Яркие примеры этого – проникновенные портреты Эль Греко («Автопортрет», 1595–1600 гг.; «Портрет Фрая Хортестино Феликса Паравичино», 1609 г.; «Апостолы Петр и Павел», около 1587–1592 гг.) и Рембрандта («Портрет старушки», 1655 г., «Автопортрет в берете с поднятым воротником», 1659 г.; «Портрет старика в красном», около 1652–1654 гг.). В этих работах технические средства создания художественного произведения (жанр портрета, реалистичный стиль живописи и др.) направлены на выражение высоких мировоззренческих и этических смыслов, в них реализована особая мотивационная направленность мыслей авторов и моделей. Художникам удалось передать глубочайшие духовные состояния людей, изобразить подлинную высоту духа, стремящегося к предельности, которая может выражаться в таких категориях, как доброта, мудрость, сострадание, подлинная правда.

Так, предельно-мировоззренческая стилистика художественных произведений, относящихся к одной функциональной категории «эстетические ценности», оказывается диалектически противоположной – одни произведения несут в себе подлинное созидание, другие разрушают здоровое мышление человека.

Телесные ценности (тип витальные). На примере «телесных ценностей», в частности ценностей человеческой жизни, рассмотрим вопрос дифференциации функциональных и предельно-мировоззренческих характеристик.

Данные характеристики могут соседствовать в одной фразе, например в новостной сводке: «Житель Ярославской области Антон Сурьянинов спас из пожара 11-летнего мальчика»². В этой фразе ряд характеристик героя имеет функциональное значение (пол, имя, место жительства). Из видеосюжета мы узнаем, что он, рискуя собственной жизнью и благополучием своих родных детей, спас чужого ребенка. Предположим, что данный поступок можно оценить как созидательный с точки зрения его предельно-мировоззренческой стилистики, но это останется предположением, пока у эксперта не будет возможности узнать всех обстоятельств произошедшего события, подлинной мотивации этого человека, обстоятельств его жизни до и

² Кинулся в пекло: мужчина вынес мальчика из горящего дома в Ярославской области от 16:13 23.10.2020 г. [сайт телеканала «Звезда»]. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/202010231531-22Sgs.html (дата обращения: 25.02.2021).

после случившегося.

Завершенный образ схожей ситуации и образ героя можно найти в художественном произведении – в стихотворении С. Я. Маршака «Рассказ о неизвестном герое» [Маршак]. Здесь мы также обнаруживаем функциональные характеристики главного действующего лица, «парня какого-то лет двадцати»:

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак «ГТО»
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Все приведенные характеристики – функциональные, ценностно нейтральные, но есть намек на оценочность – семантическое значение белого цвета. «Белый цвет во многих культурах символизирует хорошие качества человека – благородство, умеренность, спокойствие духа» [Болотина, Шабашева, с. 7], но пока это только намек. Образ героя складывается благодаря последующему описанию совершенного им героического поступка – спасения девочки из страшного пожара. Особую тональность придает именно бескорыстность, нежелание славы, известности:

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

В конце произведения автор совершает перенос не только функциональных («Многие парни, плечисты и крепки, многие носят футболки и кепки...» [Маршак]), но и предельно-мировоззренческих характеристик героя на весь советский народ («К славному подвигу каждый готов!» [Маршак]), тем самым возводя данные качества в статус значимых, приоритетных для общества в целом. Да, это идеализация, но она «приподнимает» человека, дает возможность увидеть, почувствовать в себе самом эту этическую высоту. На основании сказанного можно утверждать, что данное произведение несет в себе созидательную предельно-мировоззренческую стилистику.

Экологические ценности (тип материальные). Формирование экологического сознания стало приметой нашего времени. Об экологическом движении можно говорить как о самостоятельном направлении, поддерживаемом рядом специализированных естественно-научных дисциплин (экология, медицина, биология, промышленное производство, техника и др.). Экологический подход продолжает оставаться центральной темой в концепции

устойчивого развития, будучи дополненным другими направлениями, которые признаются значимыми для формирования устойчивого будущего. Особая роль в этом процессе отводится образованию. Предложения по развитию образования в целях устойчивого развития также фокусируются на основных направлениях устойчивого развития – вопросах экологической целостности, экономической жизнеспособности, справедливого общества в отношении распределения ресурсов, уважения культурного разнообразия и др. [Agbedahin, 2019, 4].

В движении по пути к устойчивому развитию цивилизации люди ставят перед собой и социумом указанные цели. Постановка целей развития связана с ценностями, с тем, что человек или социальная группа ценит, чего хочет достичь. Каждое из предложенных функциональных направлений развития сориентировано на достижение определенных целей, связанных с соответствующими ценностями: экономическими, экологическими, политическими, статусными, эстетическими, религиозными. Иными словами, при формировании стратегии происходит ориентация на функциональную типологию объектов и сопряженных с ними ценностей. Выше мы показали, что объекты и явления могут формально относиться к той или иной функциональной категории ценностей, но при этом иметь разные предельно-мировоззренческие характеристики – подлинно созидательную или разрушительную. Если такие объекты или явления оказываются разрушительными для мышления человека, для природы, культуры и жизни как таковой, то они не могут способствовать достижению «лучших» состояний, а, напротив, становятся источником деградации.

Предельно-мировоззренческая экспертиза дает качественную характеристику объекта или явления путем определения типа предельно-мировоззренческой стилистики, ее векторной устремленности – либо к подлинному созиданию, либо к разрушению.

Навыки различения предельно-мировоззренческих стилистик подлинного созидания и разрушения мира и жизни в целом, несмешивания их с функциональными характеристиками объектов и явлений позволяют найти ориентиры в процессе принятия человеком внутренних решений «за» или «против» на пути построения лучшего будущего.

Методология предельно-мировоззренческой экспертизы имеет большой потенциал в аспекте образовательной и воспитательной работы. Ее особенностью является личная включенность субъекта в процесс познания.

Заключение

Важно подчеркнуть, что данная экспертиза не может и не должна являться инструментом социального воздействия. Этого требует этическая позиция индифферентности по отношению к решениям и действиям людей. История нам оставила множество примеров того, к каким трагедиям может привести менторская позиция человека и сообщества, уверенных в подлинности своих ценностей и берущих на себя право «научить», «указать», «изменить», «наказать» инакомыслящих. Любое социальное воздействие допустимо только на основании законных решений в области гражданского, уголовного и прочих прав граждан. В противном случае благие намерения оздоровить общество ведут к насилию. Мыслительная работа в уровнях собственного восприятия и принятие личных решений, основанных на понимании различий созидательной с разрушительной стилистики, может помочь человеку выбрать лучший путь, который приведет его лично, а возможно и сообщество, к которому он принадлежит, к лучшему будущему. Главным ориентиром является этика.

В данной статье осуществлена попытка пояснить базовые принципы проведения предельно-мировоззренческой экспертизы культурных и гуманитарных объектов и явлений; на примерах раскрыто содержание основных понятий – «функциональная» и «предельно-мировоззренческая стилистика» объекта исследования. Продолжением темы может стать экспертная работа с конкретными моделями, призванными работать на формирование «лучшего будущего», такими как «комплекс характеристик человека устойчивого развития» и «модель образовательной экосистемы».

Библиография

1. Agbedahin A. V. Sustainable development, Education for Sustainable Development, and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Emergence, efficacy, eminence, and future // Sustainable Development. 2019. Volume 27. Issue 4. July/August. DOI: 10.1002/sd.1931 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/sd.1931> (accessed: 25.02.2021).
2. Аткиссон А. Как устойчивое развитие может изменить мир. М., 2012.
3. Болотина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 7–12.
4. Ермаков А. С., Ермаков Д. С. Что такое устойчивое развитие // Химия и жизнь. 2012. № 11. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431824/Chto_takoe_ustoychivoe_razvitie (дата обращения: 25.02.21).
5. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997.
6. Корчак Я. Как любить ребенка: Книга о воспитании. М., 1990.
7. Краснаярова Н. Г. Категория безобразного в осмыслении конфликтного поля культур // Конфликтология и конфликты в современном мире: материалы Всерос. науч. конф., Омск, 28 апр. 2017 г. / под ред. С. Ф. Денисова, Т. М. Овчинниковой, О. И. Колотовой. Омск. 2017. С. 147–152.
8. Леденцов Д. С. Классификация ценностей // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2007. № 1. С. 229–230.
9. Маршак С. Я. Рассказ о неизвестном герое [сайт «РусСтих. Стихи классиков»]. URL: <https://rustih.ru/samuil-marshak-rasskaz-o-neizvestnom-geroe/> (дата обращения: 25.02.2021).
10. Мушич-Громыко В. Г. Исследование бытия объектов с нефиксированным статусом и онтологии моральной ответственности человека в аспекте долженствования. Новосибирск, 2011.
11. Мушич-Громыко В. Г. Субстратно-теоретические и практико-ориентированные возможности гуманитарной экспертизы (аспекты, проблемы понимания стиля). Новосибирск, 2014.
12. Педагогическое наследие: Я. А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. М., 1989. URL: http://narodnoe.org/old/Classics/Komensky/Komensky_Yan_Amos_Velikaya_didakt_izbr.htm#R_70 (дата обращения: 25.02.21).
13. Пустохина Н. Г., Валиев В. Н. Концепция устойчивого развития: основные положения // Изв. Урал. гос. горн. ун-та. 2015. № 2 (38). С. 37–41.
14. Савченко Е. А., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности: аксиологические классификации // Педагогическое образование и наука. 2013. № 6. С. 20–27.
15. Синицына А. О. Проблема определения и классификации ценностей: отечественный и зарубежный опыт // Педагогическое образование и наука. 2017. № 3. С. 100–106.
16. Таланова К. С. Дефиниция и типология ценностей // Социология. 2013. № 2. С. 89–93.
17. Хартия Земли: [сайт Центра экологической политики и культуры]. URL: <http://ecologyandculture.ru/upload/File/Books/Khartiya.pdf> (дата обращения: 25.02.21).

Boundedness and worldview examination of cultural and humanitarian objects: introduction to the methodology

Ol'ga V. Morozova

PhD in Architecture

Senior Researcher,

Novosibirsk State University of Architecture,

Design and Arts named after A. D. Kryachkov

630099, Russian Federation, Novosibirsk, Krasny Prospekt, 38

e-mail: o.morozova@nsuada.ru

Abstract

The article explains the basic principles of carrying out the boundedness and worldview examination of cultural and humanitarian objects and phenomena. The urgency of the examination of these objects and phenomena is substantiated therein in terms of their truly constructive or destructive nature. This approach meets the requirements of the concept of sustainable development in the field of forming the necessary skills and qualities of a person: an ethical basis, a humane attitude, ethical education. By way of examples, the content of the basic concepts – «functional» and «boundedness and worldview stylistics» of the research subject is revealed, the types of the boundedness and worldview stylistics are considered. The term “boundedness” was introduced by V.G. Mushich-Goromyko in order to designate a maxim of true good for the world and man. The content of the maxim is individual for each person, but the vector direction to creation or destruction is cognisable, it can be defined pursuant to the formulated criteria. This is the subject of the expert work in this research approach. Boundedness and worldview examination provides a qualitative characteristic of an object or phenomenon by determining the type of ultimate worldview style, its vector orientation either to genuine creation or to destruction.

For citation

Morozova O.V. (2021) Predel'no-mirovozzrencheskaya ekspertiza kul'turnykh i gumanitarnykh ob'ektov: vvedenie v metodologiyu [Boundedness and worldview examination of cultural and humanitarian objects: introduction to the methodology]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 183-192. DOI: 10.34670/AR.2021.10.14.022

Key words

Boundedness and worldview examination; functional stylistics; boundedness and worldview stylistics; sustainable development.

References

1. Agbedahin A. V. Sustainable development, Education for Sustainable Development, and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Emergence, efficacy, eminence, and future // Sustainable Development. 2019. Volume 27. Issue 4. July/August. DOI: 10.1002/sd. 1931 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/sd.1931> (accessed: 25.02.2021).
2. Atkisson A. How sustainable development can change the world. Moscow, 2012.
3. Bolotina M. A., Shabasheva E. A. Symbolika tsveta v russkom i angliyskom yazykakh [Symbolism of color in Russian and English]. Balt. feder. I. Kant State University. 2011. Issue. 2. pp. 7-12.

4. Ermakov A. S., Ermakov D. S. What is sustainable development? // Chemistry and Life. 2012. No. 11. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431824/Chto_takoe_ustoychivoe_razvitiye (accessed: 25.02.21).
5. Kagan M. S. Philosophical theory of Values. St. Petersburg, 1997.
6. Korczak Ya. How to love a child: A book about education. Moscow, 1990.
7. Krasnoyarova N. G. The category of the ugly in the understanding of the conflict field of cultures // Conflictology and conflicts in the modern world: materials of the All-Russian Scientific Conference, Omsk, 28 Apr. 2017 / ed. by S. F. Denisov, T. M. Ovchinnikova, O. I. Kolotova. Omsk. 2017. pp. 147-152.
8. Ledentsov D. S. Classification of values // Vestn. Irkut State Technical University un-ta. 2007. No. 1. pp. 229-230.
9. Marshak S. Ya. The story of an unknown hero [website " Rustikh. Poems of the classics»]. URL: <https://rustih.ru/samuil-marshak-rasskaz-o-neizvestnom-geroe/> (accessed 25.02.2021).
10. Musich-Gromyko V. G. Research of the existence of objects with an unfixed status and the ontology of moral responsibility of a person in the aspect of duty. Novosibirsk, 2011.
11. Musich-Gromyko V. G. Substrate-theoretical and practice-oriented possibilities of humanitarian expertise (aspects, problems of understanding style). Novosibirsk, 2014.
12. Pedagogical heritage: Ya. A. Komensky, D. Locke, Zh. - Zh. Russo, I. G. Pestalozzi. M., 1989. URL: http://narodnoe.org/old/Classics/Komensky/Komensky_Yan_Amos_Velikaya_didakt_izbr.htm#R_70 (accessed: 25.02.21).
13. Pustokhina N. G., Valiev V. N. The concept of sustainable development: basic provisions. Ural State Mining University. 2015. No. 2 (38). pp. 37-41.
14. Savchenko E. A., Molchan E. M. Spiritual and moral values: axiological classifications // Pedagogical education and science. 2013. No. 6. pp. 20-27.
15. Sinitsyna A. O. The problem of defining and classifying values: domestic and foreign experience // Pedagogical education and science. 2017. No. 3. pp. 100-106.
16. Talanova K. S. Definition and typology of values // Sotsiologiya. 2013. No. 2. pp. 89-93.
17. Earth Charter: [website of the Center for Environmental Policy and Culture]. URL: <http://ecologyandculture.ru/upload/File/Books/Khartiya.pdf> (accessed: 25.02.21).

УДК 351.85

DOI: 10.34670/AR.2021.97.48.023

Культурологические особенности контроля работы современных средств массовой информации

Боровик Мария Викторовна

аспирант

Краснодарский государственный институт культуры
350901, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33
e-mail: borovik_maria@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается специфика работы современных средств массовой информации в условиях демократического общества, когда вместо цензуры и контроля становится особенно актуальной необходимость самоконтроля и социальной активности населения. Проанализированы примеры контроля деятельности средств массовой информации, на основе чего доказывается острая необходимость определения разумных и справедливых ограничений в деятельности СМИ, которая может угрожать даже стабильности государства. Показано, что наряду со вседозволенностью и бесцензурностью СМИ возникает актуальная на сегодняшний день потребность – контроля средств массовой информации, включая интернет, для недопущения призывов экстремизма, убийств, домашнего насилия. Все нормативно-правовые акты, законы направлены на точечное решение проблемы. Для полного устранения таких случаев необходимы развитие культуры населения и социальная активность граждан, которые позволят искоренить проблему. Доказано, что для полного устранения призывов к экстремизму, прямых трансляций убийств и домашнего насилия необходимы социальная активность граждан и, более всего, развитие общей культуры всех слоёв населения, что должно занимать особое место в культурной политике государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Боровик М.В. Культурологические особенности контроля работы современных средств массовой информации // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 193-198. DOI: 10.34670/AR.2021.97.48.023

Ключевые слова

средства массовой информации, культурная политика, закон, цензура, самоконтроль.

Введение

В демократическом обществе современные средства массовой информации, в первую очередь, должны реализовать права граждан на доступ к объективной и достоверной информации, предоставляемой в разных СМИ, и обеспечить прозрачность деятельности институтов гражданского и правового общества. Однако при вседозволенности прессы современное общество сталкивается с такими актуальными и еще не решенными проблемами, как интернет-призывы к экстремизму, убийствам, домашнему насилию, способствуя культурной и нравственной деградации населения. В статье с помощью культурологического и исторического подходов рассмотрены основные сферы влияния прессы на общество, с особым вниманием к анализу и сравнению публикаций в СМИ, проведенных в привязке с недавно вышедшими законами РФ, касающимися работы прессы.

Основная часть

Существенный вклад в изучение этой проблемы внесли А. Блум, А. Грабельников, В. Афанасьев, И. Дзялошинский, М. Солодовников, И. Марцоха и Ю. Батурин. Тем не менее, сохраняется необходимость комплексного культурологического анализа, недостаточно освещен ряд аспектов проблемы, в том числе таких актуальных, как проблема самоконтроля в СМИ.

После провозглашения гласности и ослабления партийно-государственного контроля над прессой в период перестройки появилось множество независимых газет, спешивших оглашать те социально значимые факты, которые ранее замалчивались. Однако такие бесконтрольные средства массовой информации стали набирать сотрудников без журналистского образования.

Если вспомнить работу прессы в период Советского Союза, с профессиональной точки зрения деятельность СМИ была значительно грамотней и допускала намного меньше «ляпов» в эфире. На ведущих телеканалов и радиостанций равнялись граждане в произношении, ударениях, общей культуре речи. На сегодняшний день, однако, популярен образ «своего парня/девчонки», которые не то, что без образования, их речь и произношение очень сложно даже просто понять. Вряд ли просмотр новостей и телепередач поможет школьником сдать экзамены по русскому языку. В печатных и интернет-изданиях заметна такая тенденция: чем «независимей» пресса – тем больше грамматических и пунктуационных ошибок и опечаток допущено.

Если в советском времени контроль прессы был со стороны государства, то в современности деятельность СМИ подчинена рекламодателям. Зачастую финансируя независимые издания, они диктуют свои правила в контрактах, нарушив которые можно лишиться заработка. Вспоминается роман Виктора Пелевина «Generation «П»», который в сатирической форме высмеивает «слуг информации», их свободу слова, а также выявляет пороки современного общества, в котором девальвированы культура, мораль, наука, милосердие, зато процветают жестокость, насилие, эгоизм, взяточничество и нет места чувству патриотизма и любви к Родине.

Герои романа «Generation «П»», живущие в освобожденном от тоталитаризма обществе, оказываются несвободны, так как вынуждены подчиняться диктату денежных «бизнес» - законов. В романе показана «симулякральная» свобода, обернувшаяся еще большим рабством и распадом духовности - вместо единой абсолютной Истины люди обрели множественность относительных и частных.

Еще одной характерной особенностью современных средств массовой информации, которая может оправдать безграмотность и описки, - является бесконтрольный поток «инфоповодов». С развитием интернета новости стали появляться непрерывно. Интернет позволяет каждому человеку «в прямом эфире» показывать желаемое зрителям. В погоне за популярностью многие интернет-пользователи переходят грань реальности и дозволенности. Так, например, тридцатилетний российский стример в прямом эфире довел свою подругу до смерти, заперев на холоде. Житель Армавира убил свою девушку, записал на фоне ее тела видеообращение, где признался в содеянном и поделился дальнейшими, чуть позже реализованными планами – убийством ее младшего брата. Сам видеоролик он загрузил в своих социальных сетях.

Наряду со вседозволенностью и бесцензурностью СМИ возникает актуальная на сегодняшний день потребность – контроля средств массовой информации, включая интернет, для недопущения призывов экстремизма, убийств, домашнего насилия. Все нормативно-правовые акты, законы направлены на точечное решение проблемы. Для полного устранения таких случаев необходимы развитие культуры населения и социальная активность граждан, которые позволят искоренить проблему.

Сложно объяснять про законы и этическую культуру поклонникам таких телепередач, как «Мужское / женское», «Пусть говорят», «ДНК», «Дом-2». В этой ситуации самое непонятное то, что главный федеральный канал – «Первый» - демонстрирует два вышеперечисленных проекта в дневное время. Современное поколение подростков может посмотреть, как оскорбляют друг друга и дерутся гости передач и глумятся ведущие над участниками. Еще один пример, который дает «привыкать» публики к насилию – это показ в новостных сводках детализированных убийств. Трудно представить в советское время случай нападения ученика на учителя, это не вызовет удивление даже у детей-очевидцев.

Приведем примеры некоторых законов, которые регулируют деятельность СМИ косвенно или напрямую. Принятые поправки в статью 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации», где нормативно закреплена административная ответственность за распространение фейковых новостей. Вступил в силу закон о клевете в интернете (изменения в статье 128.1 УК РФ), который предусматривает не только штраф до 1 миллиона рублей, но и лишение свободы на срок до двух лет.

Любой дизайн одежды может быть расценен правоохранительными органами как пропаганда, а это уже нарушение статьи 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП). В прошлом году жительницу Пензы оштрафовали за размещение в своих соцсетях фотографии носков с принтом конопли. Весьма противоречивую реакцию общественности вызвал проект закона о просветительской деятельности, который при соответствующем истолковании может означать возврат к идеологической цензуре. Были внесены поправки в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому журналистов, освещающих несанкционированные акции, в некоторых случаях можно приравнять к протестующим. В ноябре 2019 года в России был принят закон о суверенном интернете (изменения в законы: «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Таким образом, государственные органы получили полномочия по техническому функционированию сети Интернет в пределах страны по фактору маршрутизации трафика, регулировать вопросы создания необходимой инфраструктуры. Зато это позволит обеспечить работоспособность российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения операторов связи к зарубежным корневым серверам.

Карантин и другие меры по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции сказались на работе прессы, так как почти всю информацию население получало через СМИ. Очевидно, что контроль прессы был в какой-то степени необходим, однако необходим взвешенный подход, в том числе учитывающий международные сопоставления. За 2020 год в рейтинге свободы слова международной правозащитной организации «Репортеров без границ» Россия заняла 149 место из 180. Авторы рейтинга заявили, что эпидемия коронавируса обострила проблемы перед независимой журналистикой. Однако данная проблема характерна не только для России. По мнению экспертов, в разных странах репортеры подвергались давлению со стороны властей. Так, например, в Китае и Иране при освещении эпидемии публикации цензурировались, власти Ирака на три месяца приостановили лицензию агентства Reuters, освещающего неофициальные данные о COVID-19, а венгерский премьер-министр Виктор Орбан инициировал принятие закона, подразумевающего тюремные сроки до пяти лет за «распространение ложной информации о коронавирусе».

Если рассматривать на сегодняшний день российские методы управления деятельности средств массовой информации, то можно отметить их незначительную эффективность, особенно в части культурологического контекста. Очевидно, что незначительное количество данной составляющей в новостях и они не могут достигнуть результата – создани положительного имиджа действий власти, например, в области вакцинации или повышения пенсионного возраста. В этой связи показателей пример Китая, где согласно исследованиям Г. Кинг, Дж. Пэн, М. Робертс было показано, что существует так называется армия «50 центов». Суть идеи заключается в том, что после затрагивания в интернете «щепетильных» тем включаются люди – «50С», которые переводят внимание публики на другие социально-значимые проблемы. Тем самым человек может высказаться на любую тему, что не противоречит принципам свободы слова, но без массовой поддержки интерес быстро теряется к даже очень важной проблеме.

Заключение

Подводя итог, можно с у сказать, что бесконтрольность СМИ опасна и разрушительна для общества, может привести не только культурной деградацией, но и к развитию социально негативных процессов, таких как призывы к экстремизму, убийствам и домашнему насилию. Задача культурной политики нашего государства состоит в том, чтобы она базировалась на всеобъемлющей программе культурного и нравственного воспитания населения, обеспечивающей широкий кругозор, усвоение веками настоянных культурных ценностей.

Библиография

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста - М.: МГУ. 2003.
2. Виктор Пелевин. Generation "П". 1999. URL:<http://pelevin.nov.ru/romans/pe-genp/> (дата обращения 23.05.2021).
3. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы - М.: Издательство РИП – холдинг, 2001 – 183с.
4. Гэри Кинг, Дженнифер Пэн и Маргарет Робертс. Как Китайское Правительство фабрикует посты в социальных сетях для стратегического отвлечения внимания, а не для ангажированных споров. *American Political Science Review*, 111, 3. 2017. 484-501 с. URL:<https://j.mp/2ovks0q> (дата обращения 23.05.2021).
5. Дзялошинский И.М. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности – Москва, 1996.
6. Евгений Хвостик. Россия осталась 149-й в рейтинге свободы слова «Репортеров без границ». *Коммерсантъ*. 2020. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4327633> (дата обращения 23.05.2021).
7. Евдокимов В.А. Региональные печатные СМИ как субъект политического конфликта (на примере Омской

- области) // Сборник статей «Журналистика и политика» - Екатеринбург, 2004 - 30 с.
8. КоАП РФ. Статья 13.15. Злоупотребление свободой массовой информации (в ред. Федерального закона от 28.12.2009 N 380-ФЗ).
9. Мамонтова О.И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Московского университета Серия 10. Журналистика. Научная статья – М.: МГУ. 2010.
10. Минаева О.Д. Русская журналистика в документах: История надзора / под ред. Б.И.Есина, Я.Н.Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 397 с.
11. Наталья Саванкова. Узор не тот. Модницу заставили заплатить штраф за носки. Российская газета - Федеральный выпуск № 200(8254) URL:<https://rg.ru/2020/09/07/reg-pfo/zhitelnice-penzy-prishlos-zaplatit-shtraf-iz-za-selfi.html> (дата обращения 23.05.2021).

Culturological features of monitoring the work of modern mass media

Mariya V. Borovik

Postgraduate student
Krasnodar State Institute of Culture
350901, 33, 40-letiya Pobedy str., Krasnodar, Russian Federation
e-mail: borovik_maria@mail.ru

Abstract

The article examines the specifics of the work of modern mass media in a democratic society, when instead of censorship and control, the need for self-control and social activity of the population becomes especially urgent. Examples of control over the activities of the mass media are analyzed, on the basis of which the urgent need to determine reasonable and fair restrictions in the activities of the media, which can even threaten the stability of the state, is proved. It is shown that along with the permissiveness and obscenity of the media, there is an urgent need to control the media, including the Internet, to prevent calls for extremism, murder, and domestic violence. All legal acts and laws are aimed at solving the problem on a point-by-point basis. To completely eliminate such cases, it is necessary to develop the culture of the population and social activity of citizens, which will help to eradicate the problem. It is proved that for the complete elimination of calls to extremism, live broadcasts of murders and domestic violence, social activity of citizens and, above all, the development of a common culture of all segments of the population is necessary, which should occupy a special place in the cultural policy of the state.

For citation

Borovik M.V. (2021) Kul'turologicheskie osobennosti kontrolya raboty sovremennykh sredstv massovoi informatsii [Cultural features of monitoring the work of modern mass media]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 193-198. DOI: 10.34670/AR.2021.97.48.023

Keywords mass

Media, cultural policy, law, censorship, self-control.

References

1. Avraamov D.S. Professional'naya etika zhurnalista - M.: MGU. 2003.
2. Viktor Pelevin. Generation "P". 1999. URL:[http://pelevin.nov.ru/romans/pe-genp/\(data obrashcheniya 23.05.2021\)](http://pelevin.nov.ru/romans/pe-genp/(data obrashcheniya 23.05.2021)).
3. Grabel'nikov A.A. Russkaya zhurnalistika na rubezhe tysyacheletiy. Itogi i perspektivy - M.: Izdatel'stvo RIP – kholding,

2001 – 183s.

4. Gary King, Jennifer Pan, Margaret E. Roberts. Kak Kitayskoe Pravitel'stvo fabrikuet posty v sotsial'nykh setyakh dlya strategicheskogo otvlecheniya vnimaniya, a ne dlya angazhirovannykh sporov. *American Political Science Review*, 111, 3. 2017. 484-501 s. URL:<https://j.mp/2ovks0q> (data obrashcheniya 23.05.2021).
5. Dzyaloshinskiy I.M. Rossiyskie SMI v izbiratel'noy kampanii: uroki effektivnosti – Moskva, 1996.
6. Evgeniy Khvostik. Rossiya ostalas' 149-y v reytinge svobody slova «Reporterov bez granits». *Kommersant*". 2020. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4327633> (data obrashcheniya 23.05.2021).
7. Evdokimov V.A. Regional'nye pechatnye SMI kak sub"ekt politicheskogo konflikta (na primere Omskoy oblasti) // *Sbornik statey «Zhurnalistika i politika»* - Ekaterinburg, 2004 - 30 s.
8. KoAP RF. Stat'ya 13.15. Zloupotreblenie svobodoy massovoy informatsii (v red. Federal'nogo zakona ot 28.12.2009 N 380-FZ).
9. Mamontova O.I. Razvitie osnovnykh institutov samoregulirovaniya SMI v mire // *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 10. Zhurnalistika. Nauchnaya stat'ya* – M.: MGU. 2010.
10. Minaeva O.D. Russkaya zhurnalistika v dokumentakh: Istoriya nadzora / pod red. B.I.Esina, Ya.N.Zasurskogo. – M.: Aspekt Press, 2003. – 397 s.
11. Natal'ya Savankova. Uzor ne tot. Modnitsu zastavili zaplatit' shtraf za noski. *Rossiyskaya gazeta - Federal'nyy vypusk № 200(8254)* URL:<https://rg.ru/2020/09/07/reg-pfo/zhitelnice-penzy-prishlos-zaplatit-shtraf-iz-za-selfi.html> (data obrashcheniya 23.05.2021).

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

- title (name);
- author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
- author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
- annotation (author's abstract);
- key words;
- the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
- list of references;
- Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

